

ПОЛЯРНИКИ
в Отечественной
ВОЙНЕ

Издательство
Ленинградского
1945

ПОЛЯРНИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
(ОЧЕРКИ И ДОКУМЕНТЫ)

•

СБОРНИК ПОДГОТОВЛЕН К ПЕЧАТИ И ИЗДАЕТСЯ
ПО ЗАДАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЛАВСЕВМОРПУТИ ПРИ СНК СССР

•

В СОСТАВЛЕНИИ СБОРНИКА ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ
ПОЛЯРНИКИ И ЖУРНАЛИСТЫ тт. *Т. АЛФЕРЬЕВА,*
Н. БОЛОТНИКОВ, Е. БОСНЯЦКИЙ, А. ГАЛКИН,
Т. КАРАВАЕВА, Г. КАЛАШНИКОВ, М. КАМИН-
СКИЙ, Д. КАРЕЛИН, М. КИРЮШИНА, Т. ПЕРГА-
МЕНТ, Е. СУЗЮМОВ и Л. ХВАТ

•

ФОТО А. ЛЕССА

РИСУНКИ НА ВКЛЕЙКАХ

ХУД. *Г. ТУРЫЛЕВА*

ОБЛОЖКА И ЗАСТАВКИ

ХУД. *А. КУЧЕРОВА*

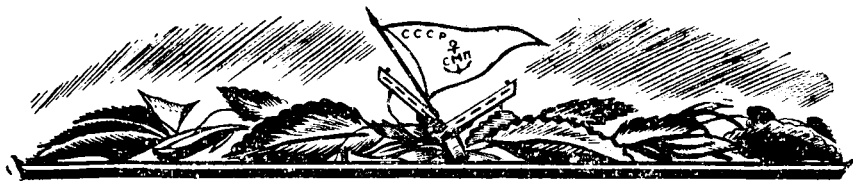
•

РЕДАКТОРЫ КНИГИ

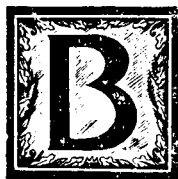
М. ЧЕРНЕНКО и Т. СЕЛЯВИНА

•

КНИГА НАБРАНА И ОТПЕЧАТАНА
В ТИПОГРАФИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
ГЛАВСЕВМОРПУТИ

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА!

ВЕЛИКИЙ подвиг совершил наш народ, защищая от немецких варваров завоевания Октябрьской Социалистической революции, честь и независимость Советской Родины. Советские люди, работающие в тылу, не отставали в своей трудовой доблести от ратных подвигов замечательных бойцов и

офицеров Красной Армии.

Товарищ Сталин в докладе о XXVII годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции отметил, что источником героизма и самоотверженности наших людей является горячий и животворный советский патриотизм. Непреоборимая его сила выковывалась задолго до войны, с первых дней существования советского государства. Когда грянула Отечественная война и пришли дни суровых, грозных испытаний, во всей полноте сказалась та многолетняя школа, которую наш народ прошел за годы советской власти под руководством героической большевистской партии.

В годы мирного социалистического строительства борьба за освоение Северного морского пути, за покорение Арктики была одним из тех участков, где десятки тысяч людей закалялись и мужали, как советские патриоты.

Холодные просторы Арктики никогда не пугали русского человека. Еще в незапамятные времена отважные поморы с беломорского, мезенского, онежского, шенкурского, кемского берегов на утлых кочах ходили в далекие плавания, промышляли зверя на Новой Земле, на Груманте, устанавли-

вали торговые связи не только с Обью и Енисеем, но и с более далекими сибирскими областями. Поморы прокладывали морские и торговые пути. Их подвиг и сейчас вызывает наше восхищение. Но они, конечно, были бессильны перед природой Арктики. Они только приспособлялись к ледовым препятствиям, не могли преодолевать их, не могли твердою ногой стать на северных землях.

В последующие годы — до советской власти — в Арктику ходило довольно много экспедиций. Север был местом, куда, как магнитом, тянуло не только людей науки, но и разных авантюристов, любителей сенсаций и легкой славы. Арктика упорно скрывала от человечества свои тайны. С большими трудностями и жертвами наука накапливала сведения о законах, управляющих жизнью льдов, о богатствах недр, скрытых под толщей вечной мерзлоты.

Только в наши дни, при советской власти, советские люди пришли в Арктику как хозяева, чтобы с помощью передовой науки и техники наперекор льдам освоить великий морской путь, ведущий с Запада в Тихий океан, покорить и подчинить человеку просторы Крайнего Севера, приобщить их к социалистическому строительству.

Мысль об освоении Северного морского пути принадлежит Иосифу Виссарионовичу Сталину. Мы хорошо помним, как товарищ Сталин отечески поощрял и вдохновлял первые сквозные походы наших судов, первые экспедиции, снаряженные для разведки полезных ископаемых, первые транс-полярные перелеты, первые научные базы, создаваемые в самых глухих уголках Севера.

Освоение Северного морского пути стало одним из звеньев великого сталинского плана преобразования нашей страны. То, что было не по плечу старой России, оказалось вполне под силу молодой советской стране. Никогда еще в истории мира работа по освоению новых необжитых территорий, тем более арктических, не велась по такому твердому и мудрому плану, с таким государственным размахом.

Товарищ Сталин любовно направлял каждый шаг советских полярников. Он поправлял нас, когда мы что-либо упускали, разбрасывались в своей работе. Указания вождя повседневно вдохновляют советских полярников.

Постепенно Арктика становилась страной более обжитой и населенной. Ни один успех, конечно, не приходил сам. Он давался в борьбе, в преодолении многих трудностей.

По зову партии тысячи рядовых советских людей шли на Север, работать на полярных станциях, на строительстве портов, радиостанций, авиабаз, разведывать богатства, обживать холодный край.

Большевистская сила духа, незаурядная смелость и преданность делу требовалась от них. Но полярники знали, что за их работой следит товарищ Сталин и вся страна.

Товарищ Сталин указывал, что в задачи Главсевморпути входит не только постройка радиостанций, проверка фарватеров, но и поднятие экономики районов, примыкающих к Северному морскому пути, обеспечение трассы углем, развитие новой советской жизни на огромных пространствах Крайнего Севера.

Исходя из указаний товарища Сталина еще в 1938 году, XVIII съезд партии постановил «Превратить к концу третьей пятилетки Северный морской путь в нормально действующую водную магистраль, обеспечивающую планомерную связь с Дальним Востоком». С этого времени проведена жоренная перестройка работы Главсевморпути, которая уже принесла положительные результаты. За годы третьей сталинской пятилетки в основном решена задача уверенного и безопасного плавания по трассе при довольно значительном числе судов, построены арктические порты, созданы топливные базы, удвоена мощность ледокольного флота, усилена авиационная разведка льдов, проведена огромная работа по изучению морей Советской Арктики.

Незадолго перед войной товарищ Сталин детально ознакомился с работой, проделанной полярниками, и планами на ближайшие годы. Товарищ Сталин указал нам, что объем арктических грузоперевозок все еще мизерный, что необходимо уже в ближайшие годы увеличить грузооборот по Северному морскому пути примерно в 5—6 раз. Таким образом развитие огромного транспортно-промышленного комбината, каким является Северный морской путь, поднималось на новую ступень.

Несомненно и эта историческая для нас, полярников, директива товарища Сталина будет выполнена.

«Нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевистская смелость и организованность», — писал двенадцать лет назад товарищ Сталин с приветствием полярным морякам ледокольного парохода «Сибиряков».

В те дни, впервые в истории полярного мореплавания со-

ветский корабль прошел за одну навигацию сквозным рейсом по всему Северному морскому пути от берегов Мурман в Тихий океан. Это был первый успех. За ним пришли другие. Полярные моряки, летчики, научные работники штурмовали и брали одну крепость Арктики за другой. То, что испокон веков считалось невозможным, простые советские люди сделали своим будничным практическим делом.

Сталинская забота вселяла силы, необходимые для преодоления препятствий, возникавших на пути к поставленным целям. В борьбе с тяготами полярной жизни, в преодолении трудностей выковывались и закалялись наши кадры.

В свое время, в связи с отважными полетами летчиков на спасение экипажа парохода «Челюскин», раздавленного льдами Чукотского моря, по предложению товарища Сталина и его ближайших соратников, было установлено высокое звание Героя Советского Союза. Так в Арктике засияла слава первых героев народа.

Немного, всего лишь 10 лет прошло с той поры. Но как изменилась наша Арктика. Какими рискованными и необычайными считались полеты наших авиаторов в лагерь челюскинцев. После этого Водопьянов и его товарищи высадили советскую полярную экспедицию в центре Северного Ледовитого океана. Чкалов и Громов слетали через Северный полюс в Америку. Наша четверка спокойно проработала 270 дней на дрейфующей льдине. Каждый год десятки советских кораблей по точному навигационному графику идут с востока на запад и с запада на восток по Северному морскому пути. Наши обычные авиационные трассы вдоль и поперек прочертили всю Арктику. И когда на мощных летающих лодках наши летчики производят глубокие ледовые разведки, покрывая за один полет по 3—4 тысячи километров и находясь в воздухе по 12—15 часов без посадки, никто и не пытается считать это чем-то необычным и героическим.

Выросла наша Арктика. И вместе с ней выросли и возмужали наши кадры полярников — сталинских воспитанников — партийных и непартийных большевиков.

Отечественная война с гитлеровской Германией потребовала от армии полярников нового напряжения сил, умения работать в новых непривычных условиях. К трудностям борьбы с природой прибавились особые трудности военного времени.

Немало наших товарищей ушли с мирной работы в ряды

героической Красной Армии, Военно-Морского Флота, в ряды отважных партизан. Они не посрамили имени советских полярников.

Когда придет долгожданный час победы, мы снова соберемся в своей дружной семье. Многие не придут, но навечно за ними останутся почетные места в наших рядах. Советские полярники всегда будут чтить память своих товарищей, отдавших жизнь за счастье Родины. Среди них дивизионный комиссар Белозерский, бывший начальник Горно-геологического управления, павший смертью героя на защите дальних подступов к Москве; Герой Советского Союза Мегер, защищавший далекое Заполярье; Герой Советского Союза Асямов, один из лучших летчиков Aviации дальнего действия; старейшие капитаны-ледокольщики Мелехов и Сергиевский; капитаны ледокольного флота старшие лейтенанты Гудин и Кагоров; геолог Староверов, погибший на посту начальника штаба партизанского отряда; летчики полярной авиации Еременко и Черевков; мастер судоремонтного завода Погосян; технолог судоремонтного завода Георгиевский; борградист Ануфриев; сотрудники Арктического института Гатиев, Скляр, Чернявский, Овчинников, Мутафи.

Сейчас победоносная Красная Армия под водительством великого вождя и полководца Иосифа Виссарионовича Сталина уже вышибла врага с советской земли. С честью и славой Красная Армия приступает к выполнению исторического задания — добить фашистского зверя в его собственной проклятой берлоге. В этой борьбе принимают участие многие наши товарищи по мирной работе, простые и мужественные советские люди, уже прославившие свои имена на фронтах Отечественной войны. Пусть сознание того, что ими гордится вся Арктика, вдохновит их на новые ратные подвиги во славу Советского Союза.

В мирные годы полярники никогда не забывали о серьезном народно-хозяйственном значении трассы, которую они осваивали. Когда фашистские орды вторглись на нашу землю, пришло время на деле доказать, что силы и средства народа, вложенные в Северный морской путь, не пропали даром. Где бы ни трудились советские полярники — на самой северной научной станции в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, в соляных рудниках Нордвика, в угольных шахтах

Сангар, на ледоколах, проводивших караваны судов сквозь льды, на строительстве новых полярных портов — всюду они вносили свой посильный вклад в дело победы.

Особенно следует отметить героический труд некоторых наших полярных коллективов.

Родина не забудет подвиг рабочих и специалистов Заполярного судоремонтного завода. Находясь в прифронтовой полосе, коллектив этого завода в течение долгого времени, несмотря на ежедневные ожесточенные бомбардировки, отлично выполнял и перевыполнял задания правительства по ремонту боевых кораблей Северного флота и транспортных судов и, сверх того, организовал выпуск боеприпасов.

Сначала немцы пытались захватить этот завод в свои руки. Доблестные моряки-североморцы и части Красной Армии отбили наступление врага. После этого немцы, видимо, решили уничтожить завод с воздуха. Ожесточенные налеты следовали один за другим. Немало стервятников нашла себе могилу в холодных водах Баренцова моря и на хмурых мурманских скалах. Наши зенитчики и летчики-североморцы (ими руководил тогда дважды Герой Советского Союза Сафонов) поработали на славу. Однако отдельные вражеские самолеты прорывались к заводу. Бомбы падали на рабочий поселок, на причалы, иногда попадали и на территорию цехов. Мужественные советские патриоты ни на минуту не прекращали работы. На каждую новую попытку врага вывести из строя завод те из рабочих и специалистов, которые не ушли на передовые позиции, отвечали утроенным напряжением сил, новыми успехами в труде.

Этот завод создан в далеком Заполярье руками советской молодежи, прибывшей сюда по призыву ЦК ВЛКСМ. Молодежь выстроила завод, она его освоила. Она же его отстояла в страдные дни, когда враг был под его стенами.

Трудно перечислить всех, кто проявил в эти дни особое мужество и выдержку. Директор завода Эрман, главный инженер Сильков, парторг Ножин, начальник деревообделочного цеха Тюшин, бригадир слесарей Мясников, слесарь Гремиллов, мастер инструментальщиков Осансон, токари Кормилищын и Конкин, конструкторы Лукин и Сиволотов и многие другие, каждый на своем посту, показали высокое сознание гражданского долга.

Немало испытаний выпало на долю моряков арктического флота.

С первых дней войны часть наших ледокольных судов для охраны арктических коммуникаций перешла под военный флаг в качестве сторожевых и вспомогательных кораблей. На остальные легла почетная задача обеспечить проходку транспортов с грузами через моря Северного Ледовитого океана.

Враг не дерзал проникнуть в сердце Арктики. Немцы понимали, что такая авантюра обойдется им слишком дорого. Но они не отказались от своей мысли сорвать наши арктические перевозки и нарушить арктические коммуникации.

На ближайших подступах к Арктике, используя как плацдарм и базы фиорды и порты Северной Норвегии, немцы сосредоточили значительные подводные и воздушные силы. Они применяли подлые и вероломные приемы, по своему коварству и жестокости превосходящие времена самого разнузданного пиратства.

Кровавые злодеяния фашистского зверья, истребление мирного населения во временно оккупированных советских районах хорошо известны. Фашисты полностью сохранили свой звериный облик и в полярных водах.

Однажды у «ворот в Арктику», в нескольких милях от пустынного берега, двигался небольшой буксирный пароход. Он тянул за собой две баржи, на которых находились рыбаки, строительные рабочие, а также семьи полярников — женщины и дети. Неожиданно на расстоянии двух кабельтовых от парохода показался перископ подводной лодки. Спустя несколько минут подводная лодка выпустила торпеду. Буксир пошел ко дну. На баржах поднялась паника. Крики детей и женщин разносились далеко по морю. Несколько человек команды тщетно пытались направить баржи к берегу.

И вот в нескольких десятках метров от беспомощных барж, которые уносило по воле течения, всплыла подводная лодка. На корме взвился флаг со свастикой. Из люка на палубу лодки поднялся одетый во все белое офицер с ним два матроса. Гитлеровец несколько минут разглядывал в бинокль баржи (и невооруженным глазом было видно, что на баржах находятся почти исключительно женщины и дети), затем отдал приказание. Матросы припали к пулеметам. На баржи обрушился поток огня. Пули пронзали матерей, прикрывавших своим телом детей. Палубу залили потоки крови. Мужчины в ярости грозили кулаками в сторону

фашистских пиратов — у них не было ни одного пулемета, ни одной винтовки. Уже одно это говорило о том, что на баржах находятся мирные и беззащитные люди.

Несколько уцелевших от расстрела пассажиров бросились в воду, пытаясь вплавь добраться до берега. Тогда офицер сам лег за пулемет. Рассчетливо и хладнокровно этот бандит вел огонь по людям, которые в холодной морской воде искали спасения от бессмысленной и зверской расправы.

Через несколько минут все было кончено. Пробитые пулями баржи наполнились водой и затонули. Течение унесло трупы женщин и детей. Лишь несколько человек, израненных и полуживых, добрались на обломках барж к берегу, и от них мы узнали о новом факте зверства фашистских людоедов.

В другой раз фашистская подводная лодка вблизи берегов встретила небольшую деревянную шхуну гидрографического флота. Едва вахтенный штурман заметил за кормой силуэт подводной лодки в надводном состоянии, как раздались орудийные выстрелы. Шхуна пыталась уйти от преследования, но ее старый мотор не мог выдержать состязания с мощными дизелями подводной лодки. Расстояние быстро сокращалось. Огонь с подводной лодки усиливался. Снаряды рвались на палубе шхуны, пробили борта, разорвались в машинном отделении, разбили рулевую рубку, вывели из строя рулевое управление и телеграф. Шхуна загорелась. Оставшиеся в живых и раненые моряки и научные работники, кто на шлюпке, кто вплавь перебрались на находящиеся вблизи ледяные поля. Но подводная лодка, подойдя ближе к льдинам, продолжала вести пушечный и пулеметный огонь. Скрываясь от обстрела, люди уползали за ледяные торосы.

Когда подводная лодка, наконец, ушла, моряки перевязали друг другу раны, починили единственную оставшуюся от шхуны шлюпку и на ней добрались к острову, находящемуся в нескольких милях от места гибели шхуны. Там, окоченевшие от купанья в холодной морской воде и обессиленные от ран и волнений, люди разожгли костер, пытаясь просушить промокшую одежду и согреться от пронизывающего норд-оста. Но пираты не успокоились. Подводная лодка снова подошла к острову. От пиратского корабля отделилась лодка, в которой находилось несколько матросов, вооруженных автоматами. Они открыли бешеный огонь по беззащитным людям. Наши моряки отошли в глубь острова и укрылись в

скалах. Тогда фашистские мерзавцы высадились на берег, залили водой костер, затем взяли на буксир шлюпку гидрографов и, отведя ее подальше, утопили. Вместе со шлюпкой пошли ко дну те крохи продовольствия и воды, которые наши моряки извлекли из аварийных запасов. Закончив свою гнусную работу и послав последнюю пулеметную очередь, фашистские пираты отошли от острова. Наверное, они не преминули рапортовать своему «фюреру» об одержанной ими крупной морской «победе».

Группа наших моряков и научных работников, оставшихся без пищи, воды и огня на пустынном острове, была сознательно обречена гитлеровцами на смерть от голода и холода. Однако на розыски команды погибшей шхуны сразу были посланы самолеты ледовой разведки. Прибывший на выручку корабль снял их с острова и доставил в ближайший населенный пункт.

Эти примеры достаточно ярко говорят о подлых приемах, применяемых фашистами.

К чести наших моряков надо отметить, что ни диверсии вражеских подводных лодок, ни налеты фашистских стервятников ни на минуту не колебали их мужества. Любое задание выполнялось с присущим светским людям мужеством.

Вот, например, Павел Акимович Пономарев. 32 года своей жизни он отдал морю. Он командовал такими прославленными ледоколами, как «Ермак», «Красин», «Сталин», «Каганович», накопил отличный опыт судовождения.

В первый год войны Павел Акимович командовал флагманским ледоколом в зоне военных действий. Немцы готовили ловушку для ледокола. Пономарев обманул фашистов. Используя благоприятную обстановку он вывел ледокол из пограничного порта и благополучно прибыл на трассу, обеспечив своевременное участие флагмана в арктической навигации.

За время войны ледокол под командованием Пономарева проложил путь в порты Советского Союза для многих десятков советских и иностранных транспортов с импортным вооружением, продовольствием и различными военными грузами.

Наша страна хорошо знает капитана Владимира Ивановича Воронина. Участник многих полярных экспедиций, он в свое время первым прошел на «Сибирякове» сквозным рейсом за одну навигацию с Запада на Восток. В. И. Воронин

не покинул капитанского мостика в дни войны. Его ледокол успешно выполнит ряд заданий в военной зоне.

Своей доблестной работой как в военной зоне, так и на трассе Северного морского пути прославили себя капитаны М. Г. Марков, Ю. К. Хлебников, А. И. Ветров, Э. Румке, А. И. Гидулянов, Б. Н. Макаров и их славные экипажи.

В первые месяцы войны возникла задача перегнать линейный ледокол, которым командовал капитан Марков, с Востока на Запад. Наступала зима. Северный морской путь был закрыт. Приходилось идти вокруг земного шара, мимо берегов Америки, через Панамский канал. Капитан Марков с честью выполнил это ответственное задание. По пути в одном из портов Америки он организовал срочный ремонт ледокола.

Особенно тяжелым и опасным был последний участок пути. Этот участок ледокол шел по чистой воде при свежем ветре, в составе каравана советских и иностранных судов, везущих военные грузы в Советский Союз.

Много раз этот караван яростно атакывали подводные и воздушные силы фашистских пиратов. Атаки не прекращались ни днем, ни ночью. Свободные от вахты моряки — члены экипажа ледокола — ложились спать одетыми у орудий и пулеметов. По сигналу тревоги все номера орудийных и пулеметных расчетов сразу занимали боевые посты и открывали огонь по фашистским разбойникам.

Немецкие торпедоносцы рвались к каравану, пролетая низко над водой, почти касаясь волн. Стена огня вставала на их пути. Грохот выстрелов сотен корабельных орудий и пулеметов сотрясал воздух. Не выдержав «горячей встречи», фашистские стервятники резко сворачивали с курса и уходили в облака. Подбитые машины камнем падали в воды полярного моря.

Особенно сильным атакам подвергался ледокол. Не раз в бессильной ярости, уже уходя с боевого курса, немцы открывали по ледоколу пулеметный огонь.

В этих непрерывных и жарких боях все моряки орденоносного ледокола показали беспримерную отвагу и мужество.

Вот, например, старший машинист Ткаченко, который пришел на ледокол почти 10 лет назад по комсомольскому набору. При отражении фашистских атак он руководил огнем экипажа и сам вел огонь из крупнокалиберного пулемета. Раненый во время одного налета, Ткаченко не покинул сво-

его поста до тех пор, пока не были отбиты все воздушные атаки. Сейчас Ткаченко — заместитель капитана ледокола по политической части и пользуется заслуженным уважением всего коллектива.

Секретарь комсомольской организации ледокола электрик Сажин был командиром орудийного расчета. Его орудие всегда стреляло образцово — быстро, метко и безотказно.

Старший механик ледокола Чукур, который тоже в свое время пришел на корабль по комсомольскому набору, своим хладнокровием, спокойной деловитостью и неустойчивостью укреплял спокойствие и уверенность у команды ледокола. Во время самого интенсивного огня он всегда находился в машинном отделении и своим поведением подавал машинистам и кочегарам пример выдержки и спокойствия.

Пройдя через все испытания, ледокол благополучно прибыл в наш порт и приступил к выполнению ответственных заданий в отечественных водах. За проявленную в битвах с врагом отвагу и мужество 16 моряков ледокола награждены Военным Советом Северного флота от имени Президиума Верховного Совета СССР орденами и медалями Советского Союза.

Немало славных походов проделал ледокол под командованием капитана Николая Ивановича Храмцова. Недавно капитан Храмцов умер. Его имя присвоено первой больше-тоннажной деревянной шхуне, спущенной в текущем году на судовой верфи Главсевморпути.

Арктический флот в дни Отечественной войны потерял также старейших капитанов дальнего плавания Афанасия Павловича Мелехова и Дмитрия Никаноровича Сергиевского, погибших в море при исполнении служебных обязанностей. Оба они — пионеры освоения Северного морского пути, они вели первые советские корабли, совершающие регулярные рейсы в Арктику. Именем капитана Мелехова назван пролив в архипелаге Медвежьих островов (Восточно-Сибирское море), а имя капитана Сергиевского присвоено проливу, отделяющему остров Колючин от материка.

Следует с благодарностью отметить отважную работу пароходов Наркомморфлота, которые из года в год завозят в Арктику грузы для населения и промышленности.

Как только начинается арктическая навигация, корабли Морфлота следуют за ледоколами в самые отдаленные пункты арктического побережья. Дорога далека и опасна. В пу-

ти подстерегают подводные лодки и мины врага. С воздуха атакуют фашистские торпедоносцы и бомбардировщики. Наши славные торговые моряки смело преодолевают все эти опасности.

В годы Отечественной войны особенно проявили себя экипажи судов, которыми командуют капитаны дальнего плавания Ф. Д. Рынцын, Д. Ф. Панфилов, И. С. Самойленко, Герой Советского Союза И. И. Афанасьев, молодые капитаны М. И. Лужин, С. Н. Троицкий, В. С. Мордвинов и многие другие. Не раз они пробирались через военную зону, всегда благополучно миная минные поля, уклоняясь от атак подводных и воздушных пиратов.

Славную и героическую эпопею составляет работа моряков советского ледокольного флота по обеспечению скорейшей доставки в порты Советского Союза импортных грузов.

Значительную часть года подступы к нашим северным портам покрыты льдом. Единственный незамерзающий порт на Мурмане, естественно, не может обеспечить весь зимний морский грузособорот Советского Союза.

Ежегодно, как только заканчивается арктическая навигация и караваны судов возвращаются из Арктики на Большую Землю, на моряков ледокольного флота возлагается ответственная задача — проводить сквозь льды транспортные корабли, везущие вооружение и продовольствие.

За годы Отечественной войны наши ледоколы провели в наши порты несколько сотен советских иностранных кораблей с вооружениями, боеприпасами, продовольствием, стратегическим сырьем и другими военными грузами для нашей доблестной Красной Армии и военной промышленности.

Необходим большой опыт плавания во льдах, исключительная выдержка и хладнокровие, чтобы наперекор всем проискам врага благополучно вести через сплоченные зимние льды большие караваны мало приспособленных судов.

Можно указать хотя бы на ледокольные операции в Белом море. Ни одно море Советского Союза не имеет такого капризного ледового режима. Под влиянием ветров и течения часто меняется обстановка на трассе. Успех морских операций решают часы. Там, где еще недавно среди крупнобитых ледяных полей лежали широкие разводья, позволяющие без особого труда прокладывать путь для каравана, через несколько часов громоздятся торосы, лед сплывается, сжатие становится настолько сильным, что корабль, попав-

ший в эти гигантские тиски, рискует быть раздавленным, как скорлупа ореха.

Тактику зимней проводки транспортных судов сквозь сплоченные льды разработали капитаны ледоколов Белоусов, Пономарев, Воронин, Хлебников, Марков, Николаев, Сорокин. На их опыте учатся все наши ледоколышки.

Наши капитаны прославили себя как мастера вождения кораблей в сложных зимних условиях. Точный расчет, внимательное изучение синоптической карты, умелое использование метеорологической обстановки и данных воздушной ледовой разведки, смелость в проведении операций в сочетании с разумным риском — таковы основные черты тактики наших ледоколышек.

Вражеская авиация на всем пути следования караванов любой ценой стремится не допустить их в порты СССР. Поэтому командам ледоколов, помимо основной работы — борьбы со льдами, приходится нести зоркую воздушную вахту. По первому сигналу боевой тревоги наши моряки занимают места у орудий и пулеметов. Каждый моряк советского ледокольного флота является также и воином, защищающим свой корабль и товарищей по каравану от нападения фашистских разбойников.

Нельзя не отметить особо работу коллектива ледокола, которым в течение нескольких лет командовал капитан Храмцов, а после его смерти командует ближайший помощник Храмцова — Федор Михайлович Пустошный.

Экипаж ледокола — сплоченный, выдержанный, хладнокровный, никогда не теряется в минуты опасности, умеет находить выход из любого трудного положения. Мы вправе гордиться работой этого заслуженного коллектива.

С наступлением зимы, после окончания арктических перевозок, этот ледокол вместе с другими включается в работу по проводке транспортов.

Мощный стальной корпус и могучий напор его машин позволяют ледоколу прокладывать канал даже в очень тяжелых и сплоченных льдах. Когда требует обстановка, корабль вместе с остальными линейными ледоколами и судами сопровождения выходит далеко в море и принимает деятельное участие в морской ледовой проводке. Командир ледокола Пустошный сутками не сходит с мостика, пока не будет окончена наиболее ответственная часть операции. Вести ле-

докол ему помогает дублер капитана Койвунен, уже несколько десятков лет работающий в Арктике.

Можно сказать, что коллектив ледокола работает слаженно и четко, как хороший часовой механизм. У него чрезвычайно напряженный график работы. От четкости выполнения графика во многом зависит начало разгрузки транспортов в порту и формирование обратных караванов. В то же время, из-за особого устройства бункеров, ледокол требует бункеровки через каждый 7—10 дней. Рабочих в порту обычно нехватает. Все силы бросаются на выгрузку импортных грузов. Вот почему бункеровку приходится производить силами самой команды. Наши доблестные моряки работают по две-три смены без отдыха, лишь бы выполнить в срок жесткий график бункеровки и не сорвать ледокольные операции.

Советское правительство достойно оценило работу этого коллектива: 1 мая 1944 г. тридцать пять человек лучших моряков команды награждены орденами и медалями СССР за успешную работу по доставке в советские порты импортного вооружения, продовольствия и других военных грузов.

Много и плодотворно во славу Родины поработали наши полярные летчики.

С первых дней Отечественной войны большинство летчиков полярной авиации перешло в Военно-Воздушный флот. Они принимали участие в многочисленных боевых операциях.

Работа летчиков, оставшихся в рядах полярной авиации, также достойна самой высокой оценки.

Заслуженный полярный летчик Иван Иванович Черевичный осуществил по заданию военного командования немало ответственных, а порой почти немых воздушных рейсов. Без преувеличения можно сказать, что полеты Черевичного составляют одну из самых выдающихся страниц истории полетов на Севере.

Самым активным образом летчики полярной авиации участвовали в зимних импортных операциях. Вооруженные богатейшим опытом ледовой разведки, они в любую погоду стартуют с заснеженных аэродромов, вылетают в море, на встречу ледоколам, проводящим через льды караваны судов.

На основании карт ледовой разведки строятся планы ледокольных операций, выбираются маршруты следования караванов. Полярные летчики — верные друзья полярных моряков. Летчики указывают кораблям дорогу к чистой воде, в случае нужды первыми приходят к ним на помощь

Нередко сообщение самолета ледовой разведки спасало караваны от неприятных встреч не только со льдами, но и с немецкими пиратами.

Две тяжелых зимы провел в полетах в военной зоне экипаж пилота Котова (штурман Морозов, бортмеханик Мохов). В военную зимнюю навигацию 1943/44 г. отлично поработали пилоты Попов, Гаевский, Кулик.

Пилоты Кулик и Гаевский и штурман Погосов совершили десятки многочасовых полетов над морем на легком сухопутном самолете «У-2». Эти пилоты наносили на карту кромку льдов, определяли координаты караванов, находящихся в «зоне молчания», сбрасывали на палубу флагманского ледокола выпела с указанием пути и всегда возвращались обратно с неизменным рапортом: «Задание выполнено».

Экипажи самолетов Черевичного, Котова, Попова, Кулика и Гаевского, их штурманы Морозов, Снежко, Погосов, бортрадист Афонин, бортмеханики Мохов, Дворецкий, Михайлов награждены орденами и медалями Советского Союза.

Многие полярники отличились в обороне города Ленина.

Верные сыны нашей Родины вместе с героическим населением города-героя бок-о-бок с бойцами Красной Армии и моряками Балтийского флота они в течение славных 900 дней отбивали яростные атаки врага на великий город.

Ледоколы, находящиеся в Ленинградском порту, за время войны проделали огромную работу по ледовой проводке в Ленинград и из Ленинграда военных кораблей и транспортных судов. Плавать приходилось под обстрелом вражеских тяжелых батарей, расположенных на берегах Финского залива, под ударами противника с воздуха.

Нередко люди еле передвигались от усталости, напряженной работы и недоедания, но они работали день и ночь, как и подобает патриотам. Они сумели сохранить в условиях жестокой блокады невредимыми свои корабли, и сейчас эти суда готовы к выполнению любого задания правительства.

Имена старейших капитанов ледокольного флота Михаила Яковлевича Сорокина, Николая Михайловича Николаева и доблестных моряков их команд войдут в историю героической борьбы города Ленина с немецко-финскими захватчиками.

Храбро и мужественно выполняла свой долг команда старейшего нашего ледокола «Ермак», могучего северного богатыря. Немцы прекрасно учитывали, какую ответственную

работу выполняет «Ермак», и всячески стремились его уничтожить.

Адмирал Флота И. С. Исаков опубликовал недавно немецкие документы, ярко подтверждающие тот факт, что противник специально охотился за ледоколом. Так, в «Журнале боевых действий» 768 тяжелого артиллерийского дивизиона немцев, захваченного после разгрома немецкой группировки под Ленинградом, имеется такая запись:

«21 декабря 1941 г. при ясной погоде засечками трех пунктов АНР установлено местонахождение ледокола «Ермак». Дивизион обстрелял корректируемым огнем с 10.50 до 11.52 этот большой ледокол. Первые снаряды легли очень далеко. С 13.04 до 13.33 продолжалась стрельба по ледоколу. Наблюдались разрывы в непосредственной близости, однако попаданий не отмечено».

На этот раз немцы не лгали. Действительно попаданий не было ни в декабре 1941 г., ни позже, вплоть до того дня, когда немцы поспешно бежали, бросив не только свои пушки, но и документы.

В вахтенном журнале ледокола «Ермак» отмечено, что только за 7 рейсов, проведенных при хорошей видимости, по ледоколу было выпущено около 1000 немецких снарядов. Многочисленные воздушные налеты вражеских бомбардировщиков в счет не шли.

Не удалось фашистам потопить или вывести из строя и другие наши ледоколы.

Среди людей ледокола «Ермак» хочется особо отметить старшего механика ледокола героя труда, трижды орденоносца Кузьму Ивановича Малинина, проработавшего на ледоколе «Ермак» 35 лет. Он сумел сохранить машины ледокола, в отличном рабочем состоянии.

Отличились по обороне Ленинграда многие сотрудники Арктического института и других ленинградских учреждений Главсевморпути. Одни из них отражали атаки врага на подступах к городу в рядах народного ополчения. Другие днем и ночью несли дежурства в группах самозащиты, ликвидировали очаги пожаров при воздушных налетах врага на город. Третьи строили оборонительные укрепления, о которые разбились бешеные атаки немцев. Люди сменили свои мирные специальности на новые — военные и справлялись с ними, как патриоты.

Оглядываясь назад, на истекшие три года войны, мы можем сказать, что полярники не отстают ни в ратных делах,

ни в самоотверженном труде от героического советского народа.

Не только моряки, летчики, но и работники полярных станций, портов, глубинных авиационных линий и баз, геологических экспедиций, рудников, строительных контор, заполярных совхозов и опытных хозяйств отдают всю свою энергию и силы на помощь фронту.

Тысячи километров, которые отделяют Арктику от линии фронта, не ослабили силу боевой дружбы, связывающей наших людей, где бы они ни жили и ни работали, со всем советским народом.

В дни, когда советский народ, воодушевленный победами Красной Армии, развернул сбор средств для создания боевой техники Красной Армии, полярники одними из первых приняли участие в этом благородном патриотическом движении. На средства работников Арктики построены танковая колонна «Советский полярник» и истребительная авиационная эскадрилья «Советский полярник». Свыше 8 миллионов рублей внесли полярники на постройку этих танков и самолетов.

Обе воинские части прошли славный боевой путь. В жестоких битвах они завоевали звание гвардейских, неоднократно получали благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Кроме того, за годы войны полярники внесли в фонд обороны Родины свыше 60 миллионов рублей из личных сбережений, отправили на фронт и в детские дома 45 тысяч подарков, тысячи метров ткани, теплых вещей.

Железным костяком наших полярных коллективов являются коммунисты и комсомольцы. Они сплывают и организуют людей на борьбу и преодоление трудностей.

За время Отечественной войны ряды большевиков Арктики значительно пополнились. У нас есть уже немало коллективов, в которых коммунисты и комсомольцы составляют солидную прослойку. Их авангардная роль сказывается во всех, даже самых небольших и будничных наших делах.

Всем известны особые условия жизни в Арктике. Наши люди работают небольшими сравнительно коллективами, так же, как экипажи кораблей Военно-Морского Флота. Каждый человек на виду у коллектива. Товарищеская среда может во-время поддержать человека в хорошем начинании, во-время исправить его недостатки. Вот почему особенно велико

у нас значение личного примера, который и показывают большевики Арктики и наши славные комсомольцы.

Политуправление Главсевморпути делает большое и полезное дело, выпуская в свет настоящий сборник, рассказывающий о некоторых примерах участия полярников в Отечественной войне. Правдивые очерки о боевых делах и подвигах наших товарищей, сражающихся на фронтах и выполняющих специальные задания, несомненно помогут воспитанию наших кадров в духе советского патриотизма, преданности и верности великой нашей матери-Родине и большевистской партии.

С именем Сталина, по его мудрому плану в течение ряда лет армия полярников осваивает Северный морской путь. С именем Сталина советский народ ведет великую освободительную войну против немецких захватчиков. Мы идем к окончательной победе над гитлеровской Германией. Железная, негибкая воля Сталина, нашего вождя и полководца, орлиный полет его гениального ума, его твердая отеческая рука ведет и направляет нас. Мы знаем — Сталин с нами, значит с нами победа!

Контр-адмирал

(И. Д. Папанин)

ЛЮДИ, КОТОРЫМИ ГОРДИТСЯ АРКТИКА

ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДР КАПИТОХИН

С ПОЛЯРНИКАМИ Александр Григорьевич Капитохин познакомился в 1935 году на курсах Главного управления Северного морского пути, и с первых встреч почувствовал дружеское расположение ко многим из них. Будущий начальник полярной станции острова Уединения на этих курсах постигал арктическую науку.

В полярниках он увидел представителей нового для себя мира, волевых и упорных людей — новаторов, следопытов, первооткрывателей. Как свойственно скромным людям, Александр Григорьевич не замечал, что эти черты характера присущи и ему самому. Его сдержанность и корректность, прямота, сердечность в отношениях с товарищами быстро создали вокруг Капитохина дружескую атмосферу. Полярникам нравился здоровый оптимизм этого сорокатрехлетнего человека, его юношеский интерес к предстоящей работе на Севере.

В те годы многие устремились в Арктику. Большевики — ученые и исследователи — поднимали завесу, веками скрывавшую от людей тайны Центрального Полярного бассейна. Тех, кто побывал в Арктике, увлекали перспективы ее освоения.

*Генерал-лейтенант
Александр Капитохин*

Некоторые уже проходили по Северному морскому пути в Тихий океан с запада на восток и с востока на запад. Другие зимовали на полярных станциях и по личному опыту знали, какие суровые требования предъявляет Арктика к новичкам. Один только Александр Григорьевич, хотя и немало повидавший на своем веку, никогда в жизни не бывал севернее той параллели, на которой лежит Ленинград, и полгода назад вовсе не представлял себе, что совершит географический зигзаг в сторону Арктики.

Капитохин пришел к полярникам в составе небольшой группы военных людей, которых Красная Армия послала им в

помощь для завоевания Северного морского пути.

Первые сведения о далеком арктическом острове, где предстояло работать долгие месяцы, он почерпнул из энциклопедии.

Сухая справка, не сулившая ничего отрадного, не раз вспоминалась Капитохину на пути к Уединению. Но он вовсе не огорчился. Можно и на острове жить! Необычность этой жизни сама по себе была заманчивой. Ог невелик, этот островок, и можно будет исследовать его вдоль и поперек. Одиночество? Да ведь нас там будет тринадцать человек, целая колония! А радио?! Мы установим связь с соседними станциями, будем говорить с материком, с Новой Землей, с Землей Франца-Иосифа... Скука? Думается, что некогда будет скучать: научные наблюдения, исследования, забота о хозяйстве поглотят все время. Хорошо, если удастся выкроить часы, чтобы заглянуть в библиотеку. Две тысячи томов вез с собой Капитохин. Сочинения Маркса, Ленина, Сталина, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова.

Тургенева, Горького, научные труды военных специалистов, переводы, все богатство и разнообразие человеческих знаний и опыта были втиснуты в плотные переплеты толстых и тонких книг.

Нет, зимовка не будет бесплодной!

Самое главное — сплотить людей, чтобы все тринадцать жили одной целью, одним делом. Все мы — люди разных характеров, но задача у нас общая. Дисциплина должна быть безусловно военная; сочетание строгости со взаимным уважением и пониманием...

Вместе с Капитохиным ехала в Арктику его жена Александра Петровна Анохина.

Люди они были разных профессий и специальностей. Он — профессиональный военный работник; «военная косточка», как шутливо отзывались о нем товарищи, она — врач-хирург. Оба немало учились в свое время, но, как настоящие люди, не были удовлетворены своими знаниями, не хотели останавливаться на достигнутом.

Вспоминая о первой своей зимовке, Александр Григорьевич говорит, что он «прочел там столько книг, сколько за всю жизнь не прочитал. Условия жизни и работы были замечательные!».

Александр Григорьевич и до Арктики учился много. Сельская школа, двухклассное училище, учительская семинария дали ему общеобразовательные знания. Дальше пошли специальные учебные заведения: Чугуевское военное училище, Высшая тактическая стрелковая школа («Выстрел»), Академия РККА имени Фрунзе.

Командир полка запаса, генштабист, военный специалист, он прошел славный боевой путь.

До первой мировой войны Александр Григорьевич был учителем в селе Борисоглебском, Орловской губернии.

Призванный в армию, он простился с любимой школой и учениками. В первой шеренге солдат 147-го запасного пехотного полка в 1915 году стоял рядовой Капитохин. Было ему тогда 23 года.

— Равнение на ле-е-о... Как стоишь, Капитохин? Убрать живот, грудь вперед... Смир-рна!

В учебной команде Капитохин овладевал азбукой военной науки.

Стал ефрейтором. Вскоре после этого, такой же подтянутый, суховатый и строгий, он уже среди юнкеров Чугуевского военного училища. Быстро пролетели восемь месяцев. Окончен ускоренный курс. В просторном зале Чугуевского военного училища стояли молодые офицеры, очередной выпуск школы.

— Прапорщик Капитохин, вы назначаетесь в 11-й запасный стрелковый полк.

— Слушаюсь.

Капитохин уехал на Западный фронт, под Молодечно, на место стоянки полка.

Молодой «скороспелый» прапорщик, интеллигент, разночинец в лучшем смысле этого слова, получил свое первое боевое крещение в борьбе с врагом, с тем самым, с которым потом встретился снова через двадцать с лишним лет. Встретился уже не юнцом, не робким прапорщиком, а крепко стоящим на ногах военным специалистом, пройдя путь от ефрейтора царской службы до полковника, а затем генерала Красной Армии.

Прапорщик Капитохин не на жизнь, а на смерть дрался с врагом. Он точно и беспрекословно выполнял боевые задания.

Редели роты, полки, дивизии. Сотнями гибли малоопытные, скороиспеченные офицеры. Но немецкие снаряды и пули щадили офицера Капитохина. Находясь все время на передовых позициях, он ни разу не был ранен.

Прапорщик Капитохин получил в командование роту. Еще крепче вошла в сознание мысль: «Воевать надо с толком, с умом, опыт надо брать с боя». Опыт приобретался ежечасно.

За боевые подвиги и честную службу никому неизвестный подпоручик Капитохин был награжден орденом Анны 4-й степени и орденом Станислава.

Капитохин не оставил фронта и после Октябрьской революции. Он заехал в декабре 1917 года домой и сразу же в 1918 году ушел служить в Красную Армию.

Ему доверили батальон 99-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии.

Подпоручик русской армии стал красным командиром. Весь свой военный опыт он принес на службу революции.

В Прибалтике Капитохин встретился с уже знакомым ему врагом — немцами.

— Нох зйи мал¹. Ну, что же, авось, били и еще будем бить.

Разгромленные в мировой войне немцы подло нарушили мирный договор с Советской Россией и вторглись на Украину и в Прибалтику. Рассчитывая на военную слабость молодой Республики, враги хотели поживиться ее богатствами. Путь немецким хищникам преградили только что сформированные части Красной Армии.

Батальон Капитохина действовал в направлении Бауск — Якобштадт.

Это была своеобразная война, мало похожая на ту позиционную, которую он изведal в 1916 году. Здесь не было «великого противостояния», многомесячного отсиживания в одних и тех же окопах за две-три сотни шагов от первой линии противника. Не было почти по-домашнему обжитых глубоких блиндажей, способных выдержать удары артиллерии, не было извилистых ходов сообщения, ближних тылов, где почти уже не чувствовалась война.

Возникла новая тактика, учитывавшая отсутствие сплошной линии обороны.

В терминологии командиров заметно участились слова: «внезапность», «стремительность», «обходный маневр». В действиях частей нередко применялись партизанские методы. Дивизии проникали в тыл противника, пересекали коммуникации, окружали и истребляли вражеские гарнизоны, утрачивая порой связь с соседними соединениями.

Александр Григорьевич с увлечением постигал маневренную тактику войны. Он принял командование 99-м стрелковым полком и продвинулся далеко в глубь Прибалтики. Немцы уклонялись от боев. Разведка донесла, что они отводят войска.

Капитохина вызвали в штаб дивизии.

— Разрешите действовать? — спросил командир полка, получив боевое задание.

— Действуйте, только повторяю: как можно меньше шума, чтобы не вызвать на себя резервы противника, — сказал начальник штаба.

В ту же ночь часть Капитохина, пройдя лесными дорогами, стремительно атаковала вражеский артиллерийский дивизион. Немцы бежали, бросив пушки и склады с боепри-

¹ Еще раз.

пасами. Новая тактика определенно пришлась по душе Александру Григорьевичу...

Правительство высоко оценило его беззаветную службу Родине. За отличия в боях Президиум ВЦИК РСФСР награждал Капитохина орденом Красного Знамени.

1920 год. Внутри страны вспыхнули кулацкие восстания. Терское белое казачество собирало силы против советской власти. От станицы к станице скакали гонцы. Создавались белогвардейские казачьи сотни. Шумела, потрясая оружием, станица Калининская. Незадолго перед этим станица дала Красной Армии целый полк добровольцев. Молодые казаки ушли на фронт защищать советскую власть, а кулаки подняли восстание. Организовал его полковник Васищев. Здесь, на берегу Терека, сидел штаб восстания. Большевики восставшие зверски утопили в колодцах.

— Подавить. Ликвидировать контрреволюционное восстание, — был получен приказ.

Кавказская трудармия поручила командиру полка Капитохину ликвидировать восстание. Задача трудная и сложная. Надо решить ее силой оружия.

Горные, узкие дороги. Коварные ущелья. Пластунские сотни за естественными рубежами бурных рек.

Терек шумел.

Шумели оцетинившиеся штыками станицы.

— Ну и работенка, товарищ комбриг!

Товарищ комбриг озабочен. Он пытался сбить силы восставших в одно место, чтобы разом захватить и уничтожить их.

Согнав крупные силы врага в станицу Калининскую, отдельная бригада Капитохина их окружила.

— Не пора ли сложить оружие? Не одолеть ведь советскую власть.

— Нет, не пора, — упорствовали белогвардейцы.

Все теснее сжималось кольцо окружения. Сильнее нажим на врага.

Звонким эхом отдавались в горах и ущельях орудийные и ружейные залпы. Не умолкала дробь пулеметов. Без отдыха били по восставшим два бронепоезда, приданные бригаде Капитохина.

Сурово окропила свинцом плодородную терскую землю бригада Капитохина. И, как после живительного дождя, пошли по ней свежие советские всходы.

Приказ Родины был выполнен — белогвардейское восстание ликвидировано. Памятью об этом остались у Капитохина золотые часы, врученные ему ВЦИК за умелую ликвидацию восстания.

И когда начальник полярной станции пересчитывал Лермонтова, Толстого, Серафимовича, он вспоминал Кавказ, свою борьбу с белогвардейским казачеством.

Куда только судьба человека ни бросает, где только ни приходится ему побывать!

Остров Уединения — это тебе не Кавказ, Александр Григорьевич. Здесь не разгуляешься.

Разгуляться поистине было негде. Небольшой клочок земли, грушевидной формы, в 48 квадратных километров, был затерян в центре Карского моря. Отважный норвежский капитан Эдвард Иогансен, открывший остров 28 августа 1878 года, на редкость удачно назвал его островом Уединения (Одиночество). Безжизненными казались воды моря вокруг одинокого острова. Ни дыма на горизонте от проходящего мимо парохода, ни звука от реющего в выси самолета... Остров лежал в стороне от морских дорог.

Восемнадцатиметровая высота над морем, самая высокая точка острова, — далеко не Казбек. Мелкие ручейки — это не бурные кавказские реки. Самый большой ручей, разливавшийся во время бурного таяния снегов на 15—20 метров и носивший громкое название «реки Иогансена», — далеко не Терек. Мох на высоких частях острова, редкая, невысокая трава в низинах возле небольших озер — вот и все «буйное» зеленое богатство острова. Только на 2—3 недели южные склоны холмов красочно расцветали яркими пятнами полярного мака.

До ближайшего участка суши — Новой Земли — 180 миль. Но не было у жителей острова чувства одиночества. Тринадцать полярников составляли коллектив, крепко спаянный, дружно работающий, выполняющий серьезное научное задание.

Положение острова благоприятствовало научным наблюдениям. В частности, метеорологи могли дать четкую картину процессов, происходящих в центральной части Карского бассейна.

Много пришлось проявить находчивости и изобретательности, чтобы установить новые, специально сконструированные для Уединения научные приборы. Весь коллектив полярной станции был привлечен к этой работе. Одни рыли тран-

шен для прокладки электрокабеля, другие устанавливали приемные части аппаратуры на крыше дома, третьи монтировали приборы в наблюдательной комнате. До наступления холодов и темноты пришлось организовать несколько выездов в море для промеров вокруг острова, проведения точных станций, съемки лагун, пригодных для посадки самолетов.

Дружно и плодотворно работал весь коллектив. Капитохин принес с собой быстроту и точность исполнения, решительность и большевистскую напористость.

Пришел сентябрь, месяц неугомонных штормов. Ветер свободно перекачивался через остров и скорость его временами достигала 20 метров в секунду. Море с силой билось о берег одинокого острова. Грохот заглушал разговорную речь.

— Вы меня слышите, Сперанский? — кричал что есть мочи Капитохин своему радисту.

Сперанский отрицательно могол головой. Жилой дом ходуном ходил от сотрясения почвы.

— Настоящее землетрясение, — подшучивали полярники.

Но и в такую погоду, когда добрый хозяин, как говорится, собаки из дому не выгонит, метеорологи точно выдерживали сроки наблюдений. Только Капитохин предусмотрительно отправлял их на метеоплощадку с подвахтенными. Вдвоем и риска меньше, да и веселей.

Дружная работа дала свои результаты. Станция перевыполнила план научных работ. Была составлена карта дрейфовых течений, характеристика приливо-отливных течений. Собран обширный материал о постоянных течениях, выполнена большая работа по ледотехнике.

Тринадцать советских полярников на далеком, заброшенном в Карском море острове Уединения по горло были заняты работой. Благодаря энергии Капитохина была установлена прямая радиотелефонная связь с мысом Желания, островом Русским и мысом Челюскина. В свободную минуту можно было поговорить с товарищами по труду.

Радиофицировав комнаты жилого дома, Капитохин и на этом не успокоился. Он решил отпраздновать день Красной Армии совместно с другими станциями. 23 февраля сотрудники полярных станций Карского моря собрались у себя в кают-компаниях. Включили репродукторы. Сначала заслушали доклад острова Уединения. Докладчиком выступил Капитохин. Затем участники гражданской войны, работающие на

острове Русском, поделились своими воспоминаниями. Женщины-полярницы с мыса Стерлегова послали всем станциям свои приветствия. Празднование закончилось отличным концертом самодеятельности. Успех превзошел все ожидания. Казалось, что люди собрались в одном помещении, одной семьей.

Прекрасное начало было положено. Стремление установить радио-телефонную связь с «соседями» охватило почти все полярные станции Карского моря. Возникло соревнование между станциями на лучшую слышимость и быструю настройку. В праздновании 1 Мая приняли участие девять станций.

По предложению Кренкеля было решено организовать систематический обмен опытом между станциями Карского моря. Закипела работа. Выпуск «Арктических известий по радио» был поручен острову Уединения. Остров лежал в центре, к тому же он был наиболее надежно связан со всеми соседними станциями.

6 мая вышел первый номер «Известий». Кренкель докладывал о восстановлении и работе станции острова Домашний. Через льды и туманы с далекой Северной Земли его спокойный голос разносился по всем карским зимовкам.

С той поры радиогазета выходила регулярно раз в шестидневку в определенные дни и часы. Коллективы станций слушали ее в своих кают-компаниях. С острова Уединения заранее по телефону проверяли, все ли станции слушают, каково качество настройки. Несмотря на всю хлопотливость и сложность работы по радио-телефонной связи, перебоев и срывов почти не было.

Так дружно жили и работали советские полярники и вместе с ними Александр Григорьевич.

Много позднее, уже будучи начальником Управления полярных станций Главсевморпути, Александр Григорьевич с благодарностью вспоминал о своей первой зимовке. В 1940 году Правительство наградило его орденом «Знак почета» за заслуги в деле освоения Северного морского пути и районов Крайнего Севера. Продолжая работать с еще большей энергией, он мечтал о дальнейшем развитии широкой сети полярных станций, способствующих освоению Северного морского пути, мечтал о новых успехах советских полярников.

Незачем гадать, каким руслом потекла бы дальнейшая жизнь Александра Григорьевича, если бы 22 июня 1941 года в нашу страну не ворвался огненный шквал войны. В дни, когда на полях Белоруссии, Украины и Прибалтики решалась

судьба Родины, Капитохин не мог не тяготиться каждым часом своего пребывания в тылу. Бесспорно, за шесть лет он накопил огромный полярный опыт; продолжая работать в Арктике, он тоже помогал бы фронту. И все же там, на фронте, его боевой опыт, приобретенный за двадцать лет службы в армии, мог принести неизмеримо большую пользу. Наконец, ради чего же были затрачены годы упорных занятий в Высшей тактической стрелковой школе, в Военной академии?..

Август 1941 года застал Капитохина на юге, на крайнем левом фланге нашего фронта.

В течение нескольких недель немцы и румыны яростно рвались в Одессу. Вражеские войска дугой обложили город. Снабжение наших частей шло только морем. И все же все атаки врага разбивались о непоколебимую стойкость Приморской армии. На участке 161-го стрелкового полка противник не продвигался ни на один метр. Полком командовал Александр Григорьевич Капитохин.

Раскусив, почем фунт русского лиха, гитлеровцы высылали впереди себя румын, считая их, видимо, менее полноценной расой. Сами же «полноценные» предпочитали прятаться за чужие спины. К тому же Антонеску обещал румынам: «Возьмете Одессу, и войне конец...» Соблазненные перспеквой безнаказанного грабежа, румыны усиливали нажим. Капитохин отвечал смелыми вылазками, ночными контратаками. Степь чернела от вражеских трупов.

Один за другим миновали «окончательные сроки» овладения Одессой, объявленные Гитлером и его румынскими холоуями. Героические защитники чудесного южного города держались столь же твердо и уверенно, как и в первые дни осады. И все же спасти Одессу было невозможно. С каждым днем все более угрожающе складывалось положение в Крыму. Настоятельно требовалось усилить оборону полуострова.

По приказу Верховного командования части Красной Армии оставили Одессу и эвакуировались в Крым.

Эвакуация проходила в образцовом порядке, почти без потерь. В начале ноября 161-й полк высадился в Севастопольском порту.

Горечь отступления не убила в Капитохине трепетного волнения, с каким он вступал на землю Севастополя. Вот он — город-герой, город-богатырь, город страданий и неувядаемой русской славы. Здесь даже камни, и те, казалось,

напоминали о величии русского духа и оружия! И, думая о прошлом, Капитохин не подозревал, что он останется здесь до последнего дня, до последнего часа, выдержит все три штурма, станет одним из организаторов беспримерной обороны города, которая затмит самые блестящие страницы нашей героической военной истории...

161-й полк был срочно переброшен из Севастополя на север и разгрузился в Джанкое.

Полк был послан под Перекоп. Трое суток не затихали упорные бои под селом Воронцовка. Ожесточенность этих боев Капитохин характеризует коротким замечанием:

— Материальную часть мы сохранили, боеприпасы тоже, но людей потеряли много. И каких замечательных людей...

Противнику удалось обойти правый фланг Приморской армии. Танки врага заходили в тыл, отрезая армию от Симферополя. Пришлось отходить.

На перевале Ай-Петри полковнику Капитохину приказали командовать сводным отрядом, который прикрывал отход всей армии. По горным дорогам и тропам в ряде мест, уже перехваченных немцами, армия пробивалась к Ялте, чтобы оттуда выйти на Севастопольское шоссе. Полковник Капитохин со своим отрядом сдерживал жестокий натиск немцев. Ценою величайших усилий ему удалось обеспечить отход всей армейской колонны.

Капитохин разведывал пути, командовал арьергардными схватками, всегда был в пекле непрерывного боя. Так он и шел в арьергарде отходившей армии до самой Балаклавской долины.

Ялта горела.

— Ночью, и то было светло, — с болью вспоминает Капитохин. — Я не пошел через Ялту. Нашел проводника, и тот повел нас по горным неведомым и, следовательно, не занятым немцами дорогам. Благодаря этому мы сократили путь километров на 35. Прибыл я в Севастополь раньше всей армейской колонны. Словом, я вышел к Севастополю и сразу же получил задачу защищать участок на Ялтинском шоссе.

А через сутки немцы, подтянув войска, начали первый штурм Севастополя. Двенадцать дней подряд немецкое командование бросало свои дивизии в непрерывные атаки. Сотни вражеских самолетов «висели» в воздухе. Часть Капитохина, измотанная трехнедельными арьергардными боями, стойко отражала атаки немцев.

17 декабря немцы, ожесточенные неудачей, начали второй штурм черноморской твердыни. Накануне Военный совет Приморской армии назначил полковника Капотохина своим представителем при 388-й стрелковой дивизии. Дивизия занимала важнейший участок Севастопольского оборонительного района на Бельбекском направлении.

Немцы наносили главный удар вдоль шоссе и железной дорог Симферополь — Севастополь и по долине Черной речки. Продвижение врага по этим двум сходящимся направлениям грозило вбить клин в оборону Севастополя.

На рассвете 17 декабря два с половиной часа не затихал гром немецких пушек. Враг буквально засыпал снарядами, минами и авиабомбами передовые линии нашей обороны. И когда можно было подумать, что все живое на их пути уничтожено, двинулись вперед немецкие танки. За ними шли автоматчики. Позади пехота. Немецкие танки беспечно летели вперед, очертя голову. Они не рассчитывали встретить сколько-нибудь серьезное сопротивление.

Первый удар по врагу обрушила артиллерия. Казалось, сама земля раздалась, выбросив смерч огня. Многие немецкие танки были уничтожены на исходных позициях. Точный и сокрушительный огневой налет сбил с немцев спесь. Часть танков повернула обратно, другая часть пошла небольшими группами, продвигаясь медленно от рубежа к рубежу, стараясь не отрываться от своей пехоты. Предусмотрительность была не лишней. Те из немецких танков, которые доходили до нашего расположения, подвергались атаке бутылками с зажигательной жидкостью и связками гранат. Подпуская танки, наши бойцы тут же отрезали своим огнем следовавшую за ними немецкую пехоту. Ураганный огонь орудий, минометов, пулеметов, автоматов прижимал немцев к земле и не давал поднять головы. Немцы несли огромные потери. Они шагали буквально по трупам своих солдат.

Славно дрались севастопольцы. Нелегко было и управлять таким боем. Решение приходилось принимать так же быстро, как менялась обстановка на поле боя. Уловив каким-то шестым чувством военного перелом в настроении врага, следовало обрушить на него контратаку. Четко маневрируя огнем, поражать им то резервы, то передовые части немцев. Каждое, даже в мелочах, неточное приказание могло повлечь сотни лишних жертв. Это повышало ответственность коман-

дира. Ему приходилось взвешивать все «за» и «против». И решать быстро...

Десять суток не затихал бой на участке полковника Капитохина.

Иногда бой длился 8—12 часов непрерывно. По 5—6 раз в день шли севастопольцы в контратаки. Не выдерживали немцы этих штыковых атак.

Второй штурм Севастополя разбился о железную стойкость и мужество его защитников.

29 декабря Александр Григорьевич приказом Военного совета был назначен комендантом 4-го сектора обороны и командиром 95-й дивизии. Дивизия отбросила немцев за реку Бельбек.

— А дальше что ж? — по обыкновению скупно вспоминает Капитохин. — Дрались за улучшение позиции. Была у нас безымянная высота, бойцы прозвали ее потом «золотым пупом». С этой высоты просматривался и простреливался весь Севастополь. Долго мы дрались за эту высоту. Взяли ее, наконец, ночным ударом, штурмом, а к утру немцы огнеметами снова вышибли нас оттуда. Послали эсесовский полк, целый батальон уложили, но вышибли. Опять мы штурмовали высоту. Три раза переходила она из рук в руки. И все-таки оставили ее за собою и держали до самого последнего дня. Что только ни делали фашисты, чтобы вырвать у нас эту высоту! Ничего у них не вышло. Отошли мы со своего участка только, когда немцы вбили клин в стык между 3-м и 4-м секторами обороны. Майор Лацко с 80-ю артиллеристами был оставлен на участке, пока не расстреляет боеприпасы. Он выполнил задачу, переправил бойцов на шлюпках через бухту, а сам бросился вплавь. И переплыл. Здоровый был детина.

В марте 1942 года немцы усилили подготовку к новому штурму. Они подтягивали свежие силы. Тем временем все более тяжелым становилось положение героического гарнизона.

Все труднее было организовать снабжение оружием, боеприпасами, продовольствием, людскими резервами. Истомленные непрерывным обстрелом, бомбардировками, атаками севастопольцы защищались, как львы. Было еще не мало сил, да нехватало пороха в пороховницах.

В эти суровые дни Капитохин решил, что настало время выполнить его давнее стремление. В парторганизацию дивизи-

зии поступило заявление полковника Александра Григорьевича Капитохина. Оно было кратким. Полковник просил удостоить его высокой чести — принять в кандидаты большевистской партии. Эта честь ему была оказана. Беспартийный большевик полковник Капитохин, всей своей жизнью зарекомендовавший себя как патриот, как боец и гражданин, стал кандидатом в члены Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

Своим личным бесстрашием и организаторским талантом Капитохин снискал себе любовь и уважение бойцов и офицеров. Немцы также по-своему оценили его.

Самолеты врага вместе с бомбами сбрасывали на Севастополь листовки. Распространяя всяческие провокационные измышления, они предлагали севастопольцам прекратить сопротивление, сложить оружие, схватить и выдать им трех человек: командующего фронтом генерал-майора Петрова, дивизионного комиссара Чухнова и полковника Капитохина. Видно, их-то немцы считали главными организаторами беспримерной в военной истории севастопольской обороны.

До 300 тысяч солдат и офицеров потеряли немцы под Севастополем. Славный гарнизон с честью выполнял свою задачу — уничтожить как можно больше живой силы и техники врага. Больше того, что было сделано севастопольцами, сделать было нельзя.

В сообщении Совинформбюро от 4 июля 1942 года об оставлении нашими войсками Севастополя говорилось:

«Слава о главных организаторах героической обороны Севастополя — вице-адмирале Октябрьском, генерал-майоре Петрове, дивизионном комиссаре Кулакове, дивизионном комиссаре Чухнове, генерал-майоре Рыжи, генерал-майоре Моргунове, генерал-майоре авиации Ермаченкове, генерал-майоре авиации Острякове, генерал-майоре Новикове, генерал-майоре Коломийце, генерал-майоре Крылове, полковнике Капитохине — войдет в историю Отечественной войны против немецко-фашистских мерзавцев как одна из самых блестящих страниц».

За героическую оборону Севастополя Правительство наградило полковника Капитохина вторым орденом Красного Знамени.

И еще один орден — орден Суворова III степени — украшает мундир генерал-лейтенанта Капитохина.

— За мартовские операции, — объясняет он.

Март 1943 года. Дивизии генерал-майора Капитохина, стоявшей у реки Ловат, было приказано форсировать реку

*Десять суток не затихал бой на участке полковника
Капитохина (к стр. 31).*

Изю дня в день Пусэп бомбил немецкие автоколонны, железнодорожные узлы, склады (к стр. 33).

и выйти к Старой Руссе. Попытки соседних с Капитохиным дивизий форсировать Ловать не увенчались успехом. Лед был хрупким. Он с трудом выдерживал даже пехоту. Немцы крепко держались за свой берег.

Капитохин попытался перебросить на вражеский берег автоматчиков. Они осторожно, по всем правилам, подошли к замерзшей реке. Медленно и неприметно сошли на лед. Поползли. Немцы накрыли их ураганным огнем. Снаряды и мины дробили лед.

Землянка Капитохина находилась в 200 шагах от неширокой, скованной льдом реки. Из ее «вестибюля» были хорошо видны все немецкие укрепления и огневые точки. Генерал обошел берег. Увидев его, приободрились бойцы. Раз ходит генерал, значит не так уж опасно. Вот тогда Капитохин и решился на дерзкий рывок — взять берег штурмом, перемахнуть по льду реки лихим налетом. Он был твердо убежден, что немцы не выдержат смелой штыковой атаки, побегут. И потери у нас будут неизмеримо меньшими, чем при медленных переползаниях. Он сам объяснил бойцам задачу.

В разгар ясного мартовского дня стрелковый батальон бегом проскочил по льду на противоположный берег.

— Что ж, Александр Григорьевич, значит и на этот раз поколотили немцев?

— Нет, не пришлось. Убежали. Как я сказал бойцам, так и вышло. Едва только наши стрелки зацепились за берег, так немцы и сбежали. Поколотить их на этот раз не удалось. Жаль, конечно, да ничего не поделаешь.

Приезжая в Москву, в свободную минуту Капитохин не забывает позвонить старым друзьям-полярникам. На их неизменный вопрос «как идут дела?» Александр Григорьевич улыбаясь отвечает:

— Дела идут, сами знаете. Колотим немцев, крепко колотим. Чтобы внукам и правнукам заказали ходить на нашу землю. Вот и все...

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПУСЭП

МЫ ЗАСТАЛИ подполковника Энделя Пусэп, командира авиационного полка дальнебомбардировочной авиации, на одном из его аэродромов. Разговор зашел об авиации, о войне и, конечно, о том, что он будет делать после окончания войны, вернется ли работать на Север.

— Конечно, — не задумываясь ответил Пусэп. — А где же мне работать? По правде говоря, у нас в Арктике работать не легко. Но чем тяжелее, тем интереснее. Полярный летчик — сам себе и хозяйственная база, и чернорабочий, а часто и синоптик, и метеоролог. Вот ты и мозгуй, и выкручивайся...

На долю Пусэпа в детстве выпала жизнь, полная лишений, риска и опасностей. Десятилетним мальчиком на родине, в Сибири, он ушел партизанить со взрослыми против колчаковских банд. Мальчик искренне обижался, когда партизаны не брали его на боевые операции и оставляли сторожить лошадей в таежном лагере.

Шли годы... Однажды в Красноярском крае, за 25 километров от того места, где жил Эндель, сел советский самолет. Юноша прошел туда и обратно пешком 50 километров только для того, чтобы взглянуть на невиданную машину. С этого дня Эндель затаил мечту стать летчиком.

Осуществить мечту было не просто. Родители предлагали Энделю выбрать мирную профессию агронома или, еще лучше, учителя. Пришлось Пусэпу с благословения родителей поехать в Ленинград и поступить учиться в педагогический техникум. Едва осмотревшись на новом месте, он переманул в теоретическую летную школу.

Конечно, с родителями возник конфликт.

«Больно ты взрослым стал», — писал 18-летнему юноше отец, угрожая наказанием заслушание. Но победителей не судят. Пока шла переписка с родителями, Пусэп закончил изучение летной теории и перевелся в Оренбург (теперь Чкалов) в практическую летную школу. Здесь по окончании учебы Пусэп остался работать инструктором.

В Оренбургской школе развернулся его талант летчика-педагога. Раньше 50-процентный отсев учащихся считался нормальным. Пришел Пусэп, и у него не оказалось ни одного «отсеянного» ученика. Сперва этому только удивлялись. Потом, когда поняли, что все это — результат особого уме-

ния Пусэпа работать с людьми, ему стали подбрасывать самых слабых тех, кого иначе пришлось бы отчислить из школы. Пусэп терпеливо с ними возился и аккуратно выпускал новых и новых летчиков.

Среди его питомцев был парень, который, придя в Оренбургскую школу, умел только читать и писать. До школы он был пастухом и талантливо резал по дереву...

Однажды Сергей Миронович Киров увидел на выставке его художественные работы и заинтересовался ими:

— Кто делал эти фигурки?

— Дробин, сельский пастух.

Сергей Миронович вызвал к себе Дробина.

— Хочешь учиться? — спросил он.

Сергей Миронович был уверен, что молодой пастух захочет развить свое художественное дарование. Но в ответ он услышал:

— Хочу стать летчиком, товарищ Киров.

Сергей Миронович слегка улыбнулся. По его указанию Дробин был направлен в летную школу. Там он попал в группу к Пусэпу и, несмотря на свою слабую общую подготовку, стал отличным летчиком. Сейчас он отважно воюет на фронтах Отечественной войны и награжден за боевые подвиги. Немало и других учеников Пусэпа отличились в боях с немцами. Среди них есть даже генералы...

Пусэп изо дня в день совершенствовал свое летное мастерство. Его назначили инструктором слепого самолетовождения и перевели в так называемую «слепую эскадрилью»

*Герой Советского Союза
подполковник Эндель Пусэп.*

в Ейск. Успешно прошел перелет по маршруту Ейск—Москва—Ейск вслепую, исключительно по приборам.

Как мастера слепого полета Пусэпа откомандировали на Север, на поиски Леваневского. Летал он тогда в экипаже летчика Фариха. Прилетели полярной ночью. Аэродром до самого моря сплошь покрыло туманом. Как сесть? Ветер раздул немного туман. Рванулись к открывшемуся внизу белому пятнышку, сели неизвестно где. Самолет был на котесах, без лыж. Горючее кончилось. Просидели три месяца. Жили в берлоге подо льдом. Пурга заметала такая, что нельзя было вылезти. Жестко экономили остатки горючего. Кипятили воду из снега через восемь дней на девятый. Наконец на тракторах привезли бензин...

С той поры Пусэп остался работать на Севере. Он летал на ледовые разведки, отыскивал путь для судов. Даже болезнь — травматический ишиас — не смогла оторвать его от Арктики. Врачи предложили перейти на инвалидность. Пусэп рассмеялся и, отлежавшись немного, опять сел за штурвал.

21 июня 1941 года Пусэп летал вместе с Водопьяновым на ледовую разведку.

Они пробыли в воздухе 25 часов подряд, обошли на самолете огромный район и, только посадив машину, узнали о том, что началась Великая отечественная война. Пилоты обменялись всего лишь несколькими словами и тут же передали по радио коллективный рапорт с просьбой разрешить им срочное возвращение в Москву. Разрешение было получено. Спустя несколько дней Пусэп уже носил форму военного летчика. Его зачислили в один из авиаполков дивизии, которой командовал М. В. Водопьянов.

Так Пусэп вернулся в военную семью. За годы войны он бомбил Берлин, Кенигсберг, Штеттин, Данциг, Бухарест, Будапешт, Плоешти и многие другие вражеские города.

Первый раз на Берлин Пусэп летал вместе с Водопьяновым и другими летчиками 10 августа 1941 года. По пути по нашим самолетам немного постреляли с моря и с островов. Подошли к германской территории. Набрали высоту 7000 метров. До Берлина оставалось лететь минут пятнадцать. Вдруг на самолете отказал один из моторов...

— Пойдем вперед? — спросил Водопьянов.

— Вперед! — ответили все.

Пусэп, как и другие члены экипажа, иначе и не мог

ответить. Разве могли они вернуться, не выполнив задания, тем более такого — бомбить логово немецкого зверя, Берлин! Уже за 200—250 километров до Берлина вступила в действие немецкая противовоздушная оборона: прожекторные поля по 50 прожекторов, артиллерия всех калибров. Наконец, внизу открылся Берлин. По небу шарили вражеские прожекторы. Но бомбы шли вниз одна за другой, точно и расчетливо поражая военные объекты врага.

Возвращаясь обратно в район Данцига и Кенигсберга, самолет снова попал в сильный заградительный огонь зенитной артиллерии. Вокруг самолета то и дело рвались снаряды. Стрелок доложил, что течет горючее, пробиты бензобаки. Действительно, бензина хватило только до Эстонии. Здесь среди эстонских лесов, на одной из полей, летчики посадили машину. Вблизи шел бой, слышалась частая стрельба.

Немцы уже повсюду патрулировали по эстонским дорогам. Летчики встретили мальчика-пастушонка. Неожиданно пригодилось Пусэпу знание эстонского языка (по национальности он эстонец). Мальчик подробно рассказал, как добираться до советского штаба. Пробираясь по болотам, по лесам, обходя села и дороги, летчики дошли к своим. На грузовой машине их доставили в Ленинград.

Хорошо запомнился Пусэпу первый налет на Будапешт. Город считал себя почти в безопасности и никак не ожидал появления советских самолетов. Улицы и дома — в огнях. По Дунаю скользили освещенные пароходы. Пусэп отбомбил и лег на обратный курс. Только тогда в Будапеште начали гасить огни. Вспыхнули прожекторы, воздух прорезали очереди трассирующих пуль и по радио вместо легкой музыки послышался голос: «Воздушная тревога!».

Бомбардировкой румынских нефтепромыслов в районе Плоешти Пусэп вызвал огромные пожары. Летчик долго наблюдал с высоты за тем, как поднимались в небо густой черный дым и яркое пламя.

Над Варшавой, где советские бомбы разбили военные заводы, летчик видел ту же картину, даже блеск стекол в окнах от пожаров.

Над Данцигом самолет Пусэпа поймали немецкие прожекторы. Сильнейший обстрел не помешал летчику привести самолет точно на цель и спокойно отбомбиться. Обратно самолет ушел с шестью пробоинами. Шесть пробоин Пусэп считал мелочью. В его боевой практике уже был случай, когда пробоин было ровно в восемь раз больше.

В дни, когда немцы рвались к Калуге, Пусэп получил задание нанести бомбовый удар по танкам генерала Гудериана. Самолет был встречен бешеным зенитным огнем противника. Осколки снарядов градом били по машине. Один большой снарядик упал радисту на колени...

— Здравсте! — сказал радист и молниеносно сбросил «подарок» за борт.

Зенитным огнем был перебит один мотор, разрушено радио. Но все-таки задание экипаж выполнил. Вернувшись, подсчитали — 48 пробоин.

Изо дня в день Пусэп бомбил автоколонны, железнодорожные узлы, склады. Летали ночью, в любую погоду. Вот когда в полной мере пригодился и опыт слепых полетов, и опыт работы на Севере.

В осенние и зимние дни и ночи 1942/43 года Пусэп выполнял боевые задания на Сталинградском фронте. Наземные воинские части непосредственно указывали летчикам, куда лететь и что бомбить. Велика была радость Пусэпа, когда из оперативной сводки он узнал, что наступление немцев приостановлено именно на том участке, на котором он работал.

К наградам, полученным за работу на Севере, прибавлялись все новые и новые. Грудь пилота украсили орден Красной Звезды, орден Красного Знамени, орден Отечественной войны I степени. За отвагу и героизм, проявленные в боях с немецкими захватчиками, ему присвоено высокое и почетное звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1942 году Пусэп был назначен командиром полка. Теперь он по роду работы реже мог сам вылетать на боевые задания, зато решил завоевать для своей части первое место в соединении.

Вскоре часть подполковника Пусэпа стала делать вдвое больше того, что делала раньше, по количеству полетов, по весу сброшенных на голову врага бомб и т. д.

Часть Пусэпа завоевала переходящее знамя.

— Какой из ваших полетов вы считаете наиболее примечательным? — спросили мы Пусэпа.

— Конечно, полет с товарищем Молотовым в Англию и Америку, — ответил подполковник.

Вот что рассказал Пусэп об этом полете:

«В мае 1942 года я получил распоряжение приготовить самолет для дальнего полета. Приготовили, ждем. Неожиданно меня вызвал начальник соединения:

— С вами хочет поговорить ваш пассажир.

Смотрю — идет Вячеслав Михайлович Молотов. Поздоровался со мной, задал несколько вопросов. Я доложил товарищу Молотову о том, что самолет к полету готов.

— Какой молодой командир у. меня завелся, — пошутил Вячеслав Михайлович, — извольте все его слушаться, он теперь наш хозяин, — сказал он, повернувшись к лицам, его сопровождавшим.

Вылетели. Сначала все благоприятствовало спокойному полету. Потом то слева, то справа обозначились грозы.

— Бери какой угодно курс или иди без курса, — сказал мне штурман, — надо выйти из грозы.

Вскоре мы успешно обошли грозовой фронт. Но под нами начался другой — настоящий фронт. Около Пскова немцы немного нас обстреляли. Да где им подбить машину на высоте 7000 метров!

Дальше до самой Англии полет проходил вполне прилично. В Англии на аэродроме для встречи Вячеслава Михайловича Молотова был построен полк шотландских стрелков. Встреча прошла торжественно.

На несколько дней мы, летчики, получили разрешение познакомиться с Лондоном. Помню, мы просили проводить нас в кварталы, наиболее пострадавшие от немецких бомбардировок. Англичанин, сопровождавший нас, вызвался показать районы, которые разрушены полностью. Проезжая по этим районам Лондона, мы на протяжении 3—4 километров видели одни развалины. Кое-где возвышалась уцелевшая одинокая стена дома этажей в десять, напоминающая огромный лист, поставленный на ребро...

Из Лондона мы вылетели в Исландию. Это был последний этап на пути в Америку. За семь часов мы прошли около 3000 километров над океаном. Я, как замороженный, следил с самолета за величественной бурей, проносившейся над океаном, покрытым гигантскими валами. Пролетая мимо Гренландии, я невольно залюбовался красивой панорамой этой страны острых, как пики, гор и глубоких ущелий.

Перелет в Канаду прошел благополучно. Но аэродром оказался закрытым туманом. Пришлось сесть километров на 600 севернее, на Лабрадоре.

Во время приема в Белом Доме президент США г. Франклин Рузвельт поздравил нас с благополучным перелетом и сказал, что будет рад, если мы и впредь будем привозить Вячеслава Михайловича в Америку.

У американцев огромная любовь к сувенирам. В Нью-Фаундленде одному американскому офицеру очень понравилась красная звездочка на моей груди (это был орден Красной Звезды), и он сказал, что с удовольствием получил бы такую звездочку в память о нашей встрече.

Вячеслав Михайлович Молотов улыбнулся и ответил офицеру:

— Приезжайте к нам, повоюйте у нас, и мы вам дадим такую звездочку с удовольствием.

Обратно из Америки часть пути прошла в неблагоприятных метеорологических условиях. Летели в сплошных облаках. Шли по радиомаякам. Опять те же этапы — Исландия, затем Англия. Нас встречали как старых знакомых. Всюду — дружеское внимание. Начальник штурманской службы министерства авиации, бывший летчик, был настолько любезен, что предоставил в наше распоряжение свою личную автомашину, а сам ходил пешком.

Летчики-офицеры одного из истребительных полков пригласили на свой вечер. Мы с большим интересом познакомились с художественной самодеятельностью английских летчиков.

Наконец, в сопровождении английских истребителей мы вылетели обратно на родину. С восходом солнца, набрав максимальную высоту, пересекли линию фронта. Радостно забило сердце, когда внизу, под колесами открылось знакомое поле Центрального аэродрома в Москве. Хотелось воскликнуть:

— Здравствуй, Москва, здравствуй, Родина!

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА АСЯМОВ

Из книги отличившихся в боях летчиков

25-го Гвардейского полка

Авиации дальнего действия

ЭТО ИМЯ дорого сердцу каждого члена боевой семьи полка. Оно окружено глубоким уважением и любовью, овеяно немеркнувшей славой.

Свое блестящее летное искусство он выработал во время многочисленных длительных полетов над суровыми и коварными ледяными просторами Арктики.

Упорный, бесстрашный, настойчивый в боевой работе. мягкий, всегда сдержанный и вежливый в быту, хороший товарищ, волевой, требовательный командир и воспитатель — таким все знали майора Асямова.

Он прибыл в часть в самом начале ее существования и сразу включился в боевую работу.

Осенью 1941 года, зимой 1941/42 года корабль капитана Асямова участвовал во всех боевых операциях полка. Он сумел воспитать лучший в части экипаж, все члены которого до сих пор с гордостью говорят, что они — ученики Асямова. Его корабль, по всем показателям, был всегда впереди.

Боевой работе Асямов отдавал весь свой огромный летный опыт, все свои знания, всю свою волю большевика. Поэтому, когда потребовалось выделить корабль для выполнения беспосадочного перелета Москва—Англия, командование выдвинуло кандидатуру майора Асямова. И это задание он выполнил блестяще. Орденом Красного Знамени и званием Героя Советского Союза отметило Правительство боевые заслуги майора Асямова.

АЛЕКСАНДР ШТЕПЕНКО, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ПОДРОСТКОМ Штепенко был кровельщиком, вместе с отцом ремонтировал в Днепропетровской области церковные крыши и купола. По призыву он попал в Черноморский флот, а затем в Кронштадт, в школу радистов. После школы радиотехник Штепенко был назначен на Черное море. Для молодого специалиста наступили годы кипучей деятельности. Штепенко радиофицировал весь гарнизон главной базы флота — Севастополь. Через несколько лет (в 1933 г.), накопив солидный опыт, он стал работать старшим техником в Научно-исследовательском институте Военно-воздушных сил.

Познакомившись после челюскинской эпопеи с штурманами полярной авиации, Штепенко узнал много интересного о Севере. Командование удовлетворило его просьбу о переводе штурманом-радистом в полярную авиацию. В первый полет он пошел с Головиным в море Лаптевых.

Лето незаметно прошло в новой увлекательной работе. Полеты над ледовым морем, связанные с ежедневным риском, жизнь среди суровой природы — все это оказалось по душе молодому штурману.

— Я не окончил штурманской школы, — говорит Штепенко, — но разве может какая-либо школа сравниться с той, что я прошел в Арктике?! Там каждая ошибка грозит большой неприятностью. И, вольно или невольно, ты учишься находить правильный выход из самого сложного и запутанного положения.

За несколько лет Штепенко стал выдающимся работником полярной авиации.

22 июня 1941 года Штепенко был на ледовой разведке в Карском море. Узнав о нападении немцев, он немедленно попросился в Москву и спустя несколько дней пересел на флагманский корабль соединения бомбардировщиков, которым командовал М. В. Водопьянов. Вместе в Арктике, вместе и на войне.

С каждым новым вылетом росло мастерство штурмана. Если Арктика была для него школой, то война стала академией.

Еще летая в Арктике, оторвавшись на добрую тысячу километров от базы, Штепенко по одной звезде определял свое местонахождение. Тогда этим восхищались летчики по-

лярной авиации. Теперь, в военной авиации, Штепенко тоже заслуженно завоевал славу первоклассного штурмана. Главное, что отличает его, это отсутствие злобного чувства самоуспокоенности, пресыщения достигнутым. Ему всегда сопутствует благородное беспокойство, стремление непрерывно учиться, изо дня в день шлифовать свое мастерство.

— Ни один вылет, — говорит Штепенко, — не должен пройти без анализа. Мы учимся на своих собственных ошибках. Если по правде сказать, то любой хороший результат может быть еще лучшим. И самое страшное, если человек сам для себя решит, что он уже достиг потолка, дальше ему идти некуда.

Ниже приводятся выдержки из записок штурмана (за июль — сентябрь 1942 года) и из «Книги почета» твардейского бомбардировочного полка, в котором служил А. П. Штепенко.

***Из записок Героя Советского Союза
А. П. Штепенко***

НАШ МАЯК

Канун 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Всем страстно хочется отметить праздник боевым вылетом. Холодный, осенний вечер. Погода не предвещает ничего хорошего. Экипаж собрался у машины. Мы глядим на небо, покрытое туманом, и все боль-

*Герой Советского Союза
подполковник Александр
Штепенко.*

ше и больше теряем надежду на вылет. В такую погоду не летают...

Но вот к самолету на легковой машине подъехал полковник Лебедев. Он вручил мне сводку погоды. По глазам его я понял, что в другое время командир не решился бы спускаться экипаж с такой метеосводкой. Но сегодня... сегодня был особенный день.

— Ну, хлопцы, ни пуха, ни пера — пожелал он нам и похлопал по плечу.

Тяжелая машина вырулила на старт и уже в густых сумерках оторвалась и пошла на запад.

В этот вечер был очередной налет фашистских самолетов на Москву. В Москве объявили воздушную тревогу. Небо исполосовали лучи прожекторов, кругом гремели зенитные пушки.

Наша машина временами вздрагивала. Это означало, что близко от нас проходят самолеты. Чтобы избежать столкновения, мы вынуждены были войти в облачность и некоторое время шли с набором высоты в густых облаках. Потом вылезли наверх. Над нами было ясное, звездное небо, под нами — сплошная облачная масса. Надо было корректировать свой маршрут с помощью радио. Я включил радиоприемник, но первое время ничего не мог разобрать. Почти на всех шкалах приемника работали станции для помехи. Меня это поразило. Наконец, настроившись на одну из восточных станций, я услышал родной, знакомый и близкий голос.

Еще не уяснив себе смысла слов, я в возбужденном состоянии крикнул командиру самолета и радисту Богданову:

— Сталин делает доклад!

Командир самолета майор Пусэп включился в мой приемник, радист Богданов настроился на эту же станцию, к нему присоединился бортмеханик. Все четыре человека экипажа стали слушать. И хотя наш приемник был нужен для ориентировки, мы все-таки не выключали его до тех пор, пока не кончился доклад.

Мы считали, что доклад Сталина является для нас всех самым большим и светлым маяком.

На самолете прекратился всякий шум, всякие разговоры, и даже те люди, которые не могли слушать доклад, молча ждали, когда кто-нибудь из нас, счастливых, хоть одно слово скажет о том, что он услышал.

Бодрящий, волнующий, вливающий силы доклад вождя очень помог нам. В самом начале трудного, далекого полета слова товарища Сталина дали нам большую зарядку.

Полет проходил в тяжелых условиях, все время за очень высокими облаками. Мы вынуждены были выбирать на большую высоту в кислородных масках, при низкой температуре. В масках работать очень неудобно. Температура доходила до 40 градусов ниже нуля. И все-таки, слушая доклад, я вертел ручки приемников голыми руками и мне в это время не было холодно.

Доклад окончен. Работа у нас закипела с новой силой. Я стал вести астрономические наблюдения. Несмотря на все неудобства и неблагоприятную обстановку, я употребил все свои усилия, а пилоты со своей стороны — всю свою физическую силу и опыт, для того чтобы выдержать машину точно по заданному курсу.

Наконец, в районе моря в облаках показались разрывы, а сквозь них, глубоко внизу, мы увидели огни фашистского логова. Это был наш объект, немецкий город Данциг.

Я не стал спешить с освобождением самолета от бомб. Мне хотелось бить немцев наверняка, расчетливо и точно.

В городе явно были обозначены три хорошо освещенных района. Мне хотелось, чтобы всем трем районам одинаково досталось. Я разделил весь свой большой смертоносный груз на три части и, методично, не спеша, тщательно прицелившись, сбросил часть бомб.

При сбрасывании первой серии бомб кто-то из стрелков крикнул: «За Сталина!».

Через несколько минут внизу взметнулись разрывы.

Делаю второй заход. Прицеливаюсь по другому освещенному объекту. Еще часть бомб отрывается от самолета.

— А это за Родину! — крикнул кто-то из экипажа.

С третьим заходом бомбы были сброшены на последний освещенный объект.

Надо отметить, что последний удар был самым удачным, потому что вслед за разрывом бомб моментально погасло все электричество. Стрелки не выдержали и наперебой начали кричать, что не иначе, как попал в электростанцию.

Во всех трех районах обозначилось несколько больших очагов пожара.

Вот чем мы ответили на доклад любимого Сталина!

Весь экипаж пришел в восторг. Мы забыли, что вблизи

нас летают фашистские самолеты. Мы помнили только одно: наша советская авиация живет, и нас ведет в бой великий и мудрый полководец товарищ Сталин!

Через минуту после отхода от цели вслед за нами поднялась беспорядочная стрельба, но было уже поздно. Мы спокойно шли домой.

Долго еще облака отражали зарево пожаров. Потом оно скрылось, и мы увидели опять все ту же однообразную картину: облака внизу, ясные звезды над нами.

В ту ночь мы не долетели до нашего аэродрома. Были сбиты. Это была темная ночь, дул сильный, порывистый ветер, и мы выбросились на парашютах на линии фронта. Из-за ветра и темноты мы неблагоприятно приземлились. Некоторые из нас получили ранения рук и ног. Я, в частности, поранил себе ногу. Тогда мы собрались вместе, здоровые повели раненых. Мы подошли к стогу сена. Сели отдыхать. Над нами проносились облака и в их разрывах была видна луна. Ветер с воем и свистом дул нам прямо в лица. У некоторых нашлись папиросы. Закурили. Я должен был восстанавливать по памяти весь доклад Сталина, чтобы рассказать о нем всему нашему экипажу. И только тогда, когда все, до последнего, узнали о том, что я слышал, мы поднялись и продолжали свой путь. Опять здоровые поддерживали раненых. И так мы кучкой пошли на восток, к нашим частям.

Через месяц после выздоровления весь наш экипаж сел на новую машину и со свежими силами продолжал бомбить фашистские города.

Много ответственных заданий пришлось нам выполнить. Много смертоносного груза сбросили мы в логово фашистского зверя. Но никогда никто из нас не забудет знаменательного полета в канун Октябрьского праздника 1941 года, когда слова Сталина вели нас, как маяк в ночи.

НА КЕНИГСБЕРГ!

В предвечерних сумерках наш самолет в составе большой группы дальних бомбардировщиков стартовал на запад. На первом этапе пути погода явно нам благоприятствовала. Видимость была отличная.

Сумерки сгустились быстро, и наступила ночь. Обозначилась яркая луна. Она помогала опознавать местность. Но вот впереди стеной выросла высокая двухъярусная облачность.

Мы поняли — дальше ясной погоды не будет. Так оно и получилось. Нижний ярус облачности доходил до высоты в четыре тысячи метров. Он плотно закрывал землю. Облачный ярус над самолетом начинался на высоте пяти тысяч метров, причем верхняя его граница достигала восьми тысяч метров. Это лишило нас возможности пользоваться средствами астрономической ориентировки. Прокладку маршрута по карте пришлось вести по элементам, измеренным ранее в условиях, когда была видна земля.

Мы уже находились в полете свыше часа, когда оба яруса облаков сошлись. В том, что самолет попал в сплошные облака, экипаж не видел ничего угрожающего, так как не впервые летал вслепую. Но вот температура быстро пошла на снижение, и машина стала обледеневать. При первых признаках обледенения на винты был дан антиобледенитель. Однако корка льда быстро нарастала. Антенна утолщалась и вибрировала. Пилот вынужден был повести самолет с резким снижением. На высоте 2 800 метров мы вошли в теплый слой воздуха и освободились от ледяной корки.

Стало сильно болтать. Начался дождь. Тем не менее экипаж уверенно шел вперед.

После часа полета в облаках внизу обозначились вспышки огня. Кто-то высказал мысль, что это стреляют по самолету зенитки. Я возразил. Мне казалось, что стреляет полевая артиллерия, хотя самолет по расчетам уже должен был пересечь линию фронта.

Огненные вспышки участились. Самолет стало заметно потряхивать. Летчики вновь высказали мнение, что самолет попал в полосу сильного заградительного огня. Мы не ожидали грозы по маршруту и поэтому долгое время не могли понять, что происходит вокруг. Но когда фаскаты грома и шум от ударов густого крупного града по плоскостям и фюзеляжу заглушили рев моторов, мы поняли, что это гроза. А гроза во много раз опаснее самого сильного заградительного огня. Наэлектризованный самолет начал светиться. Огненные языки бегали по стеклам и антеннам. Молния ослепляла экипаж. В самолете ручьями текла вода. Наш большой воздушный корабль бросало, как маленькое суденышко в штормовом море. Усидеть на месте можно было только крепко уцепившись за что-нибудь руками. В этих условиях ни о какой планомерной работе не могло быть и речи. Ити на высоте 2 800 метров дальше было невозможно. Поднимать-

ся выше с бомбовой нагрузкой — опасно. И пилоты повели машину к земле.

В полночь, на высоте 1000 метров мы увидели сквозь пелену тумана землю. Гроза осталась где-то наверху. В это время радист принял радиogramму. Москва приказывала: «Обойти грозу». Мы поняли это как приказание следовать вперед — к цели.

Как только мы вышли из грозовых облаков, быстро определили свое местоположение. Вскоре в густой полумоночной тьме блеснул синеватый извив Западной Двины. Река появилась всего на несколько минут. Низкие сплошные облака надвинулись на нее с запада, и вновь мы надолго потеряли землю.

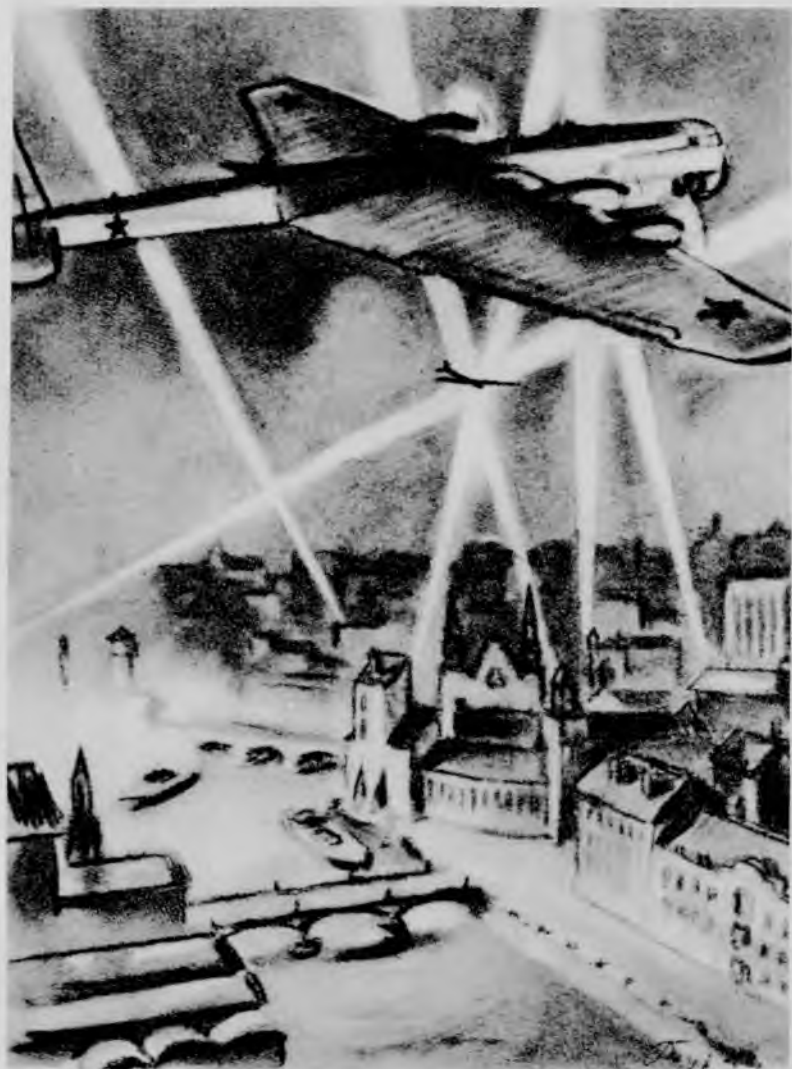
Пилоты повели машину с набором высоты, чтобы пересечь стену облаков, стоящую впереди. На минуту в разрывах открылось ясное небо. Я успел измерить высоту Полярной звезды и определиться. Затем все пошло, как прежде: самолет обволокли дождевые облака, в кабину полились ручьи воды, стало сильно болтать. Правда, на этот раз молний не было, и полет в целом казался нормальным.

Последовала другая радиogramма из Москвы. Командование предлагало продолжать полет. Экипаж уверенно вел самолет на запад в расчете на то, что все облака, громы и молнии наконец-то останутся позади и над целью будет ясная погода. Некоторые расчеты, которые мы произвели, пользуясь передачей одной станции, помогли нам точно установить местонахождение самолета. Было решено вести корабль к портовому городу и оттуда — к Кенигсбергу.

Самолет стал подходить к портовому городу над морем. Пошли на снижение. В полете низких облаков мы увидели холмистое штормовое море. Развернули самолет влево, корабль с набором высоты пошел к цели. Снова нас плотно окутали сплошные облака. Под машиной все еще расстилалось бушующее море. Самолет шел на радиостанцию Кенигсберга. В телефонах все громче гремела музыка. А между тем болтанка усилилась. Вновь забегали огненные языки по плоскостям. Ударил град. Радиоконпас заглох и на щитах его управления тоже забегали огоньки. Экипаж не без любопытства наблюдал за поведением корабля. Концы всех четырех винтов в эту минуту были в огненном кольце. Антенна светила. Стрелки-радисты докладывали, что с концов плоскостей срываются большие космы пламени. Все металличе-

Свое блестящее летное искусство Асямов выработал во время полетов над ледяными просторами Арктики (к стр. 41).

*Под самым ожесточенным огнем Штепенко ходит над целью, пока
точно не уложит весь груз бомб (к стр. 56).*

ские части самолета были наэлектризованы. За оружие нельзя было взяться руками. Опасность пожара становилась все более реальной.

Командир экипажа опять повел самолет на снижение. Мы достигли верхней кромки облаков, расстилающихся у земли. Последние 200 метров пробивались в сплошных облаках при отрицательной температуре, с обледенением. Наконец показалось ясное небо. Я снова измерил высоту Полярной звезды. Расчеты показали, что мы находимся северо-восточнее цели. Командиру экипажа был дан новый курс. Машина уверенно пошла к конечному пункту маршрута — Кенигсбергу. Не выпуская из рук секстана, я еще и еще раз измерил высоту Полярной звезды. Впереди на горизонте вырисовывались мощные кучевые облака, иссеченные молнией. Снова входить в грозу нашли рискованным. Пилоты направили корабль к просвету в нижнем поле облаков. Глубоко внизу показалась земля, наметились очертания зданий. Это и был Кенигсберг. Неторопливо развернулись и сделали круг. В городе быстро стали гаснуть огни. Обозначились первые вспышки зениток.

Под нами цель. Вот он, Кенигсберг, логово фашистского зверя, средоточие оголтелых гитлеровских сил, мечтавших поработить наш народ, завоевать Россию. С каким удовольствием мы сейчас «врежем» в самую сердцевину ненавистного вражеского гнезда наши крупные фугаски!

Боевой курс 45°. Время терять нечего. С шумом открываются бомболюки, встряхивая машину. Но тут обнаруживаем, что не так-то просто сбросить бомбы. В самолете набралось порядком воды. Она проникла в бомболюки и замерзла. Поэтому бомбосбрасыватели не действуют. С помощью молотка и зубила быстро сняли лед и открыли предохранитель. Повторили круг, и вновь я нажал кнопку. Первые две бомбы полетели вниз, заставив корабль перевалиться с одного крыла на другое. Бомбы разорвались в центре сходящихся дорог. Затем корабль «уронил» свою наиболее крупную бомбу. Огромной силы взрыв осветил целый район города.

Бомбометание закончилось. Воспользовавшись некоторым прояснением, я произвел необходимые астрономические расчеты. Корабль лег на обратный курс. Облегченный самолет легко набирал высоту. Машина пошла на восток и пересекла линию фронта. После этого можно было снижаться. Теряя высоту, корабль достиг 1000 метров. Радиост устано-

вил связь с командным пунктом части, попросил разрешения на посадку.

В утренней заре командир экипажа Герой Советского Союза майор Пусэп отлично приземлил корабль на летном поле нашей части. После длительного полета экипаж покинул машину.

НА БУДАПЕШТ!

Команда отдана. Тяжело нагруженный, наш самолет совершает разбег и поднимается в воздух. Курс — Будапешт.

Внизу темнота все плотней окутывает землю. Но здесь, наверху, еще довольно светло — отблеск медленно догорающей зари. Вот где-то справа промелькнули контуры огромного самолета — это наш товарищ, тяжелый бомбардировщик, идущий тем же курсом и с той же задачей, что и мы.

Быстро темнеет. Линия фронта, как всегда, отмечена частыми вспышками артиллерийской стрельбы, огненными трассами пулеметных очередей, багровыми очагами пожаров. Заслышав приближающийся гул наших моторов, начинают гулять по небу прожекторы, бить зенитки.

Но зенитки, конечно, не могут быть расположены по всему фронту равномерно, и мы устремляемся в одну из лазеек. Еще долго за нашей спиной тревожно ощупывают небо лучи прожекторов и мелькают зенитные разрывы.

На этом война на некоторое время как бы обрывается. Земля и небо спокойны, ничто не нарушает однообразного гула моторов. Ночь темная, безлунная. Только изредка мелькает внизу драгоценная для нас, штурманов, характерная тень — река. Экономя кислород, мы идем довольно низко.

Воздушные стрелки — незаменимые помощники штурмана дальнего бомбардировщика. Они не только следят за воздухом — не подкрадывается ли враг, но еще выискивают на земле нужные ориентиры. В шлемофоне то и дело слышатся их голоса:

— Слева по курсу озеро!

— Пересекаем излучину реки!

К слову сказать, не всегда штурман может полагаться на данные визуальной ориентировки. Бывает, — и не столь редко, — когда весь экипаж различает в ночной темноте, скажем, излучину реки, даже мосты, а на самом деле ничего этого нет — своеобразная галлюцинация.

Поэтому для полного контроля над курсом штурман должен пользоваться всеми средствами воздушной навигации, включая и астрономию. В частности, я считаю астроориентировку совершенно обязательной для штурмана дальнего бомбардировщика.

Уже много часов длится полет; все силы организма напряжены до крайности, но утомления не чувствуешь — столь велико нервное возбуждение. Только одна мысль владеет тобой: как бы не ошибиться, надо донести бомбы до цели; точно положить их в самое логово врага. В эти минуты особенно отчетливо ощущаешь справедливость и точность слов: «воздушный мститель». Да, мы воздушные мстители! Мы первые ласточки грядущего мщения, первые грозные вестники того наказания, которое понесут фашистские изверги за наши сожженные села, изуродованные города, за кровь наших жен, сестер и детей, расстрелянных, удушенных, замученных фашистами.

Вперед! Остались считанные минуты. Вот-вот должен показаться Будапешт.

Через какую-нибудь минуту вырисовываются контуры большого города, характерные стрелы зданий. Итак, до Будапешта долетели!

Город еще ни разу не подвергался бомбежке, он спокоен. В эфире звучат мелодии оркестров. Ни англичане, ни американцы еще ни разу не долетали сюда.

Выходим на реку, отмечаю ее знакомый по фотографии изгиб. Попрежнему ни прожекторов, ни зениток. В это мгновение внизу мелькает какая-то вспышка, затем другая. Взрыв. Характерное облачко дыма и огня взлетает в воздух. А, значит, кто-то из наших опередил нас. Боевой привет товарищу!

Сразу в эфире начало твориться нечто невообразимое. Смолкают оркестры, и чей-то голос непрерывно, испуганно, истошно в течение добрых пяти минут выкрикивает одни и те же слова, объявляя о воздушной тревоге. Начинают беспорядочно, невпопад бить зенитки. Бьют они настолько суматошно, что сразу видно: фашистские заправилы чувствовали себя тут в совершенной безопасности. Тем лучше!

Сбрасываю световую авиабомбу. Она повисает в воздухе. Один из прожекторов сразу вливается в нее и провожает до самой земли: неужели венгры приняли ее за советский бомбардировщик?

Теперь отчетливо вырисовывается цель. Делаем заход. В последний раз проверяю угол прицела. Пора! Отдвигаю рычаг бомболюков. Легкая встряска самолета. Ну, теперь не прозевать бы! Так, так, ближе, ближе... Вот!

Палец сам собой нажимает спусковую кнопку. Встряска. Полетела первая фугасная! Не ждали? Вот вам еще одна! Заметались прожекторы; опять зазвучал в эфире истошный голос. Ничего, пусть покричит! Пусть ни один вражеский город не чувствует себя в безопасности — каждому придет своя очередь! Слишком много крови советских людей пролили фашисты на нашей земле, чтобы эта кровь могла остаться без расплаты.

Делаем круг, чтобы проверить результаты бомбометания. Все новые световые шары повисают в воздухе, все новые взрывы отчетливо видны внизу — прилетают все новые и новые бомбардировщики. Наше дело сделано. Ложимся на обратный курс.

На обратном пути нервное напряжение понемногу спадает, начинаешь чувствовать голод, усталость. Вот и линия фронта. Где-то наше «окно»? Нашли, прощмыгнули... Аэродром. Садимся, вылетаем из самолета.

И тут только полностью ощущаешь всю меру своей усталости. Ноги как будто не свои — подгибаются. Земля плывет под ногами. Неверными шагами идут летчики, стрелки, штурманы по раскинутому полю аэродрома.

НА БЕРЛИН!

Германия... Я видел ее сверху в августовскую ночь прошлого года. Тогда по всему немецкому побережью, мигая, светились огни маяков. Корабли по Балтийскому морю ходили с огнями. По автострадам и шоссе дорогам двигались колонны автомобилей с зажженными фарами. Все города, поселки, железнодорожные станции были залиты электрическим светом. На железных дорогах хорошо были видны выпускающие белые клубы пара двухглазые паровозы.

Сейчас облик фашистской Германии не тот. Вся территория покрыта мраком. Погасли на побережье огни маяков. Фашистские корабли крадутся вдоль берега в темноте, как воры. Тщательно пытаются скрыть свое существование немецкие города. По железным дорогам паровозы медленно, ошупью тянут эшелоны, избегая даже давать гудки, чтобы

белым паром не выдать свое продвижение. Сказались результаты усиленной бомбежки Германии с воздуха.

Прошли линию фронта. Первые несколько десятков километров нас еще беспокоила, вернее пыталась беспокоить, противовоздушная оборона немцев. Кое-где вспыхивали лучи прожекторов, то тут, то там открывала огонь зенитная батарея; с какого-то аэродрома поднялся в воздух ночной истребитель. Но вскоре эти признаки боевой активности остались позади. У немцев, конечно, нехватает ни сил, ни средств, чтобы создать хотя бы видимость охраны всей временно оккупированной ими территории. Некоторые обширные районы совершенно оголены в противовоздушном отношении, зато на охрану других городов сконцентрированы все средства.

Уверенно и дружно тянут моторы. Под самолетом проносятся обрывки облаков. Справа по горизонту стеной громоздятся тучи, освещаемые серебристым светом луны. Там гроза. Мощный массив облачности то и дело прорезают ломаные, слепящие стрелы молний. Тогда молочным светом освещается весь горизонт.

Много мастерства, а подчас и физической силы требуется от летчиков. Майор Пусэп и старший лейтенант Зеленский ведут тяжелый корабль точно по курсу в этих сложных метеорологических условиях.

Теперь наш корабль уже над чужой территорией. Редкие огоньки. Они немедленно гаснут при нашем приближении. Но кое-где они остаются. Вот ровный, освещенный электрическим светом квадрат. Это концентрационный лагерь. Здесь правила светомаскировки не соблюдаются. Во-первых, немцы боятся оставлять заключенных в темноте; во-вторых, если бомбы и поразят этот освещенный квадрат, ничего, кроме злорадства, у двуногих зверей это не вызовет.

Наш корабль все дальше и дальше идет на запад. Уже высоко поднялась ущербленная луна, и ее бесстрастный, холодный свет серебристой дорожкой отмечает озера и реки.

— Пожар! Еще пожар! Третий пожар! — раздаются голоса стрелков в шлемофоне. Всмотриваюсь. Пожары? Да, как будто это так. Но что-то они очень уж одинаковые, ровненькие. Слишком уж эти пожары по-немецки аккуратные.

А, так и есть! Это фальшивые пожары. Это ложный объект, расположенный на подступах к настоящему объекту в надежде, что летчик, введенный в заблуждение, обру-

нит груз бомб на эти игрушечные, макетные электрические пожары.

Но вот и настоящий пожар. Один, другой, третий... Это пожары уже не по-немецки аккуратны. Это настоящий огонь. О, как высоко поднимаются столбы пламени! Этот пожар вызван нашими, советскими бомбами. Отличный пожар, ничего не скажешь! Хорошо поработали наши летчики, побывавшие здесь до нас.

Не успело скрыться из глаз наших стрелков это зарево, как впереди по курсу обозначились пожары в другом городе. Проходим дальше.

— Внимание! Скоро Берлин! — говорю я в шлемофон.

Но он уже виден, Берлин, хотя до него еще далеко: сплошной частокот прожекторных лучей упирается в небо. По всему горизонту кажущаяся непроходимой завеса зенитного огня: наши уже бомбят.

Так вот он, этот город, опутавший своими щупальцами Европу, весь мир! Вот он, этот город-зверь, нора Гитлера, вместительница всего самого злобного, кровавого и ужасного, что знало человечество за свою многовековую историю. Дрожь нетерпения: скорее к нему! и метче удар! За Гастелло, за героев-панфиловцев, за школьницу Космодемьянскую.

Зимой английские летчики писали нашим, что рады будут подать нам руку над Берлином. Ну что ж, мы все сделали для того, чтобы эта встреча состоялась.

Мысль одна: только бы пробиться сквозь эту стену заградительных зенитных разрывов — сплошную стену на разных ярусах. Маневр. Удача. Мы над городом.

— Товарищ штурман, вижу мосты через реку! — кричит стрелок Глобенко.

Но тут прожектор поймал наш самолет, глаза ослеплены, ничего не видно.

Нас опередили. Один за другим взмывают взрывы. Это легли бомбы корабля наших товарищей. Ловким маневром летчик уходит из прожекторного луча. Так, теперь все видно, куда не поймал новый прожектор. Можно отыскать цель.

Пожары. Бомбы падают на город целыми сериями: немало наших боевых кораблей сейчас над этим городом-спрутом. В воздухе повисают светящиеся авиабомбы.

— Молодцы! Точно бомбят! — слышен в шлемофон чей-то радостный голос.

Вот теперь нашел, наконец, заданную цель.

— Внимание! Бросаю бомбы!

Самолет рвануло вверх: оборвались бомбы. Справа, слева, сверху, снизу — всюду разрывы зенитных снарядов. Воздух густо насыщен запахом пороха. Снова слепят глаза вспершиевшие в самолет лучи прожекторов. Вырвемся ли мы теперь?

Да, мы уходим. Мастерским маневром пробиваемся сквозь стену огня. Даже не верится — неужели все-таки нашли брешь?

Прощай, Берлин! Мы встретимся еще раз! Все большее и большее количество бомб будем мы обрушивать на твои заводы; мы будем бить тебя до тех пор, пока не настанет светлый и долгожданный день окончательного расчета.

Боевое задание выполнено. Ложимся на обратный курс. Но долго еще стрелки наперебой сообщают, что бомбежка Берлина продолжается, что в городе возникают новые очаги пожаров.

Заканчивается ночь, проведенная нашим экипажем над Германией. Мы идем на восток, навстречу солнцу, гордые сознанием выполненного долга.

Выписка из „Книги почета“

28-го гвардейского полка Aviации дальнего действия

«Начало войны застало меня над ледяными просторами Карского моря. На мирном самолете полярной авиации я решал задачи мирного характера — находил свободные проходы среди льдов для кораблей, плавающих по Северному морскому пути.

Сейчас на военном самолете я решаю обратную задачу — закрываю пути и дороги гитлеровской армии, взрываю ее магистрали и важнейшие узлы».

Так зимой 1941/42 года говорил о своем участии в Великой отечественной войне штурман Александр Штепенко.

Развертывались бои, росли, крепились Красная Армия и сталинская авиация. Новые, все более трудные задачи вставали перед бомбардировочной Авиацией дальнего действия.

Заняв с первых дней войны ведущее положение среди штурманов части, Штепенко не переставал совершенствовать свое мастерство самолетовождения и бомбометания. Он всегда был ярым поборником разносторонней подготовки штур-

манов. Каждую звездную ночь вместе со своими товарищами он изучал астроориентировку. Его знания и опыт нашли себе достойное применение.

Дважды водил Штепенко свой корабль в далекие ответственные рейсы: Москва—Англия, Москва—Англия—США и обратно. Много раз он участвовал в бомбардировках Берлина, Кенигсберга, Данцига, Будапешта, Бухареста и других очагов фашизма.

Несколько раз штурман Штепенко заглядывал в глаза смерти. Однажды он спас свою жизнь на парашюте, чудом избег гибели при аварии самолета, обгорел; но ничто не могло сломить в этом хрупком на вид человеке силы воли и подлинно большевистского упорства.

Под прожекторами, под самым ожесточенным зенитным огнем Штепенко ходит над целью по 30—40 минут, пока точно не уложит весь груз бомб.

За участие в боевых операциях части Александр Штепенко награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени. За участие в особо ответственном перелете ему присвоено звание Героя Советского Союза.

НАЧАЛЬНИК ПАРТИЗАНСКОГО ШТАБА СТАРОВЕРОВ

ДМИТРИЙ Дмитриевич Староверов был геологом в бухте Угольной. В начале войны он добровольцем ушел в ряды Красной Армии. Вскоре командование сформировало отряд для отправки в тыл немецких захватчиков. Староверова назначили начальником штаба партизанского отряда.

Так началась новая страница его жизни.

В отряде Староверова уважали и боялись. Распоряжения и приказы он отдавал сухо и строго. Ничего лишнего никогда не говорил. Скупой на разговоры, на слова человек.

— Он всегда был такой, — объяснял товарищам по отряду радист Шмаинов, знавший его по мирной жизни. — Вместе в Москве жили, я хорошо его знаю.

Отряд партизан перешел линию фронта. Нужно было пересечь большую дорогу около деревни Сальниково, Клетнянского района. А тут нехстати пошли по большаку немцы. Укрыться негде — кругом степь, низкорослый и мелкий кустарник.

— Надо принимать бой, товарищ командир, — отрывисто доложил Староверов.

— Да, будем атаковать.

Впереди автоколонны противника шел бронеавтомобиль, за ним мотоцикл, штабная легковая машина и грузовик. Немцы ехали беспечно и весело. Слышалась даже песня.

Бойцы отряда залегли у дороги. Приготовились к бою.

— Ну, лиха беда начало, — сквозь зубы проронил Староверов.

Он спокойно прицелился и сразил наповал немецкого офицера, сидевшего в штабной машине. Стрелял Староверов без промаха, по-снайперски.

Торопливо, точно захлебываясь, заговорили автоматы. Растерявшихся от неожиданности фрицев метко разили пули советских бойцов. Несколько немецких солдат пытались укрыться в придорожной канаве. Другие прятались в кустарнике. Но поздно. Бойцы поливали их свинцом и гранатами. Отряд подбил легковую машину, уничтожил десятка два фашистских солдат и офицеров. Среди убитых оказался один генерал.

— Это, наверное, твой, — указывая Староверову на убитого генерала, сказал командир отряда Медведев.

— Мертвых делить не будем, — сухо отозвался Староверов. — А вот живых обязательно чтоб на мою долю побольше досталось. Уничтожать, уничтожать гадов!

Ненависть горела в его глазах.

*Начальник штаба
партизанского отряда
Дмитрий Староверов.*

Отряд пробрался далеко в тыл. Численность его увеличилась за счет бойцов и командиров, находившихся в окружении, и за счет местного населения. Преодолевая болота и непроходимые леса, партизаны выходили на выполнение боевых операций, истребляли отдельные группы немцев, взрывали их эшелоны, громили подвижной состав, склады с горючим и боеприпасами, уничтожали на аэродромах самолеты. Дождь. Холод. Пуды липкой грязи приставали к сапогам. Но Медведев и Староверов старались не давать покоя врагу ни днем, ни ночью.

Наряду с боевыми действиями, отряд занимался разведкой. Штаб отряда собирал сведения о расквартировании, перегруппировках и передвижении вражеских частей, о создании фашистских узлов сопротивления в укрепленных районах. Все эти сведения передавались по радио командованию Красной Армии. Кроме того, приходилось организовывать и вооружать новые партизанские отряды, заботиться о продовольствии, о боеприпасах. Словом, дела было по горло.

Ежедневно на основные коммуникации направлялись боевые группы.

— Лейтенант Кузин!

— Здесь.

— Ваша задача — изучить обстановку и разведать боем силы врага в районе хутора Д. Там как будто небольшой отряд. Попытайтесь его уничтожить. Возьмите с собой восемь бойцов.

Староверов посмотрел на ручные часы.

— В семь ноль-ноль вы должны быть здесь, выполнив задание.

— Есть в семь ноль-ноль быть здесь, выполнив задание. Разрешите идти, товарищ начальник штаба?

— Идите... Связной, пошлите-ка мне партизан Ширяева и Рытникова.

Партизаны явились. Староверов дал им задание выяснить, есть ли в ближайшем селе немцы. Если нет, немедленно доложить и забрать гарнизонный сбор на мельнице до того, пока его не увезли немцы.

— Товарищ начальник штаба, к нам пришли из соседней деревни с важными сообщениями.

— Веди.

В штаб все время поступали сведения о противнике. Староверов каждое из них старался проверить и уточнить, не полагаясь на случайные донесения. Ему хотелось не только знать о каждом шаге врага, его передвижениях и действиях, но и ближайших намерениях.

План своих действий он разрабатывал на основе тщательного изучения обстановки. Перед наиболее ответственными операциями Староверов сам ходил в разведку, своими глазами изучал поле боя, намечал наиболее неожиданные для врага направления удара.

Правой рукой и верным помощником Староверова был начальник разведки старший лейтенант Починикин. Староверов доверял ему, как самому себе. Они с полуслова понимали друг друга, уважали и ценили один другого. Внешне же отношения их оставались сдержанными. Боже упаси, чтобы не услышал сам Староверов, скажет о нем Починикин:

— Боевой командир.

И так же скупое и даже как будто неприязненно отзовется о Починикине Староверов:

— Боевой командир.

Однажды старший лейтенант Починикин принес важные сведения. Он узнал о передвижении на новые квартиры 576-го немецкого саперного батальона. Батальон работал на шоссейной магистрали, по которой шли гитлеровские подкрепления, на весьма ответственном участке фронта. О разгроме и уничтожении этого саперного батальона уже давно мечтал весь отряд. И тут вдруг такая удача!

Группа партизан во главе с начальником штаба немедленно вышла на боевую операцию.

Уходя, Староверов шепнул радисту:

— Сегодня я тебе, Толя, такие сведения принесу для передачи, что закачаешься. Жди.

Ничего не подозревавший немецкий саперный батальон двигался по широкой, просторной дороге. Тяжело переваливаясь, полз впереди вездеход. За ним в двухстах метрах двигались две штабные машины, мотоцикл и две танкетки. Дальше длинная вереница — 30 грузовых автомашин с солдатами батальона.

Партизаны залегли по обе стороны дороги, плотно прильнув к земле. Шопотом по цепи из уст в уста передавалось распоряжение Староверова:

— Пропустить вездеход. Огонь открыть по штабным машинам и танкеткам. Сигнал — мой выстрел.

Партизаны напряженно ждали немцев. Враг сам шел навстречу гибели. Жаркую встречу готовил ему Староверов.

— Ждать до моего выстрела, — еще раз сухим от напряжения голосом передал распоряжение Староверов.

Точно не доверяя самому себе, он осторожно снял с плеча винтовку. Отодвинул в сторону гранаты.

— Видеть их спокойно не могу, гадов, — сказал он лежащему рядом бойцу.

С лязгом прошел мимо вездеход. Мелькнули сытые, самодовольные лица фрицев. Староверов облегченно вздохнул. Снова придвинул поближе к себе гранаты. Плотной прижал винтовку к плечу.

Его первый, сигнальный выстрел сразил водителя штабной машины. Машина заглохла и стала. На нее напоролась вторая. С обеих сторон дороги раздались дружные залпы, полетели гранаты. Тяжело шлепнулся на землю мотоцикл. Танкетки сразу повернули обратно. За ними последовали, давя друг друга, грузовые машины. Им вдогонку неслись гранаты и меткие партизанские пули. С грузовиков в ответ открыли беспорядочную стрельбу. Партизаны гранатами останавливали машины и били жавшихся к краям кузовов немцев по выбору, как куропаток.

В штабных машинах живых фрицев не оказалось. Староверов сам тщательно обыскал эти машины. Он обнаружил в них штабные документы, захватил знамя батальона.

На дороге разгорался костер. Горели вражеские машины, мотоциклы и грузовики. Было убито около тридцати фашистских солдат и офицеров, свыше пятидесяти ранено. Партизаны захватили много оружия и продовольствия. Удрали только танкетки.

Смелая операция была проведена без потерь. Ни одного партизана даже не ранили.

Этому больше всего радовался Староверов.

— Не только что малой кровью обошлись, а совсем без крови досталась нам эта победа, — торжествовал он.

Его все радовало в этот день: и захваченные у противника трофеи, и штабные документы, и знамя. Он с любопытством его рассматривал. И не думал в то время Дмитрий Староверов, что из этого захваченного им у фашистов знамени нарежут партизаны ленты к венкам на его могилу. Он был полон жизни — кипучей, неутомимой, страстной жиз-

ни, наполненной жгучей, беспощадной ненавистью к врагу. Он собирался жить долго-долго, жить, чтобы бороться с подлым врагом.

Точно, как обещал, он принес радисту для передачи командованию Красной Армии сообщение о разгроме 576-го немецкого саперного батальона.

Все более дерзкими становились действия партизанского отряда. Десятки боевых операций совершил отряд. Немцы не на шутку встревожились. Для борьбы с партизанским отрядом Медведева были вызваны специальные карательные части — эсэсовцы. Они стали рыскать по следам партизан, охотиться за ними.

Пожелтели, зарумянились и осыпались золотым дождем листья деревьев. Редели леса. Только рослые и величественные ели и сосны красовались в своем вечно зеленом наряде. Днем на солнце еще было тепло. А по вечерам и ночью люди мерзли. Предвещая скорое наступление зимы, по утрам тонкий ледок хрустел под ногами. Грязь смерзлась комьями. Они были твердые, как булыжник. В дожди, грязь, распутицу неуютно жилось партизанам. Все время они проводили на воздухе или в палатках, редко бывали в помещениях, под надежной крышей. Обдували их холодные ветры. Щедро мочили дожди. Крепко пощипывали заморозки. По требованию отряда наши самолеты несколько раз пытались доставить партизанам теплое обмундирование и лыжи. Но немцы замечали советские самолеты, и те, чтобы не выдать местонахождение партизан, вынуждены были улетать обратно.

Партизаны все время тщательно следили за каждым шагом карательных отрядов. Благодаря этой, образцово поставленной Староверовым разведке, отряд благополучно избегал рискованных столкновений с врагом.

Однажды в штаб поступили сведения о том, что неподалеку от лагеря партизан рыщет крупный карательный отряд.

Разведать силы отряда, узнать поточнее его местонахождение отправился Староверов. Сопровождали его капитан Луковенко и партизан Шаура. Из осторожности они захватили с собой только по пистолету и одну винтовку. Ни гранат, ни автоматов не взяли.

День обещал быть ясным. Воздух был прозрачный и чистый. Солнце, тяжело карабкаясь по небу, чуть пригревало мерзлую землю.

Партизаны быстро шагали по узким лесным тропинкам, перескакивали через препятствия, иногда пританцовывая, чтобы согреться.

Против обыкновения Староверов в этот день был разговорчив, на слова не скупился, пытался шутить и посмеиваться над товарищами.

— День-то сегодня какой выдался! Весна... Скоро нам жарко станет.

Узнав дорогой, что поблизости немцев нет, партизаны зашли в большое село Батаево. Из предосторожности прикрыли винтовку ветками ели и сушняком: в лес, дескать, за хворостом ходили. В селе они направились к школе. Учительница их знала. Она обрадовалась, засуетилась, захлопотала. Бросилась раздувать самовар, собирать на стол, чтобы согреть дорогих сердцу людей.

Но чьи-то вражеские глаза уже высмотрели партизан. Пока они наскоро закусывали в школе, предатель сообщил карательному отряду: «В село зашли партизаны».

Робко, но настойчиво постучали в наглухо закрытую дверь школы маленькие ручонки большеголового босоногого ребятенка. Он примчался с окраины села предупредить свою учительницу:

— К нам идут фашисты.

— Ладно, ступай, — шопотом ответила ему учительница и торопливо захлопнула дверь.

Бросившись предупредить партизан, она увидела в окно, что к школе уже бегут цепи немецких солдат.

— Окружают, — только и успела она сказать, мертвенно бледнея, немея от страха.

Партизаны вскочили. Староверов осторожно выглянул в окно и оценил обстановку: просторный школьный двор, два сарая, ледник; дальше — глубокий овраг, а за ним роща, лес. Немцы охватывали школу с трех сторон. Назад, к лесу, одна дорога — через овраг, но сейчас вся эта дорога на самом виду у врага, не пробраться к ней.

— Т-а-ак... За мной! Укроемся, пока не поздно, за ледником.

Это было надежное и верное укрытие. Ледник защищал партизан с трех сторон, а добраться к нему из здания школы оказалось легко, враг не заметил.

— На вооружении у нас винтовка, три пистолета. Богато, — вслух, подбадривая товарищей, сказал Староверов. —

Но надо экономить боеприпасы. Ни одного выстрела впустую, бить только наверняка.

Немцы окружили школу. Несколько человек осторожно подошли к воротам.

— Русь партизан, сдавайся! — кричали они.

Никто не откликнулся.

Двое гитлеровцев, держа наготове автоматы, вошли во двор.

— Ну-с, открываем счет, Шаура, — шопотом приказал Староверов. — Твой справа, мой левый. Тебе. Луковенко, придется подождать.

Два коротких выстрела: ружейный и пистолетный. Два коротких крика. Повалились, как скошенные, немецкие автоматчики. Двумя погаными жизнями на земле стало меньше.

— Мой? — указывая глазами на показавшегося над забором фрица, торопливо спросил Луковенко.

— Твой, Илья, — ответил Староверов.

— Ага! — Луковенко, не желая отставать от товарищей, поспешно выстрелил.

Немец, как куль, перевалился через забор и медленно пополз книзу.

Теперь партизаны выдали свое месторасположение. И начался бой, жестокий и неравный. Трое бойцов с одной винтовкой и тремя пистолетами; против них — целый отряд отборных гитлеровских головорезов с автоматами и пулеметами. На каждый выстрел партизан они отвечали залпами, на каждую пулю — десятками пуль. Но партизаны били только наверняка, по ясно обозначившейся мишени. Немцы стреляли вслепую. Шпарили что есть мочи по укрытию, за которым залегли партизаны. Поняв, видимо, с кем имеют дело, они уже больше не кричали, не предлагали сдаваться, предпочитая неумолчно строчить из автоматов, да изредка испуганно кропили короткой пулеметной очередью ледник и землю вокруг него.

Огонь немцев не позволял партизанам выглянуть из укрытия. Это затрудняло выбор цели. Но все же, по точным подсчетам Староверова, «пришили к земле десятка два гадов».

Шаура совсем выбыл из строя. Он был дважды ранен разрывными пулями. Его винтовка перешла к Староверову. Луковенко наспех перевязал раны товарища. О своей кровоточащей, щемящей ране Староверов молчал, благо, она

была не на виду, а кровь не могла выдать: поди, разберись, чья она — то ли Шауры, то ли Староверова.

Отстреливались теперь двое: Шаура был слаб и терял сознание.

Немецкие пули щадили Луковенко.

— Мне везет, — шепнул он Староверову.

— Угу, и мне тоже, — отозвался Староверов, получив второе ранение.

Он чувствовал, как слабеют руки. Не слушались пальцы. В глазах у него иногда двоилось, и на мгновение исчезала намеченная мишень.

«Ой беда, Староверов, беда...».

— Луковенко, — Староверов подвинулся ближе к капитану. — Если я тебя об одном попрошу — сделаешь? Приказать в данном случае я не имею права, ибо речь идет о личных интересах... В нужный момент ты меня пристрелишь, Илья?

Он в упор посмотрел в глаза Луковенко.

— Нет, — твердо сказал тот и повторил дважды: — нет, нет!

Староверов понял по взгляду, по твердости голоса, что никогда, ни за что не исполнит Луковенко эту его просьбу.

— Та-а-ак... ну, значит, отставить мою просьбу... Слушайте теперь боевой приказ, капитан Луковенко. Отходите с бойцом Шаурой через овраг к лесу. Я буду прикрывать ваш отход.

— Товарищ начальник штаба!.. Дмитрий Дмитриевич!.. — взмолился Луковенко.

— Приказ есть приказ, капитан Луковенко. Я не привык повторять его дважды, — жестко сказал Староверов. — Не теряйте времени даром. Силы у меня на исходе.

— Ты ранен, Митя? — обеспокоенно спросил Луковенко.

— Дважды... Выполняйте приказ, капитан.

Луковенко знал твердый характер своего начальника. Он знал, что спорить с ним бесполезно.

Волоча за собой бойца Шауру, он осторожно, пригибая к земле, пополз к обрыву. Староверов в это время яростно стрелял в немцев.

Луковенко с Шаурой скрылись в овраге.

Слабели у Староверова руки. Немели пальцы.

«Ой, беда, Староверов, беда...».

Уткнувшись лицом в землю, он отдыхал, собираясь с силами.

*Партизаны похоронили Соколовых в лесу под высокими сухими
соснами (к стр. 65).*

Выбросив сигнальную ракету, Каминский вывел корабль в створ посадочной дорожки (к стр. 83).

Щедро обстреливали ледник немцы.

Осторожным протяжным свистом Луковенко сообщил, что он выбрался благополучно.

«Беда, Староверов, беда... Нет не беда, не беда. Кани-тан Луковенко и боец Шаура будут жить долго».

Староверов выглянул из укрытия. Попытался приложить винтовку к плечу и не смог: окончательно ослабели руки.

«Три пистолета на одного бойца. Много оружия, а патронов маловато... Но ничего, ничего, Староверов».

Нахальный фриц, подползавший к леднику, не охнув, замер на месте.

«Пусть скажет мне спасибо, — усмехнулся Староверов. — Легче лежать, чем двигаться. Теперь уже не поднимешься, гад!».

Захрипел и другой гитлеровец, подползавший сбоку. Но вслед за ним ползли новые. Староверов едва успевал отстреливаться.

Он на мгновенье застыл в нерешительности: «Кому отдать последнюю пулю?»

И Дмитрий Староверов последнюю пулю отдал себе.

Ночью партизаны унесли из села раздетого, изуродованного фашистами Староверова. Похоронили его в лесу под высокими густыми соснами. Партизаны сплели на могилу своего начальника штаба зеленые венки из ели. Из трофейного, захваченного у саперного батальона немцев, знамени нарезали красные ленты. Перевязали ими венки. Салютовали погибшему бойцу и другу весь партизанский отряд.

Он не умер, Дмитрий Староверов. Он остался жить в отряде, как образец доблести, как пример мужества и стойкости. Воспоминание о нем воодушевляло бойцов, поднимало их отвагу, крепило ненависть к врагу.

Винтовка Староверова передавалась вместе с знаменем в лучшие, наиболее отличившиеся отделения отряда.

За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе в тылу у немецких захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР Дмитрий Дмитриевич Староверов посмертно награжден орденом Ленина.

ПАРТИЗАН ЛЕОНИД ГРОМОВ

В 1930 ГОДУ студент-практикант Московского геолого-разведочного института Леонид Громов очутился на практике в Норильском районе.

Геологам было поручено отыскать продолжение рудного тела, открытого совсем недавно. От успеха поисков в значительной степени зависело решение — быть или не быть на этом месте руднику. И Леонид, наконец, нашел. С каким волнением всматривался он в обломок оруденелой породы, выглядывающей из-под толстого слоя торфа. Это был верный след... Леонид мысленно уже закладывал здесь шахту, строил поселок, завод... Он и не подозревал тогда, что действительность далеко опередит его мечты.

Конец 1934 года застал Громова уже в Главсевморпути, а лето 1935 года — в самом дальнем углу Советского Союза, на острове Врангеля...

Так вот она — Земля Неизведанная!..

Леонид смотрел на карту: только береговая линия отмечала контуры острова. Середина острова — «белое пятно». Лишь кое-где пролегли робкие очертания рельефа... Вот здесь пунктир одинокого маршрута, боязливо проложенный к центру острова капитаном Берри... Вот путь ледореза «Вайгач» у западных берегов, где геолог Кириченко в 1911 году прошел по берегу, пытаясь разгадать тайну геологического строения этого большого, необитаемого в то время острова... Вот короткий маршрут геолога Кальянова... И это — почти все!..

Это были неповторимые годы — два с половиной года, проведенные им на острове!..

Вдвоем с другом-эскимосом или совсем один, или в сопровождении любимой собаки Дика пересекал Громов остров из конца в конец, сам составлял карту, сам собирал образцы горных пород, сам раскидывал легкую палатку там, где наступала его ночь, непогода или неодолимая усталость. В жестокие морозы он развозил базы для летних маршрутов. Он научился не только ездить на собаках, но и понимать нрав и характер каждой из них. На Севере собака — друг... Оттого, раньше чем самому утолить голод и жажду после долгого маршрута, нужно накормить собак, укрыть их от ветра, иной раз пустить к себе в палатку.

Леонид возвращался на полярную станцию в бухте Роджерса, как в родной дом. Здесь его встречали люди, заменившие ему семью. Здесь он спешил рассказать о том, что видел в маршруте. Неизъяснимое чувство овладевало им, когда он входил в столовую, где висячая лампа освещала накрытый стол, знакомые лица. Раскаленная печка излучала неистощимые потоки тепла. Далеко за полночь засиживались полярники у стола, где родилась большая человеческая дружба. Именно здесь Леонид находил источник сил и звали к новым, предстоящим завтра тяжелым маршрутам. В своей комнате он устроил небольшую лабораторию, где провел немало времени, разбирая коллекции, пытливно изучая каждый образец. Он находил время и для того, чтобы прочитать лекцию, выпустить стенную газету, побеседовать с охотниками-эскимосами...

*Командир партизанского отряда
Леонид Громов.*

Однажды осенью, возвращаясь на базу с одним из охотников-эскимосов, Леонид остановился на привал у подножия горы, поразившей его очертаниями своей вершины, зубчатой и причудливой. К тому же, по склонам горы тянулись беловатые полосы-потеки, обычно сопровождающие свинцово-цинковые руды.

Леонид поспешил проверить свое предположение и, несмотря на усталость, медленно направился в гору. В это время Степан (так звали его спутника) принялся готовить завтрак. Прошло полчаса, час... Леонид не возвращался. Степан был голоден, но по обычаю тундры не хотел ни курить, ни есть один, без товарища. Пришлось ему идти вслед,

чтобы напомнить о себе и вскипевшем чайнике. Степан застал Леонида сидящим на глыбе известняка. Он весь ушел в созерцание огромного «зеркального камня». Так Степан назвал кристалл хрусталя невиданной им прозрачности, который Леонид держал в руках. Кругом, насколько видел глаз, на поверхности склона сияли нестерпимым в солнечных лучах блеском сотни таких же кристаллов. Их грани излучали ослепительные лучи и как будто притягивали к себе. Степан сначала оторопел, затем, приговаривая что-то невнятное и позабыв о том, что в примусе осталось совсем мало керосина, и о том, что надо торопиться, чтобы к вечеру быть в бухте Роджерса, принялся собирать радужные камни, складывая их возле Леонида.

Так они оба и заночевали возле чудесной горы, в кварцевых жилах которой, помимо медных и свинцовых минералов, залегали «щетки» горного хрусталя.

И вот Леонид снова в Москве... Он энергично хлопочет об организации экспедиции на остров, где кустарю-одиночке не под силу разведать открытое им месторождение.

Лето 1939 года застает его снова на острове Врангеля. Он вернулся на остров, но уже не один, а начальником экспедиции. Раскатистое эхо взрывов зазвучало в пустынных долинах. Рядом с медвежьим следом лег отпечаток гусениц вездехода. День за днем Леонид и его товарищи по работе все глубже познавали строение «белых пятен». Все меньше становилось этих пятен на карте. За полтора года экспедиция собрала огромный материал по геологии острова Врангеля. Пришлось опять выехать на Большую Землю, чтобы обработать сборы прошлых лет и наметить пути дальнейших исследований.

Наступил 1941 год.

В субботу 21 июня Леонид долго разбирался в полевых записях: к понедельнику нужно было во что бы то ни стало выяснить структуру разведочного участка.

Но между субботой и понедельником незримой, но резко ощутимой гранью встало воскресенье 22 июня 1941 года.

Мирное «вчера» разом ушло в недосягаемую даль. «Сегодня» обращало к нему свой испытующий взор: что ты можешь сделать для Родины, для фронта?..

В понедельник 23 июня Громов подал заявления одновременно в партком, Политуправление и райком с просьбой направить его в действующую армию. Но очередь его

еще не настала. Лишь 4 июля вместе с начальником Горно-геологического управления Главсевморпути И. А. Белозерским он был приглашен в Политуправление.

Седой в военной форме человек пробежал глазами по строчкам его заявления.

— Это ваше заявление?..

— Да.

— Хотите воевать?

— Да.

— На партийной работе были?

— Был, в течение ряда лет.

Военный расспросил Леонида о его партийной работе и предложил ему ждать вызова.

Спустя две недели Громова вызвали к телефону. Разговор был краток:

— Вы готовы, товарищ Громов?

— Да, вполне...

— К шести вечера будьте на улице... дом №... Вас встретят. Действуйте!

— Есть!

Одного часа с избытком хватило на то, чтобы сдать дела, оставить надлежащие указания, попрощаться с товарищами.

Полчаса в трамвае показались долгими, как вечность, — не опоздать бы!

Вот знакомая лестница... Пятый этаж... Наконец дома! Хорошо, когда близкие понимают с полуслова.

— Ухожу... Дай рюкзак... Попрощаемся...

— Совсем уходишь?

— Да, совсем...

— Боря, иди сюда, поцелуй папу!..

Только десять минут отданы семье. Жена проводила до трамвайной остановки и даже не спросила: куда, зачем, надолго ли? Было ясно и так... А срок?.. Гадать не стоило...

Маленький деревянный домик на окраине города, знакомой москвичам по их воскресным прогулкам. Седой хозяин дома с молодым лицом и живыми глазами встретил Громова при входе в палисадник, где мирно пестрели цветы и под кустом возились ребятишки.

— Товарищ Громов? Ну проходи сюда, к скамейке. Садись. О себе можешь не говорить. Знаю. Слышал. А меня зови просто Никитой... Ну что ж, будем воевать? Я-то

немца знаю по восемнадцатому году на Украине. Там у меня был хороший партизанский отряд. Ну и нынче нам с тобой выпала доля зачинать большое дело... Подождем немного, должны еще два хлопчика подойти... Да вот и они, — проговорил он, подымаясь навстречу двоим, один из которых был еще совсем молодой паренек, а другой — человек с нерусским лицом, лет сорока, одетый в военную форму.

На дороге прозвучала сирена автомобиля. Никита дал команду садиться. Замелькали хорошо знакомые места — окраины, улица Горького, центр.

Приехали!..

Быстро окончены необходимые формальности, получен провиант на несколько дней, заслушан четкий и ясный инструктаж. Оставалось только действовать.

Так оформилась первая четверка, направляющаяся для помощи партизанам.

Ночь прошла незаметно. В предрассветных сумерках зарождающегося погожего июльского дня грузовая машина подошла к подъезду, где стояли наготове Громов и его новые товарищи...

Вот уже и Минское шоссе. Густой лес по обочинам дороги, поляны и сонные домики, непомерно густые и высокие хлеба невиданного урожая 1941 года...

По автостраде лился непрерывный поток машин: встречных крытых, полных ранеными, и попутных открытых, с военными грузами, идущими на фронт.

Под Вязьмой в небе показались самолеты: один... два... шесть... Свои? Вражеские? Шофер выключил мотор, и тогда ясно послышалось незнакомое, не-русское нарастающее «та-таканье». Это шли немецкие бомбардировщики. Они пикировали на шоссе, роняя бомбы. Взрывы потрясали воздух. Черные дымные столбы вставали по обеим сторонам дороги. Улетела, отбомбилась одна шестерка, через час пришли три других, затем еще и еще...

Уже привычным движением Леонид выскакивал из машины, ложился в придорожный кювет вместе со своими товарищами, испытывая острую злобу против «немца», обостренную сознанием невозможности уничтожить его немедленно, сейчас же. Утром 10 июля машина остановилась на берегу Днепра. За рекой на горе виднелся город. Центральная часть его была разрушена, дым пожаров стлался над крышами.

Отсюда начиналась прифронтовая полоса.

Плот сунулся краем в камыши. Тихо ступая по воде, Громов выбрался на берег. Позади слышалось тяжелое дыхание бойцов, тащивших на плечах пулеметы. Впереди над болотом стлался туман, сырой и тяжелый, оставлявший на губах привкус горечи и ржавчины.

— То место у нас «мхи» называется, — сказал идущий рядом с Леонидом здоровый детина в самотканой куртке. — Тут надо итти с опаской, гуськом, по-малу...

И потянулась длинная вереница темных фигур, возникших в черноте прибрежных зарослей и пропадавших впереди в сизых болотных испарениях.

Так шли в ночи партизаны, то проваливаясь в трясину — и тогда нужно было без лишних слов и шума помогать товарищу, то прыгая с кочки на кочку, цепляясь за ветки чахлой болотной поросли, то падая в предательскую мякоть моховых бугров. Изредка нет-нет и звякнет штык, отвязавшийся котелок. Тогда Громов настораживался, до боли напрягая зрение, оглядывался кругом: немцы могли быть где-нибудь совсем рядом.

Казалось, не будет конца этому проклятому болоту, этим шорохам, всплескам воды, сопровождаемым сдержанной бранью усталых людей. Позади, на востоке отчетливо обозначилась полоска зари. И только тогда впереди, на том берегу, зачернела чаща леса.

Оттуда донесли, что путь свободен. Еще полтора часа пути — и партизаны скрылись в лесу. Он стоял безмолвный и строгий, раскинув лапчатые ветви елей и кудрявые кроны берез. Непролазный кустарник смыкался за человеком, обдавая его росяным холодным дождем.

Десятиминутный «перекур» — и снова в путь. Нужно было отойти как можно дальше от линии фронта, как можно глубже зайти во вражеский тыл.

Далеко за-полдень стали на отдых на берегу лесной речушки, где такая была благодать, такая густая трава и такая студеная, вкусная вода, что казалось — вовсе нет на свете ни войны, ни немцев, ничего, что могло бы нарушить девственный покой наших лесов.

Громов, чувствуя ответственность за жизнь людей, долго не ложился. Прислушиваясь к могучему храпу, встающему над поляной, он с тревогой ждал какого-нибудь постороннего звука, выстрела, хотя и знал, что часовые на местах, что все предусмотрено, и ближайший большак расположен в де-

сяти-двенадцати километрах. А в деревне, что находилась всего в трех километрах, немцев не было — они предпочитали «дачную обстановку», как выразился Никита, и притом поодаль.

В конце-концов Леонид разулся, вымыл ноги и сапоги, полные болотной тины, сполоснул портянки — совсем как где-нибудь в маршруте и, положив под голову тощий свой рюкзак, заснул глубоко и безмятежно...

Так началась необычайная жизнь «лесных людей». Случайная остановка оказалась пригодной для создания долговременной базы. Леонид организовал группы агентурной и боевой разведки, разослал их по разным направлениям. Нужно было обеспечить довольствие основного отряда. Наладили связь с деревней. Оттуда пришли женщины. Они взялись выпекать хлеб, привели упитанного бычка...

Все дальше и дальше протягивали партизаны щупальцы разведки, выявляя численность немецких гарнизонов, их вооруженность, расположение продовольственных баз.

Одновременно началась боевая деятельность. Партизаны подорвали близлежащее полотно железной дороги. Немцы исправили. Партизаны опять подорвали. Началась игра в «кошки-мышки». Немцы начали патрулировать лесные тропы. Сначала они выходили по-двое, по-трое. Назад эти патрули не возвращались. Тогда численность патрулей возросла до пяти-шести человек. Партизаны давали им зайти поглубже в лес и уничтожали, радуясь легкому способу добычи оружия. Немцы пустили отряды в 30—40 человек. И вот уже на дороги стали выезжать отряды до 70 человек, вооруженные до зубов. Вступать в бой с ними партизаны пока не решались — еще мало было боеприпасов, да и рано было привлекать к себе внимание. Партизаны затаились под боком у врага, получали хлеб из той же печи, которой пользовались немцы, ели немецкие «трофейные» консервы и накапливали силы для предстоящих схваток.

Сведения, добытые первыми разведочными группами, оказались необычайно ценными. Через линию фронта к нашему командованию потянулась непрерывная цепь донесений.

Незаметно проходило лето. Был один из тех погожих августовских вечеров, когда вместе с ощущением покоя, раз-

литого в природе, приходило сознание плодотворно прожитого дня. А день был на редкость удачным. Васильич, как звали партизаны Громова, был доволен.

Сели ужинать... И вот тогда из леса прибежал взволнованный связной.

— Немцы лес прочесывают. Впереди автоматчики, сзади — конные. Идут нашей тропой.

— Сколько?

— Почитай полк, а то и больше!..

Командир отдал распоряжения. Через полчаса на месте лагеря осталась лишь вытоптанная трава. Партизаны вышли навстречу «гостям», выбрали удобный рубеж и залегли. Впереди раскинулось болотистое редколесье. Леонид одним из первых увидел: с винтовками наперевес, обходя одинокие деревца, продираясь сквозь кустарник, шла необычайно стройная цепь. Солдаты шли не сгибаясь, уверенно, будто чувствовали себя дома.

— Не стрелять, выждать!.. Слушать команду!..

Партизаны затихли, положив руки на затворы. Кое-кто отстегнул гранаты. Пулеметчики на флангах намечали предельно близкую дистанцию.

Безмолвная цепь приближалась. Одновременно на просеке показались группы конников, едущих шагом.

Большая сила наступала на партизан...

Командир взвода, лежавший рядом с Леонидом, взволнованно проговорил:

— Васильич, не пойму я. Не похожи они на немцев. Гляди, как шагают. Ну, где ты видел таких? Знать, особая какая дивизия.

Леонид вспоминал все свои встречи с врагом. И верно, то, что он видел сейчас, не походило на виденное ранее. Немец-автоматчик идет пригнувшись, перебежками, неожиданно останавливаясь, неожиданно падая или приседая. Зашумит ветер в ветвях — горе-войка приставит к животу автомат и... тра-та-та... поливает свинцом какую-нибудь безвинную березу или куст боярышника. Партизаны обычно лежали где-нибудь совсем сбоку, еле удерживаясь от смеха. Фрицев они снимали с одного выстрела.

Большие группы немцев, патрулирующих просеки, всегда шли нестройно, перебегая от куста к кусту, и также беспорядочно с перепугу стреляли по каждому подозрительному пню.

А эти...

— Да, в самом деле... Не наши ли это?..

Сумерки скрадывали знаки отличия и даже цвет формы. А думать было уже некогда — полоса земли между наступающей цепью и партизанами делалась все уже и уже. Вот осталось всего каких-нибудь 30 метров. Бойцы явно нервничали. Командир медлил с приказанием. И тогда один из «молодых» не выдержал, швырнул навстречу гранату.

Двое в цепи упало. Зазвучали выстрелы.

— Товарищ начальник штаба, наши это... Винтовки у них трехлинейные. И повадка наша.

— Не стреляй, братцы! Мы — свои, партизаны!

Цепь замерла на мгновение. Потом поляну огласил дружный крик:

— Наши!.. Вот здорово!..

Люди перемешались. Слышались радостные возгласы. Подошедшие угощали махоркой давно не куривших партизан. В стороне сестра перевязывала раненых, возле которых виновато суетился виновник их страданий. Один из раненых, придерживая ногу, морщился от боли и твердил:

— Бывает, брат! В лесу-то не дома! Не дома в лесу-то!

Другой с рукою на перевязи пытался скрутить папиросу и не мог — пальцы не повиновались.

— Ты лучше мне закурить помоги. А то: виноват, виноват!.. Кто тебя винит, душень!..

Леонид и Никита пошли к командиру. Плечистый, среднего роста, он стоял впереди спешившейся группы. Белокурые пряди негустых волос вились над широким, темным от загара лбом. Было что-то властное в этом лице и вместе с тем добродушное. Улыбка открывала ряд крепких, белых зубов. Это был Доватор.

До утра сидел Леонид под раскидистым кустом, докладывая Доватору о результатах партизанской разведки. Доватор был доволен. Особенно заинтересовала его карта, составленная Леонидом. На нее были нанесены все данные по району.

— Вот карта, так карта!.. Вижу, не зря ты здесь сидел!.. Ну, а теперь получай приказ командования.

Доватор сообщил о том, что на штаб партизанских групп возложена задача всемерно содействовать коннице, которая должна пройти в глубокий тыл немцев.

Начинался знаменитый конный рейд Доватора...

Этой же ночью партизаны и конники в пешем строю разгромили станцию Л., взорвали и подожгли составы, навели среди немцев отчаянную панику.

Несколько дней после этого они не подавали признаков жизни, концентрируясь в центре лесного массива, в то время как немецкие отряды обстреливали просеки и тропы.

22 августа Леонид участвовал в командирской разведке. Верхом, пройдя между вражескими сторожевыми постами, временами почти вплотную подъезжая к населенным пунктам, дерзкий и смелый Доватор учил своих спутников искусству наблюдать за зверем в его логове.

Назавтра был назначен удар по врагу и прорыв в его глубокий тыл. Ночью конница выступила на исходные позиции. На рассвете, с боем пройдя деревню Подвязые, колонна вышла на большак и устремилась вперед, сметая на пути ошалевших от неожиданности немцев.

Вслед за головным полком шли партизанские отряды. И случилось так, что колонна главных сил, встретив на пути сильный очаг сопротивления, экономя время и не принимая боя, обтекла немцев с флангов и, не останавливаясь, пошла дальше в тыл. Партизаны приняли на себя лобовой удар врага с целью отвлечь его внимание от конницы.

Неожиданно враг оказался численно превосходящим. Это был долгий и неравный бой на опушке леса. Немцы били из автоматов. Им отвечали огнем винтовок, ручных пулеметов и гранатами.

Обстоятельства боя заставили Громова принять на себя командование группой.

Было уже часов десять утра. Яркое солнце слепило глаза. Томила жажда. Перебегая от куста к кусту, приближались немцы. Партизаны стреляли скупое, но меткое. То и дело валились вражеские фигуры. Но на смену им вставали все новые и новые. Убывали ряды партизан. Многих ранило. Леонид с пулеметным отделением выдвинулся на правый фланг, чтобы отсечь наступающих немцев от оборонявшейся из последних сил партизанской группы. Автоматная трескотня усилилась: пули летели сплошным, пчелиным роем. К Леониду подполз связной и сообщил, что конница со всеми резервами уже скрылась в лесу и ушла из-под обстрела. Партизаны выполнили свою задачу. Пора было отходить.

Он отдал приказание об отходе и пополз к пулемету — нужно было прикрыть отступление. Стиснув зубы, пускал он одну очередь за другой, едва успевая следить за тем, как

отступал его отряд. Но вот, наконец, можно уходить и самому. В этот момент Леонид почувствовал толчок в правое бедро. Услышав какой-то хлюпающий звук и еще не понимая, что с ним, он повалился на бок, затем приподнялся и увидел, что по животу расплзается темное пятно.

«Чорт! Вот уж не во-время..»—мгновенно пронеслась мысль.

Быстро, почти автоматически он расстегнул пояс и нащупал в полевой сумке индивидуальный пакет. Сквозная рваная рана зияла огромной дырой. Из нее розовея выпирали внутренности. Леонид наложил подушку, перетянул себя раз-другой бинтом.

...И остался Леонид один под глубоким куполом неба, одетого понизу облачной пеной. Он хорошо видел, как приближались немцы. Порою ветер пригибал траву, и тогда виднелись свои, отходящие к лесу. Скорее понял Леонид, чем увидел, что замысел немцев обойти справа по опушке не удался. Там вспыхнула жестокая перестрелка и... автоматы замолкли. «Значит... значит... наша взяла!..»

Превозмогая боль, Леонид отстегнул и положил возле себя гранату, пистолет со взведенным курком и стал ждать.

Постепенно тяжелела голова, плохо повиновались правая рука и нога.

Пули свистели, не переставая. Ближний бугор, за которым лежал Леонид, весь дымился фонтанчиками пыли. Почему-то бугор полюбился свинцовым «пчелкам».

А облака плыли и плыли, абсолютно равнодушные к судьбе человека. Вдруг откуда-то взялась серая пичуга. Посидела на ветке, поблескивая стеклянным глазком, и—фрр!—улетела, может быть испугнутая пролетевшей пулей.

Сколько еще придется лежать здесь? Только бы не потерять сознание. Он думал о товарищах с нежностью. И был внутренне уверен — рано, или поздно придут за ним.

Внезапный шорох... сдержанные голоса... Свои!

— Вот он, ребята! Живой! Ну-ка, скоренько...

Знакомые, дорогие лица. Грубые, но даже и в поспешности, даже под пулями осторожные руки.

— Держись, Васильич!

По-пластунски поползли, потянули за собой по земле плащ с тяжелой ношей. Качали головами, оглядываясь:

— Ишь, бедняга, нос-то совсем заострился. Живым бы доставить.

Подползли к дороге. Там — немецкая речь: бродят автоматчики. Вот скрылись за поворотом. А вдали слышится

грохот — танки идут! Не щадя раненого, перемахнули через большак, и, едва скрылись в кювете, — заскрежетали гусеницы. К фронту шла немецкая колонна. Опоздай на минуту — и попали бы, как кур во щи.

Тихонько отползли в лес. Наконец-то среди своих!..

Партизаны окружили Леонида. Врач перебинтовала рану. Стали советовать, как быть: оставить в лесу или взять с собой? И то и другое невозможно. И решили партизаны вынести Громова из вражьего тыла. Вызвалось шесть добровольцев. Срубили пару молодых березок, обтесали. Сделали из плащ-палатки носилки. Уложили Леонида, дали напиток. Как с покойником прощались — целовали в лоб и губы. Некоторые отходя в пояс кланялись.

Видел, как опускали глаза те, кто стоял поближе. Понял: не верят, что выживет. В могилу провожали.

Пошли лесом, через чащу и болота, по партизанской тропе к реке Меже, а оттуда через фронт к нашим. Порой отстреливались, не чая пробиться, порою ползком проходили мимо патрулей. Но все же вынесли партизаны своего начальника штаба через сорок километров труднейшего пути.

Рана оказалась тяжелой, с осложнениями. Поврежден был поясничный нерв. Правая нога не двигалась и оставалась в полусогнутом положении. Леонида в числе прочих тяжело раненых отправили сначала в прифронтовой госпиталь. Здесь через крышу пролетали снаряды, где-то совсем близко рвались фугаски, с потолка сыпалась штукатурка...

Потом раненых погрузили в поезд дальнего следования и повезли мимо Москвы (где-то сейчас сын, жена?..). Везли на восток, в Сибирь. Но в Казани наиболее тяжелых сняли с поезда и передали на клиническое лечение.

«Умирать, так уж ближе к родной Волге», — думал иной раз Леонид, когда уставал от постоянной боли.

Но все же его не покидали бодрость духа, твердая вера в выздоровление. И так жадно хотел он жить, так много и часто думал о тех, кто остался там, в тылу, так страстно хотел быть опять с ними, что и в самом деле начал поправляться. Врачи только руками разводили, говорили о чуде, о счастливом ранении... А Леонид шел на поправку. Для посторонних это было «чудом», а для него только исполнением желания. Вот и с ногой тоже не так получилось, как выходило «по науке». Думали, что нога так и останется со-

гнутой. Но Леонид, преодолевая боль, тискал, разминал непослушные мышцы, пытался вставать, когда никого возле не было. И случилось второе «чудо» — понемногу нога стала слушаться, разогнулась. Остались хромота и боль. Ну, с этим-то можно справиться!..

В один будничный, как две капли воды похожий на предыдущий, день открылась дверь палаты и вошла новая, незнакомая няня. Остановилась, растерянно огляделась. Леонид, не веря глазам, позвал:

— Инна?..

Она, жена! Нашла ведь!

Он не знал о ней ничего, кроме того, что ее эвакуировали на восток; а куда? Сколько ни писал знакомым — не получал ответа. И вот она здесь!..

Леониду удалось настоять на своем — выписаться из госпиталя. Жена увезла его в деревню — тощего, хромого, слабого, как ребенок. В деревне раненый пробыл с месяц, начал ходить с палочкой и в один из январских дней заявил:

— Еду в Москву. Хватит болеть!..

Жена поехала вместе с ним. Вот она, Москва! Из окон торчали трубы буржеек. Копоть на стенах. На улице Горького почти безлюдно. В трамваях и метро — простор! И все же это была Москва. Шла зима 1941/42 года. Отсюда до фронта было рукой подать.

Леонид прихромал в партизанский штаб. Его встретили и узнали. Но вместо того, чтобы послать Леонида обратно в отряд, направили в Главсевморпути: «Побудь до весны, поправься, а там видно будет».

Здание Главсевморпути на улице Разина дышало холодом. Нетопленное помещение. Людей почти нет. В клубе — запустение, свалка вещей...

Леонида сразу же выбрали секретарем парторганизации. Он принялся за оживление партийной работы. Снова окружал его актив. В марте вернулась оперативная группа аппарата. Жизнь входила в норму. 1 мая Громов открыл торжественное собрание в клубе, празднично разукрашенном и чистом.

А через несколько дней его вызвали «туда» и направили с особым поручением в Московскую область. Здесь как

из-под земли вынырнул Никита, все такой же шумливый и беспокойный.

— Без тебя ребята возвращаться не велели. Если жив, говорят, зачем прячешься?..

Так Леонид оказался снова командиром партизан. По существу это была уже многотысячная армия, сидевшая в тылу на плечах у немцев. О делах этой армии в свое время многое писалось в газетах, многое еще не сказано и ждет своего часа. Этот час уже недалек...

Громов с головой ушел в работу. С каждым сброшенным под откос эшелонам, с каждым новым дерзким налетом росла в нем крепкая уверенность в близкой победе...

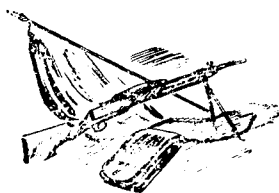
В один из боевых дней он, как и многие его товарищи, был награжден орденом Красной Звезды.

Немцы, наконец, поняли, что за спиной у них стоит не только дерзкая, но и большая, организованная сила, и двинули на партизан несколько дивизий.

Но позиционная война не входила в расчеты командования. Партизаны выполняли иные задачи. Партизанская «армия» была реорганизована, получила иное организационное оформление: каждая из боевых групп была придана боевой единице на фронте. Объединенный штаб группы партизанских отрядов перестал существовать.

Осень 1943 года. Громов снова за рабочим столом геолога. Раскрыта тетрадь полевых записей. Пришло время, хотя и не полностью еще, вернуться к оставленному любимому делу. Но война еще не кончилась. И Леонид Громов готов по первому зову снова пойти туда, где еще дерутся за Родину его товарищи по боям и победам...

ГВАРДИИ МАЙОР МИХАИЛ КАМИНСКИЙ

*«Спит деревушка... где-то старушка
Ждет не дожидется сына — а...
Сердцу не спится, старые спицы
Тихо дрожат в руках.
Ветер уныло гудит в трубе,
Тихо мурлыкает кот в избе.
Спи, успокойся, шалью накройся,
Сын твой вернется к тебе...»*

Напевая свою любимую песенку, Каминский то и дело отрывался глазами от приборов в тщетной надежде найти какой-либо огонек на земле или в небе. Но августовское небо затянуло облаками. Затемнена земля. Кругом ни одной светящейся точки, кроме огней кабинных приборов. Свыше шести тысяч «лошадей» несли тяжело груженный корабль на боевой высоте. «Как часы!» — мелькнула мысль, навеянная безукоризненным ритмом моторов. «Пожалуй, можно закурить». И как раз в это мгновение корабль неожиданно клонул носом с резким заносом вправо.

Пилот автоматически доотказа дал левую ногу и угол планирования.

— Тысяча чертей! Борттехник, что за полундра на баке? — встревоженно вырвалось у него.

— Товарищ майор! В четвертый мотор не поступает горячее. Сейчас выясню.

Каминский отдал приказание второму пилоту:

— Старшинов, держите ногу и скорость, я отрегулирую триммера.

— Есть, командир. Держу ногу и скорость.

— Вот хорошо! Так держать!

Томительно тянулось время.

— Повидимому, опять отказала впрыскивающая система форсунки. Мотор работать не будет, — доложил борттехник.

— Вот дьявольская сила! Когда же, наконец, фирма перестанет нас подводить! Ну, да ладно. Вира по-малу! Смотрите за тепловым режимом. Попытаемся «смайнуть» бомбы за линию фронта, а тогда будем возвращаться.

— Командир! Высота две пятьсот. До линии фронта час пятнадцать минут, — попробовал усомниться штурман.

— Принято, штурман! Давайте кратчайшую прямую к линии фронта. Не бросать же бомбы на своих?!

Перегруженные за «номинал» моторы неистово ревели. Корабль на минимальной скорости еле-еле продвигался вперед. «Как утопающий, который старается держать голову над водой», — подумал Каминский. Он напряженно вглядывался в приборы. «Хоть бы луна, чертовка, посветила!».

Через 10 минут новое предостережение борттехника:

— Командир! Моторы греются, надо сбавить надув!

— Справите РК до номинала, я посмотрю, как эта керосинка будет падать, — отдал распоряжение командир.

Борттехник прибрал «газы», корабль стал терять более 2 метров в секунду.

— Ну, так мы далеко не улетим, чорт побери! Придется возвращаться. Радист! Доложите на «КП»: «отказа четвертого мотора возвращаюсь обратно обеспечьте посадку». Штурман, сколько до базы?

— Около часа, товарищ майор. Разворачивайтесь, я выберу место, где сбросить бомбы.

— Ну, ну, не спешите, штурман. Бомбы надо бросать только на фрицев.

— Старшинов, дублируйте левый разворот.

— Есть дублировать левый разворот.

— Товарищ майор! Нам высоты нехватит. Вы что, решаете сливать горячее? — не успокаивался штурман.

— Ну да! А вы знаете цену горючему? Рублик за кило платим! Пока еще не припекло. Попробуем дотянуть так.

Разговоры умолкли. Моторы слегка остыли. Борттехник

Гвардии майор Михаил Каминский.

держал их на верхнем пределе температурного режима. Корабль шел к дому, понемногу теряя высоту.

Командир напряженно думал. «Конечно, инструкция требует разгрузки корабля. Надо сбросить бомбы, если мало — слить горючее. Тогда корабль спокойно и безопасно произведет посадку. Но бомбы и горючее стоят десятков тысяч... Это слишком легкий выход из положения. От меня в праве потребовать более сложного решения: чай, я не первоклассник! Ну, а если сломаю машину при посадке? Загубить многомиллионный красавец-корабль?.. Тут уж оправдания ждать не придется. Трибунал рассудит, что причитается за такую «экономия»... Впрочем, о трибунале нечего беспокоиться. При аварии мы взлетим на воздух на собственных бомбах. И не только я, но и десять моих боевых товарищей подчиненных мне людей».

Как всегда неожиданно пришло решение.

Обращаясь к стрелкам, Каминский спросил:

— Эй, орлы! Кто возьмется вывернуть взрыватели в воздухе?

— Я попробую, товарищ командир, — ответил левый подшассийный сержант Кувакин.

— Добро, Кувакин, исполняйте. Да, смотрите, с ними поделкатнее, а то взорвемся между небом и землей.

— Будьте спокойны, командир, постараюсь.

Кувакин полез в бомболюк. Прошло 5, 10, 15 минут. Наконец в микрофоне послышался голос:

— Командир, ваше приказание выполнено. Все взрыватели вывернул.

— Молодец, Кувакин!.. Благодарю от лица службы.

— Служу Советскому Союзу, — как в строю ответил стрелок.

Все облегченно перевели дух. Теперь благополучная посадка целиком зависела от искусства летчика.

И снова медленно тянулись минуты. Левая нога затекла от напряжения. Шарик «Пионера» (указателя поворота) упрямо стремился уйти в левый угол. Скорость держалась у нижнего предела. Держать больше — быстро теряется высота. Чуть упустишь меньше — сорвешься. «Пионер» — вариометр — горизонт — скорость — компас — «Пионер» — вариометр — горизонт — скорость — компас, — непрерывно по очереди глаза обегали приборы. Руки и ноги почти машинально исправляли ошибки. Через каждые несколько минут борттехник докладывал об исправности моторов, штурман — от-

носительно курса, ориентировки и времени, оставшемся до прихода к аэродрому.

Наконец показался «штык» аэродромного маяка. Выбросив сигнальную ракету «я свой» и включив бортовые огни, корабль осторожно пошел на посадку. Самое трудное при несимметричной тяге моторов попасть на линию бетонной посадочной полосы. Кто-кто, а Каминский это прекрасно знал. Вот он вывел корабль в створ посадочной дорожки. Теперь надо точно рассчитать место приземления. Уходить на второй круг нельзя. Так, хорошо. Теперь — следующая задача: пониже подвести и мягко посадить машину. Как, однако, ярко бьет луч прожектора! Машина почти повисла в воздухе, еле плывет.

Ура! Корабль приземлился. Итак, дело сделано, можно рулить на стоянку.

Штурман и борттехник, не рисковавшие противоречить командиру в воздухе, атаковали его на земле десятком «если» и «вдруг».

— Друзья мои, — ответил им Каминский, — я переживал не меньше вас, так как принимал на себя тяжкую ответственность. Такой полет мне стоит «фосфора» больше, чем прохождение через любой зенитный огонь. Но задача оказалась нам по силам, мы это только что доказали. И если сегодня мы не смогли нанести урон врагу, все же сэкономили десятки тысяч рублей отечеству. А это стоит и нашего страха и наших нервов. Представьте себя в цирке. Вы смотрите, как артист идет по тонкой проволоке под куполом или перебрасывается на трапециях. Ведь правда, у вас нередко сердце замирает в страхе за него? А тем не менее акробат уже десяток лет работает без единой царапины. Его успех достигается ежедневной тренировкой. Тренировка занимает многие часы, а представление — минуты. Так и у меня за сегодняшним «представлением» пятнадцать лет тренировки. Пропну поверить, что в Арктике мне приходилось решать не менее сложные задачи.

Гвардии майор, командир тяжелого бомбардировщика Михаил Каминский прав. Мастерство к нему пришло не сразу.

Окончив школу военных летчиков, он семь лет прослужил в частях военно-воздушных сил Красной Армии, причем три года из них — в Научно-испытательном институте.

Здесь-то Каминский не только отшлифовал свое летное мастерство, но приобрел вкус к эксперименту, к поискам нового, неосвоенного, нераскрытого. Он летал на самолетах всех типов — от юркого истребителя до малоповоротливого четырехмоторного бомбардировщика. Между делом он стал инструктором парашютизма, сделал до сотни прыжков, в большинстве экспериментальных, и обучил 150 человек этому благородному спорту, как инструктор.

Однако настоящую закалку, умение быстро и точно находить единственно правильный выход из самого сложного, казалось бы безвыходного, положения, мужество перед лицом реальной опасности он приобрел в полярной авиации.

— Восемь лет полетов в Арктике — мой университет, — говорит Каминский. — Три тысячи летных часов (125 суток!) я провел над льдами, над дикими горами, над бескрайними тундрами.

Ему приходилось замерзать в тундре, голодать (так, что в пищу шла собственная обувь), тонуть в Беринговом море, гореть на земле и в воздухе, десятки раз пережить пургу в тесной палатке возле своего самолета.

«Люби Арктику, и тогда она полюбит тебя», — вот его любимый афоризм.

Неистощимый оптимизм, творческое горение в труде, сознание того, что жизнь дана человеку для борьбы и с непременным условием храбро защищать ее до самого конца — вот что не раз помогало Каминскому с честью выходить из самых замысловатых положений.

В апреле 1936 года при исключительно плохих метеословиях Каминский обшарил на бреющем полете огромный район мелкобитых льдов, разыскивая унесенных далеко в Чукотское море 16 охотников-эскимосов из селения Нау-кан, близ Уэлена. Он нашел этих людей. Сбросил им продукты, одежду, снаряжение, несколько раз прилетал к ним, чтобы поддержать морально. Этот выдающийся для того времени эпизод высоко поднял честь полярной авиации среди местного населения Чукотки.

Летом 1936 года на крохотном «У-2» Каминский перебросил из залива Креста в горы Анадырского хребта экспедицию геологов. Последующими полетами избороздил вдоль и поперек долину Амгуэмы протяженностью более 250 километров, установив по ней около десятка временных авиабаз. Опираясь на эти базы, геологи и топографы охватили своими исследованиями весь Анадырский хребет. Каминский под-

держивал регулярную связь между отрядами, подвозил им продовольствие, вывозил образцы, а к осени снова всех собрал на зимнюю базу.

В дальнейшем этот удачный эксперимент, единственный в горах Советской Арктики, стал неременной частью работы чукотского авиаотряда. И несомненно, этому отряду принадлежит немалая заслуга как в нахождении крупных месторождений редких металлов, так и в составлении географических карт для «белых пятен» нашего дальнего Северо-Востока.

Глубокой осенью 1936 года Каминский сделал ряд блестящих разведок ледовой обстановки Чукотского моря. В одиночку на одномоторном сухопутном самолете, подчас в труднейших метеоусловиях он летал глубоко в море. С помощью авиаразведки Каминского капитан Белоусов на ледоколе «Красин» провел три каравана судов. За эти полеты Каминский награжден своим первым орденом — орденом Красной Звезды.

Весной 1937 года Каминский перевез десятки больных с острова Врангеля и из Чаунской губы за тысячи километров в Анадырь и залив Лаврентия.

Тогда же впервые в правительственный срок была проведена перепись населения Чукотки. Во все пункты из Анадыря переписчиков перебросил Каминский.

В июле 1937 года на гидросамолете МБР-2, совершенно непригодном для работы в Полярном бассейне, Каминский сделал посадку в полынье среди сплоченных льдов Восточно-Сибирского моря. Он взял на борт капитана парохода «Урицкий» Орлова, показал ему ледовую обстановку и снова высадил около парохода. «Урицкий» в те же сутки первым достиг Колымы. Ни до, ни после этого самолет МБР-2 не применялся для таких смелых полетов.

В августе 1937 года Каминский вышел во главе летного отряда ледокола «Красин» в море Бофора на поиски Леваневского. С ледового пятка под 75° широты ему удалось сделать несколько полетов. Заодно он побывал на Аляске, посмотрел жизнь и быт американских зимовок.

Полярной ночью в декабре 1937 года на старой, малосовершенной машине «Р-5» он облетал самые отдаленные районы Чукотки с материалами к выборам в Верховный Совет СССР. Кампания выборов была проведена на Чукотке в правительственные сроки исключительно благодаря от-

личной работе Чукотского авиаотряда Главсевморпути и, прежде всего, лично командира отряда.

На той же машине Каминский и его друг радист-механик Мохов А. И. доставили в Москву на первую Сессию Верховного Совета депутата Чукотки тов. Тевлянто. Москвы они достигли в рекордный для того времени и для возможностей этой машины срок — за 20 календарных суток. Этот факт был отмечен даже в международной печати.

Характерно для этого замечательного перелета то, что он был совершен без особой подготовки, с хода, без карт, по неосвоенным местам Колымо-Индигирского края, через дикие хребты Черский и Верхоянский, оригинальным, необлетанным маршрутом. Надо, к тому же, напомнить, что декабрь — самое темное и непогожее время за Полярным кругом, а «Р-5» — самолет устарелый и совершенно непригодный для дальних рекордных перелетов.

Обратный путь занял 14 календарных дней, Каминский вернулся из Москвы на Чукотку, ведя за собой звено новых самолетов. В дальнейшем длительные перелеты стали для него рядовой работой.

В феврале 1939 года на тяжелом двухмоторном самолете Каминский сделал посадку у зимующего в Восточно-Сибирском море корабля «Ост» среди бесчисленных торосов и вывез с судна всех больных.

Каминский — единственный из полярных летчиков, которому дважды, в 1939 и 1940 гг., пришлось делать посадки гидросамолета на тундру: первый раз из-за пожара в воздухе, второй — из-за отказа обоих моторов. Оба раза самолеты после мелкого ремонта поднялись с земли и продолжали бесперебойную работу. Второй случай замечателен тем, что застиг Каминского на Чукотке глубокой осенью, когда выпал снег, замерзло море и лагуны, и каждый день промедления грозил зимовкой самолету. Каминский в три дня организовал все необходимое для вылета, прошел пешком по тундре более 60 километров и бурлацким способом доставил на байдарке необходимые материалы с полярной станции мыса Биллингса. Благополучно взлетев, он через десять суток достиг Красноярска.

Работая в Карском море на летающей лодке «Консолидейт», Каминский производил стратегические разведки, находясь в воздухе по 16—19 часов. Зимой 1941 года на самолете «Н-169» он вместе с Черевичным был участником

исторической высокоширотной экспедиции в район полюса недоступности.

Так он летал и в восточном и в западном секторах Советской Арктики — от Архангельска до Аляски. Нет ни одной зимовки, которую не посетил бы самолет Каминского.

Но все же важнейшее звено в полярной биографии Каминского — это освоение Чукотки.

Что было известно о Чукотке? До челюскинской эпопеи для 99 человек из 100 Чукотка была абстрактным географическим понятием. Не все знали, где и как далеко она находится. Самой отдаленной землей нашей родины даже в школах считали Камчатку. А ведь Чукотка значительно дальше. Еще десять лет назад она была почти не исследована. Даже географических карт почти не было — больше «белых пятен», чем достоверного. Челюскинская эпопея знаний о Чукотке прибавила немного, но она сделала основное: доказала необходимость срочнейшего накопления этих знаний, срочного авиационного освоения Чукотки в интересах сквозного мореплавания по Северному морскому пути.

Каминский прибыл на Чукотку по горячим следам летчиков-челюскинцев, в 1935 году. Немногие летчики побывали там до него, да и те не стремились задержаться на Чукотке. Опыт ушел вместе с его носителями.

Четыре года непрерывной самоотверженной работы в таком необжитом углу, каким до того времени была Чукотка, — своеобразный рекорд Каминского. И ему есть чем гордиться. Громадная горная страна за Полярным кругом, равная Франции и Германии, вместе взятым; страна, девять месяцев в году отрезанная от материка; страна наименьшей плотности населения; страна первобытной дикости и «белых пятен» — в короткий срок приобщилась к социалистическому строительству. В числе других пионеров освоения Чукотки Каминскому принадлежит почетное место, а в области авиационного освоения он сыграл выдающуюся роль.

От первых робких полетов наощупь вдоль береговой черты в светлое время, ограниченных небольшой частью Чукотки, до официально утвержденных облетанных трасс, режущих Чукотку вдоль и поперек, до полетов в любое время года, в любой пункт, до прямой связи Чукотки с Москвой, до составления полетных карт и лоций — таковы итоги летной работы Каминского.

Как командир Чукотского авиаотряда, он открывал новые трассы, строил базы, аэродромы, радиостанции, воспи-

тывал кадры. По его примеру многие летчики закрепились на длительное время для работы на Чукотке. Много сил и энергии было отдано созданию местных кадров летчиков-чукчей. На его глазах его усилиями авиация стала необходимым условием дальнейшего социалистического развития Чукотского национального округа. Таков творческий путь большевика-полярника Каминского.

В дни Отечественной войны Каминский вернулся в Красную Армию зрелым мастером, воспитанным в суровых условиях Арктики.

Начальник Штаба Авиации дальнего действия Марк Иванович Шевелев, в свое время пославший Каминского на Чукотку, назначил его командиром «летающей крепости». Пожимая руку Каминскому, он сказал: «Желаю вам на боевом поприще удачи и таких же успехов, каких вы добились на Чукотке».

Так началась новая глава в его летной биографии.

Наряду со многими другими летчиками АДД Каминскому пришлось принимать участие в битве за Орловский плацдарм. Немцы превратили Орел в сильную крепость. Десятки прожекторов и зенитных орудий крупного калибра прикрывали его от воздушного нападения.

Однажды, когда корабль, ведомый Каминским, подходил к цели, штурман Белорус передал боевой курс:

— Командир, 30 градусов право.

— Есть тридцать право.

— Так держать.

В это время вражеские прожекторы схватили корабль. К первым пяти лучам потянулись остальные.

— Командир, ослепили, уходи! — крикнул в микрофон штурман.

Команда штурмана над целью — закон для летчика. Развернувшись, корабль быстро вышел из сферы действия прожекторов. Через минуту Каминский заметил, что прожекторы зацепили «очередную жертву», а зенитки ее яростно обстреливают.

— Ну, штурман, пока они заняты, надо заходить.

— Правильно, командир. 50 градусов лево — держи большой пожар, — согласился штурман.

Корабль снова на боевом курсе.

— Так, хорошо, хорошо, пять право; так, еще два право; так, так, хорошо, дай еще два лево. Так держать! Открываю люки, — командовал Белоус.

Через 15—20 секунд вражеские прожекторы снова нащупали корабль Каминского. До тридцати прожекторов скрестили под брюхом самолета свои мощные фиолетовые лучи. Вокруг самолета образовалось громадное световое поле. Каминский испытывал чувство голого человека, случайно попавшего в многолюдное общество. Вся зенитная артиллерия Орловского узла открыла прицельный огонь на уничтожение. Однако ни рука, ни сердце у пилота не дрогнули. Корабль выдержал боевой курс до отрыва бомб, не шелохнувшись. Бомбы легли по цели, вызвав взрывы на путях станции. Только тогда летчик стал маневрировать, увертываясь от разрывов пушечных снарядов.

Плотность огня была настолько велика, что взрывная волна непрерывно встряхивала тяжелый корабль. В кабине пахло порохом. Черные облака разрывов были видны впереди, с обоих бортов, выше и ниже. О том же докладывали стрелки из задней полусферы.

Четыре минуты прорывался Каминский из огневой завесы. Не менее пятисот снарядов разорвалось около корабля. Но только тридцать пробоев привез он в своих крыльях, вернувшись на аэродром.

Это был один из первых полетов, в котором Каминский попал в такой переплет.

— Ну как, майор, натерпелся страху?! — спросил его командир полка.

— Как сказать, товарищ гвардии подполковник. «Все мы ходим голыми под нашим платьем», — говорил старик Гейне. Конечно, страшно, особенно для первого раза. Впервые я узнал цену времени и реально ощутил, что не только в минуте 60 секунд, но еще и в секунде 60 мгновений. Но, думаю, сам я виноват в том, что меня немцы избивали как хотели. Нужен был другой маневр при заходе на цель. У меня получился слишком длинный боевой курс, поэтому немцы успели нас поймать. Кроме того, следовало бы иметь запас высоты и за ее счет выходить на боевой курс с планирования.

— Правильно, майор Каминский. Говорят, смелость берет города. Но это верно, когда смелость сочетается с грамотной тактикой, с военной хитростью. Этот урок вам дороже целого академического курса тактики. А главное в том, что у вас не дрогнула рука. Помните, в кинокартине «Яков Свердлов» товарищ Сталин говорит: «Когда человек имеет сердце из стали, кольчугу он может иметь из дерева и он

не испугается в бою». Золотые слова. Ну, желаю вам новых боевых успехов.

Командир полка, провожая летчиков в бой, не раз говорил: «Никакая академия не даст вам рецептов на всякий случай боевой жизни. Учитесь на опыте. Противопоставляйте немецкой технике обороны свою технику нападения. Добивайтесь внезапности, совершенствуйте тактику выхода на цель. Говорят, что за битого дают двух небитых. Это верно, когда «битый» становится умнее после битья, умеет извлекать уроки.

Каминский внимательно прислушивался к каждому слову старших боевых товарищей. Каждую крупницу своего и чужого опыта он стремился применить в бою.

Железным законом в его экипаже являются подробные разборы каждого полета. Смелость, инициативу, даже просто ценное наблюдение он немедленно поощряет и всегда резко критикует людей пассивных, смотрящих на успех боевого полета как на игру слепого случая. Учась сам, Каминский учит и воспитывает подчиненных в духе наступательных, смелых действий. «Желающий победить обязан атаковать — таков моральный закон борьбы», — частенько говорит он. — «Сегодняшняя атака должна быть продумана и подготовлена на опыте вчерашних ошибок. Мы не можем пассивно ждать, собыют или не собыют нас сегодня. При всех условиях мы должны смело и уверенно действовать в бою. Конечно, на войне все может быть. Можем и мы с вами попасть в процент сбитых. Но борьба на этом не кончается. Никто из нас не в праве думать, что если собыют, то и конец. Разве мы не можем подготовиться к тому, чтобы живыми и невредимыми выйти даже из немецкого тыла?».

Вспомнив свой полярный опыт, Каминский обеспечил членов своего экипажа всем необходимым для автономного существования даже во вражеском окружении. Индивидуальные пакеты содержат аварийный паек на 10—15 дней, в них упакованы карты, табак, иголки, нитки, карандаш, бумага, медикаменты. Каждый член экипажа имеет компас, нож, гранату, тройной комплект патронов к личному оружию. Несколько занятий было проведено на тему, как ориентироваться в незнакомом районе по компасу, карте и местным признакам. Кроме того, стрелки имеют автоматы. Разработаны сигналы для опознавания своих.

— Подумайте, — говорит командир, — нас более десятка человек. Если после прыжка соберется вместе даже полови-

на экипажа, и то это будет хорошо вооруженная партизанская группа. Нехватит аварийного пайка — мы силой оружия сможем достать продовольствие. Если не удастся перейти через линию фронта, то к партизанам мы доберемся всегда.

Благодаря систематической настойчивой работе в этом направлении удалось Каминскому слотить экипаж в активную боевую единицу, готовую к действиям не только в воздухе, но и на земле.

Не лишне рассказать об одном примечательном эпизоде из боевой практики экипажа. При одном из налетов Орел оказался закрытым многослойной тяжелой облачностью. Приказом командования не исключалось бомбометание из-за облаков по расчету времени. Но в такой обстановке было очень мало шансов на точное поражение цели.

Каминский решил переключиться на запасные объекты, указанные командованием. Первой целью было скопление войск противника у г. Волхова, который тогда находился в зоне ясной погоды. Второй запасной целью был железнодорожный узел Карачев, находившийся в немецком тылу на подступах к Брянску. Легче было отбомбиться по Болхову. Не надо терять высоты, пункт слабо защищен зенитками, рядом линия фронта. Если даже и подобьют — не страшно.

Но Каминский был верен себе и принял решение бомбить Карачев. Милую сердцу бомбардировщика высоту — почти 7000 метров он снизил до 5 200, вошел в облака, пробивая их в направлении цели. Кроме того, в верхних слоях оказалось настолько интенсивным обледенение, что даже приборы в кабине покрылись инеем. Приходилось снижаться до конца. Каминский вышел под облака. Машина — на высоте всего 1 700 метров. Для ночного тяжелого бомбардировщика это ничтожная высота. На ней не только артиллерия врага, но и пулеметы опасны. А такие важные станции, как Карачев, прикрыты очень сильно. Только абсолютная внезапность могла помочь отбомбиться и уйти не сбитым. Каминскому повезло. Его коллега Рубинштейн такой случай сравнивал потом с выигрыванием ста тысяч на трамвайный билет.

— Сразу после выхода из облаков впереди по курсу оказался действующий немецкий ночной аэродром. Его площадка была четко обозначена огнями. Горели посадочные прожекторы. В их лучах приземлялся вражеский самолет. «Ишь мерзавцы, как у себя дома работают», — подумал Каминский. «Ну, мы их сейчас причешем». Тут же стрелки до-

ложили, что видят в воздухе самолеты противника с включенными бортовыми красными и зелеными огнями. Некоторые из них давали ракетами сигнал «свой».

Короткая команда штурману, и корабль лег на боевой курс. Пять тонн бомб крупного калибра перекрыли весь аэродром. Столбы пламени осветили корабль, а взрывы резко подкинули его кверху. Немедленно взметнулись в ночное небо щупальцы прожекторов. Корабль развернулся на восток, но его курс пересек вплотную подошедший вражеский двухмоторный самолет. Стрелки незамедлительно открыли огонь из бортовых пушек. Враг упал, за ним потянулся шлейф из огня и дыма.

Столкновением с воздушным противником корабль демаскировал себя. Немедленно все воздушное пространство вокруг него прочертили цветными серпантинными лентами трассирующие пули. Почти тут же открыла стрельбу артиллерия. Знакомые облачка разрывов проносились мимо. Опять запахло порохом и стало жарко. Следом стали действовать прожекторы, панически вразнобой обшаривая небо, отражаясь от облаков. Три из них зацепились за корабль. В тот же момент к нему близко подошел второй самолет противника. «Гасить прожекторы», — скомандовал Каминский. Из всех точек немедленно открылась стрельба. Прожекторы погасли. Заодно стрелки по своей инициативе обстреляли стоянки и рулящие на земле самолеты противника, а перепуганный враг в панике шарахнулся в сторону и... упал, подбитый собственными зенитками.

Еще немцы не успели определить, где свои и где чужой, как корабль Каминского в ночной темноте, без повреждений, окончательно повернул на восток. Уходя, экипаж еще долго наблюдал панику на аэродроме. Яростно стреляли зенитки и пулеметы, в бессильной злобе метались лучи прожекторов, хватаясь за свои самолеты. На земле пылали четыре багрово-черных пожара — горели самолеты. Какие повреждения нанесены обстрелом бортовых пушек и сколько побили немцев осколками бомб, установить не удалось. Но известно, что аэродром был выведен из строя на много дней, а психологический удар для вражеских летчиков был не меньшим, чем физический.

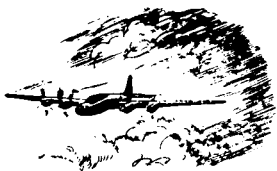
— Да, представьте себе, что секунда бывает солидным отрезком времени, — говорил Каминский. — Ведь вся эта полундра над аэродромом заняла каких-нибудь две минуты. только в таких боях по-настоящему познаешь цену времени.

За инициативу и мужество в этом полете весь экипаж Каминского получил благодарность от командования части.

На многие города, аэродромы и железнодорожные узлы в тылу противника возил бомбы гвардии майор Каминский. Но особое удовольствие доставляли ему налеты на объекты, расположенные на территории противника.

— Великая гордость, — говорит он, — охватывала меня, когда я смотрел на грандиозные пожары Тильзита и Хельсинки. Эти города горели целыми кварталами. Пусть знают оккупанты, что им отольются кровь и слезы наших людей, раны наших сел и городов. Мы сражаемся за правое дело. И с этим мы победим.

ПОЛИТРУК ПЕТР ЗУЕВ

(Рассказ командира части)

ИНОВОГО человека только в бою и можно узнать, на что он способен.

Был у нас в роте политрук Петр Николаевич Зуев. До прихода в армию он заведывал клубом на Качугской судовой верфи. Уроженец того же Качугского района, Иркутской области. Незадолго до войны приняли его в кандидаты партии. На войне он стал коммунистом.

Политрук Зуев на редкость скромный человек. Скромность доходит у него до робости и нередко мешает в работе. Из-за своей прирожденной скромности он, человек вообще способный, на многое не решался, робел.

Бывало, даешь ему новое для него и непривычное задание. Спросишь:

— Справитесь, товарищ политрук?

— Постараюсь, товарищ командир, — а в голосе никакой уверенности.

— А вы решительнее за дело беритесь, смелей... выйдет.

— Слушаюсь.

Нет ничего удивительного, что ни мне, ни другим первое время Зуев не внушал особого доверия. Порой меня просто злила и раздражала его чрезмерная скромность. Ну, думаю, на что такой человек в бою годится? Что от него толку?

Даже сделав все хорошо и безупречно, Зуев старался отнести это на счет кого-то другого: дескать, «моя роль в этом деле второстепенная». И вместо благодарности за образцовое выполнение распоряжения только со злостью о нем подумаешь: «Чорт бы тебя побрал с этой ненужной скромностью. Ты и немца по своей робости убить не сумеешь. Испугаешься — а вдруг, мол, у меня ничего не выйдет».

В резерве нас держали недолго. Выступили мы на передовые. Обстановка тогда складывалась на фронте тяжелая. Народ мы были еще не обстрелянный. В первом же бою рота, в которой политруком был Зуев, попала в окружение. Командовал ротой толковый и знающий командир, но он был ранен, выбыл из строя. А вся рота — около трехсот бойцов, вместе с Зуевым осталась в лесах, по ту сторону фронта.

Роту все считали безнадежно потерянной. Чего можно ожидать от Зуева? Разве он сумеет проявить необходимые сообразительность и смелость? Он и по земле ступать в своих сапогах с непомерно широкими голенищами боялся. И, оказывается, все мы ошиблись, сильно ошиблись.

Несколькими днями позже нам стали известны все подробности того, как была спасена рота. А дело сложилось так.

Как только Зуев узнал о ранении командира и, правильно оценив обстановку, понял, что часть отрезана, попала в тяжелое положение, вся его робость куда только делась. Не раздумывая, он принял командование ротой на себя. Отвел людей подальше, остановил в лесу. Нескольких расторопных бойцов послал разведать силы противника, узнать, где окружение наиболее слабо, да, кстати, еще изучить местность. Разведчики быстро выполнили его приказ. Получив все нужные данные, Зуев повел роту на соединение со своей частью. Скрытно, пользуясь пригорком и оврагом, он подтянул ее почти вплотную к противнику. Место для атаки было выбрано удачно. Немцы только начинали закрепляться на захваченных позициях и удара с тыла совсем не ожидали.

Зуев коротко объяснил задачу бойцам:

— Нам нужно прорваться к своим во что бы то ни стало. Все дело в стремительности. Надо ошеломить немцев, не дать им опомниться. Понятно?

— Понятно, — вполголоса отвечали бойцы.

— Бежать надо без передышки и прямо на врага, не сворачивая в стороны. Бег начнем рассыпным строем, а когда немцы будут близко, сгущивайтесь вокруг меня. Так и прошибем их нашим кулаком. Учтите, что противник от нас удара не ждет. Понятно? Ну и, само собой разумеется, попадающихся на пути фрицев не щадить. Все. А теперь пошли.

Он вскочил на ноги, стал во весь рост. В руках — автомат. Вслед за ним поднялись бойцы. В это время дружно заработали станковые пулеметы, заранее выставленные на флангах атаки: справа и слева. Зуев бежал впереди роты, оторвавшись от нее на добрых 30—40 метров. За ним рассыпным строем лавиной неслись бойцы. Они помнили приказ: бежать без передышки, что есть духу.

Рота налетела на гитлеровцев, как вихрь. Сгрудившиеся вокруг командира бойцы мгновенно расшвыряли немцев, прорвали их цепь и сразу, развернувшись лицом к врагу, окалываясь и закрепляясь, по команде Зуева стали бить по немцам короткими очередями из автоматов. Это было сигналом пулеметчикам прекратить огонь и соединиться со своими. Едва пулеметы смолкли, Зуев приказал быстрыми и короткими перебежками отрываться от противника. Отходили отстреливаясь, спеша, пока немцы не опомнились.

Рота вышла из окружения, не потеряв ни одного бойца убитым. Вскоре благополучно подошли пулеметчики. Зуев облегченно вздохнул и громко засмеялся.

— Майн гот, майн гот ¹, — передразнивая немцев, сказал он. — Мы еще покажем им «майн гот».

Он посмотрел на усталые, но радостные лица бойцов и улыбаясь спросил:

— Жарко?

— Жарко, товарищ командир.

— И я устал. — Зуев вытер рукавом гимнастерки мокрый от пота лоб. — Крепко поработали. Хороших бегунов всякий уважает. Сегодня мы от немцев убежали. Завтра они от нас побегут.

Бойцы захохотали. С этой минуты они беспрекословно,

¹ Дословно «мой бог. мой бог».

не раздумывая, готовы были идти за Зуевым в огонь и в воду. Это обеспечило роте успех в дальнейших операциях.

Закрепившись на местности, Зуев быстро ориентировался. Раньше чем присоединиться к своей части, он решил попутно выполнить еще одну операцию. На фланге у него лежал небольшой населенный пункт, занятие которого, как он знал, входило в поставленную нашему подразделению задачу. Успех окрылил Зуева, придав уверенность, сделал его дерзким. Он отобрал самых надежных бойцов и послал их в разведку.

Вечерело. За ближним лесом тяжело ухали пушки. Выждав, когда совсем стемнело, Зуев скрытно повел роту к населенному пункту. Теперь уже не бежали, а ползли — тихо и медленно.

— За малейший шум или стук расстреляю, — строго предупредил Зуев.

И рота двигалась неслышимая и невидимая. Выставленные немцами дозоры были сняты без единого выстрела. Затем только один сигнальный выстрел известил о начале атаки. Действовали штыками. Первого попавшегося ему на пути немца Зуев поддел легко. Второй оказался грузным. Зуев дважды всадил в него штык, но немец не валился.

— Фу ты, чорт тяжелый, — крикнул на ходу Зуев. — Пристрели его кто-нибудь.

Сам он уже бежал дальше, увлекая за собой бойцов.

Рота под командованием Зуева ворвалась в населенный пункт с двух сторон. Это были наиболее слабые места обороны врага. Зуев сразу же искусно рассредоточил бойцов. Куда ни кинутся немцы, всюду натыкаются на наших бойцов. А тут еще, следуя приказу Зуева, рота не кричала, а буквально ревела могучее «ура». Можно было подумать, что ворвался в населенный пункт по крайней мере батальон или полк. Бой шел на уничтожение. На случай подхода резервов за населенным пунктом Зуев выставил заслон из десятка бойцов, которым был придан станковый пулемет.

Сам Зуев заколол штыком 6 гитлеровцев. Его тяжело ранили. Наскоро перевязавшись, он продолжал руководить боем.

Около двух рот противника было рассеяно и частично уничтожено в этой операции. Рота Зуева захватила много боеприпасов и снаряжения.

В госпитале к Зуеву вернулась прежняя скромность. Он

допросил товарищей по роте никому не рассказывать о том, как они выходили из окружения. Но товарищи все рассказывали. Пусть Петр Николаевич Зуев на меня не сердится. Зла ему — отважному сыну Родины — я не желаю.

ПАРТИЗАН ЮРИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

ЮРИЙ Константинович Чернявский родился в 1913 году в городе Тогале Томской губернии. Отец его работал агрономом. Детство Юрия прошло на лоне дикой сибирской природы. Он рос сообразительным и любознательным мальчиком. К 5 годам, тайком от родителей, старшая сестра-школьница научила его читать. Еще в школьные годы он стал страстным охотником, рыболовом, азартным следопытом.

В 1930 году Чернявский отличником окончил школу-девятилетку в г. Владивостоке, вскоре переехал в Ленинград и в сентябре 1931 года поступил в Государственный университет на гидрологическое отделение географического факультета.

Всегда бодрый и жизнерадостный, он завоевал любовь товарищей и однокурсников. Исключительно способный, Юрий в любую минуту приходил на помощь отстающим товарищам.

Студентом 3-го курса он попал на практику в арктическое плавание. Юрий страстно увлекся Севером. Здесь открылось ему его настоящее призвание, благородное поприще для приложения сил его энергичной страстной натуры. После недолгих раздумий прервана учеба. На борту «Ермака» гидролог Чернявский в 1934 году уходит в свою первую научную экспедицию. Затем экспедиции чередуются одна за другой.

В 1936 году за гидрологические работы на «Седове» он награжден орденом «Знак почета». Следующая навигация снова на «Седове». Только осенью 1938 года Чернявский возвращается с зимовки дрейфующих судов.

Его увлекает работа по изучению приливных явлений на трассе Северного морского пути.

В 1939 году он переходит из Гидрографического управ-

Партизан Юрий Чернявский.

ления в Арктический институт. Работа по изучению приливов продолжается. Печатаются его первые научные статьи. На «отлично» сдан экзамен в аспирантуру Арктического института. 15 сентября 1939 года молодой гидролог становится аспирантом АНИИ.

Закончить аспирантуру помешала война. В тяжкие дни блокады Ленинграда вместе с другими патриотами Чернявский ушел в партизаны — громить тылы немцев, разрушавших великий город. Смертью храбрых он погиб в боях за Ленинград.

Жена Ю. К. Чернявского Тамара Алферьева любезно предоставила нам свой дневник и письма, полученные от боевых товарищей Юрия Константиновича. Выписки из дневника и писем приводим ниже.

Из дневника Тамары Алферьевой

Ленинград, 6 января 1942 года. Сегодня Юра уходит со своими боевыми друзьями-партизанами на защиту осажденного Ленинграда.

Вчера ходила прощаться в штаб. Никогда мне не забыть этого дня.

Жестокий мороз. Задыхаюсь от холода. Город окутывает предвечерняя зимняя дымка...

Завтра старый русский праздник — сочельник, но ничего нет рождественского, кроме мороза. Дома с забитыми окнами слепы и угрюмы. На улицах пусто. Дикий свист нарушает застывшую тишину города. Это славят смерть снаряды. Вздрагиваю. Они рвутся очень близко. Район обстреливается с немецкой педантичностью и тщательностью. Но итти нужно. Здесь штаб. Здесь Юра. С рассветом он уйдет из города.

Поднялась на последний этаж. Клубы морозного пара на минуту закрывают вход в большую полутемную комнату. Потолок низкий, мерцают огоньки коптилок. За столом несколько человек. В полутьме ищу среди незнакомых людей родное лицо Юрия. Голод сделал его страшным, но глаза, как всегда, блестят по-мальчишески задорно. Радостная белозубая улыбка сверкает на опухшем лице. Встал навстречу; родные руки, как в первые дни счастья, нежно притянули к себе.

— Как Наташа?... Как мама, отец?

Незаметно в моих руках очутился кусок хлеба.

— Съешь, подкрепись.

Минуты уходят быстро, а сказать еще нужно очень, очень много: ведь, может быть, говорим в последний раз. Меня ждет голод, его — фронт. Слишком мало надежд на встречу.

Соленый комочек подкатился к горлу, но креплюсь. Ощущаю крепкое пожатие руки. Юра хочет успокоить, подбодрить меня. Как в тумане, слышу его последние слова: «Не горюй, родная, не опускай головы. Береги дочь и стариков, а немцев, верь мне, вытурим. И как еще вытурим!».

Я знаю, он слов зря не бросает. Пообещал — выполнит. Так и запомнила, какими злыми, ненавидящими стали его глаза. Верю, что он не отступит ни на шаг, легко своей жизни не отдаст.

Красноярск, 3 февраля 1943 года. Свершилось самое страшное. Юрий убит. До сих пор еще надеялась на встречу, но — вот они, письма его боевых друзей. Не верить им нельзя. Слезы слепят меня. Но что поделаешь... Он выполнил свой долг до конца.

Из писем боевых товарищей Ю. К. Чернявского к его жене

«Пишет Вам Чернецкий Николай Семенович. Я с мая месяца все время был с ним. Были мы самыми хорошими друзьями, пережили вместе самое трудное, что может быть в войне, а в нашем деле этих трудностей очень много. Юрий как командир всегда умел сам переживать трудности и вселять бодрость в сердца своих подчиненных и товарищей. Он был исключительно храбрым, находчивым и талантливым командиром, обаятельным человеком и товарищем. Я всегда восхищался им и многому учился, несмотря на то, что он был моложе меня. Боевые дела и понима-

ние друг друга во всех вопросах сблизил нас во всем. Вместе воевали, вместе жили, сражались, думали обо всем...

Тамара Павловна, поверьте, что вместе с Вами переживаю тяжелую утрату. Одно могу сказать, что Вы можете гордиться своим мужем. Он ненавидел врага, как настоящий русский человек. Он дважды был представлен к высокой награде. Юрий был принят отрядом в кандидаты ВКП(б) и умер коммунистом. Образ Юрия Чернявского всегда служит нам примером в борьбе с врагом».

«Здравствуйте Тамара Павловна! Это пишет товарищ и боевой друг Вашего мужа, Федя Крюков. Вы уже знаете о гибели Юры. Вы потеряли любимого человека, а мы, в том числе и я, лучшего товарища, замечательного боевого товарища. Я был постоянным спутником его. На его счету три вражеских эшелона, десятки уничтоженных гитлеровцев.

Знаете, Тамара Павловна, когда мы работали с Юрой, то всегда чувствовали себя уверенно и спокойно. Каждый знал, что в какое бы трудное положение он ни попал, Юра всегда найдет выход. И недаром его группа была самой лучшей в отряде. Мы любили и уважали Юру. Вот почему так тяжело пережить его утрату. Это касается не только старых его товарищей, но и тех, кто знал его совсем недолго.

Наши партизаны всегда с гордостью и уважением будут вспоминать, что они сражались с врагом под командованием Юрия Чернявского...».

ВОЕННЫЙ ХИРУРГ ПАВЛОВИЧ

(Рассказ военного корреспондента)

СТАРАЯ пани Л., владелица большого, но изрядно запущенного имения, любезно предоставила нижний этаж своего «палаццо» полевому госпиталю. В комнатах рядами стояли простые железные койки. Раненые

бойцы с любопытством разглядывают лепных крутобедрых венер, упитанных купидонов и висящие вокруг на стенах потемневшие портреты предков пани в золоченых рамах.

Операционная—сердце госпиталя—поместилась в просторной столовой, отделанной мореным дубом. Потоки электрического света (от переносного движка) разгоняли предвечерний сумрак уходящего дня. Операционная пустовала, хотя несколько белых, раскладных столов стояли открытыми, видимо, готовые к приему оперируемых. В дальнем углу у небольшого столика, дежурная сестра, озабоченно перебирая, гремела инструментами.

— Майор в парке. Курит. Просил до операции его не беспокоить.

Предупреждение сестры не подействовало. Многолетнее знакомство давало право «беспокоить» майора даже во время куренья. Майор медицинской службы Александр Игнатьевич Павлович, в сущности, был некурящим. Но один раз в сутки, как раз в предвечерние часы, он имел обыкновенные выкуривать единственную папиросу. Это был его отдых. Персонал госпиталя, зная эту привычку хирурга, оберегал его покой и отрывал его от куренья лишь в самых неотложных случаях.

Павловича я нашел в глубине аллеи на садовой скамье под могучим вековым каштаном. Он действительно курил.

— Как хорошо, что ты приехал именно сегодня, — так встретил меня Александр Игнатьевич, крепко пожимая руку. — У меня сегодня радостный день. Ты знаешь, я не сентиментален, но почему-то в последнее время все чаще и чаще стал думать о своей профессии. Практикую я давно, и всегда благодарность человека, поставленного мной на ноги, трогала меня. Но теперь, за годы войны слова благодарности, которые мне приходится слышать от бойцов, вол-

*Майор медицинской службы
Александр Павлович.*

ную вдвойне. Именно на войне я особенно остро почувствовал всю силу своего искусства и, пожалуй, гордость за свою профессию врача-хирурга. Чем непосредственнее и проще выражается эта благодарность, тем дороже она для меня.

Конечно, мы заговорили об Арктике. Вспомнили нашу зимовку на Нордзике в 1934 году. Как-то Павловича вызвали в тундру на Попигай. Примчавшийся на четверке оленей долганин сообщил, что у него от родов «джяктар помрал» — умирает жена. Это было в конце ноября. Уже началась полярная ночь. Сильно пуржило. Двести километров хирург и долганин промчали за несколько часов, останавливаясь в пути только для того, чтобы сменить оленей. Десять лет прошло с тех пор, но доктор до мельчайших подробностей помнил этот визит.

Роженица Клавдия Поротова, жена ямщика Захара, сидела в курном шестовом чуме на оленьих шкурах. Обеими руками она держалась за перекладину, специально для этого приспособленную, у нее над головой. Шкурка свежееубитого зайца-ушкана, привязанная к шесту, должна была, по поверью, облегчить ее родовые муки. Тут же над чадным костром сидели две древних старухи, бормоча какие-то заклинания.

Чум, где идут роды, недоступен для мужчин: он считается «нечистым». Поэтому появление хирурга было встречено старухами, как нечто сверхестественное. Они усилили свои пришептывания, отгоняя «нечистых духов». Не обращая на них внимания, Павлович занялся роженицей. Прежде всего он потребовал, чтобы в нартяном чуме вымыли пол. Затем он приказал перенести туда женщину. Старухи шумно протестовали — напрасно.

Роды оказались очень трудными. Ребенок шел неправильно. Молодая, впервые рожавшая, мать уже не имела сил кричать и только изредка глухо стонала, обливаясь холодным потом.

Несколько часов шла борьба за жизнь матери и ребенка. Были минуты; когда Павловичу казалось, что единственный исход — это кесарево сечение. Страшная операция! Она означала спасение матери и гибель ребенка. А он должен был спасти обоих. И спас.

Когда, наконец, новорожденный мальчуган, запеленутый в марлю и поверх нее в оленьи шкуры (тут уж Павлович

не стал спорить со старухами), мирно засопел рядом с измученной матерью, доктор вышел из душевного балка.

Пурга давно улеглась. Полуденная заря, охватив край небосклона, заливала пурпуром заснеженные льды, стада оленей, спокойно копытивших наст, золотила ровный дымок, клубившийся из трубы балка. Кругом стояла тишина, мирная, наполненная мудрым спокойствием жизни. тишина.

— Вот тогда я и задумался: кого же я спас? Кем будет этот новый житель, юный хозяин нашей страны? Оленеводом, искусным охотником, как его отец и деды, ученым, врачом, поэтом, государственным деятелем, знаменитым музыкантом? Разглядывая взволнованное и сразу зарозовевшее лицо молодой матери, молчаливую радость отца, я испытал тогда чувство полного удовлетворения, гордости за свою профессию. Счастье простых сердцем, честных людей невольно передавалось мне, и я тоже был счастлив...

Майор замолчал. Папироса давно была выкурена, но он продолжал мять окурки в руках. Лучи заходящего солнца с трудом пробивались сквозь густую листву. В аллее стало темно. С переднего края доносился гул канонады: наша артиллерия методически «обрабатывала» немецкие позиции. По аллее прошли две монашенки-кармелитки. Их белоснежные, тугонакрахмаленные косынки, с торчащими в стороны углами напоминали сказочных птиц. Монахини несли в руках корзины с фруктами: дар раненым советским воинам.

— И вот сегодня здесь, в Польше, я испытал то же самое чувство, что и тогда, десять лет назад, на Пспигае.— продолжал майор, когда тени монашенок скрылись за деревьями. — Вот прочти это письмо.

Павлович вынул из кармана гимнастерки треугольничек письма и протянул его мне. На обороте старой накладной крупными неровными буквами было написано:

«Добрый день или добрый вечер! Здравствуйте, многоуважаемый доктор Павлович! Спешу передать Вам свой низкий поклон и пожелания наилучших успехов в Вашей напряженной работе. Во-первых, я хочу сообщить Вам: здешний доктор сказал, что раны мои подживают и скоро меня выпишут из госпиталя. Я опять поеду на фронт косить из своего «максима» фашистских гадин до полной победы.

Ко мне приезжала жена с сыном. Вырос мой сынок — отца догоняет. Я рассказал им, как спасли Вы меня, дорогой доктор. Они и говорят: отпиши доктору Павловичу, поклонись, поблагодари его от нас. Мы никогда не забудем наше-

го благодетеля, за его здоровье всегда будем молиться. А кончится война, приезжайте, дорогой наш доктор, к нам на Тамбовщину. Будете Вы у нас вместо самого дорогого брата и отца. И накажу я детям и внукам своим любить и уважать Вас, доктор, товарищ майор Павлович.

До свиданья, дорогой доктор. Я никогда не забуду про Вас.

К сему рядовой: **Степан Мусихин**».

Степан Мусихин! Отважный пулеметчик, прославившийся своим бесстрашием, участник боев за Сталинград, кавалер орденов Отечественной войны и Славы. Я знал, как спас его Павлович. В свое время об этой блестящей операции писала наша красноармейская газета, да и сам Павлович докладывал на конференции военных врачей.

Степана Мусихина привезли в госпиталь в безнадежном состоянии. Осколочное ранение правого плеча вызвало тяжелую форму газовой гангрены. Ткани тела разлагались, «плавилась» буквально на глазах, превращаясь в страшную массу шоколадного цвета. Предотвратить дальнейшее разложение тканей могла только немедленная операция. Но Мусихин был настолько слаб, что врачи не без основания сомневались в ее благоприятном исходе. Раненый лежал на операционном столе посиневший, обескровленный и безучастный. Жизнь еле теплилась в его гигантском теле. Надо было рисковать, действовать смело и решительно, дорожа каждой секундой.

Операция проходила под глубоким наркозом. Оперировал Павлович. Уверенными, точными взмахами он рассекал очаг гангрены. Инфекция успела проникнуть далеко по телу. И все же Павловичу удалось предотвратить ее дальнейшее распространение. Одновременно Мусихину сделали переливание крови. Чудодейственное это средство! У раненого исчезла мертвенная бледность. Он задышал ровнее. Искусство хирурга и кровь неизвестных советских патриотов возвратили солдата к жизни.

Это были дни напряженных наступательных боев. Госпиталь почти ежедневно менял свое место. А состояние Мусихина требовало абсолютного покоя. Для него устроили крытую и утепленную повозку. Павлович ежедневно составлял для него специальное меню, инструктировал повара, присутствовал при всех процедурах.

Четырнадцать суток длилась борьба за жизнь. Медики умеют заметить признаки, безошибочно говорящие о том,

что в ходе болезни наступил перелом. Признаком возвращения к жизни у Мусихина была его просьба закурить. Узнав об этом, Павлович принес солдату заветную коробку «Казбека» и сказал:

— Ну, Степан, молодец! Мы с тобой, считай, победили.

Уверенность лечащего всегда укрепляет у больного незримую, моральную силу. А эта сила целительнее лекарств. Слова Павловича приободрили Мусихина. Спустя месяц он уже садился, а к исходу второго месяца стал самостоятельно передвигаться. Для дальнейшего лечения его направили в тыловую госпиталь. И вот теперь, окончательно выздоровевший, окрепший, он писал благодарственное письмо своему «дорогому доктору».

— Знаешь, — задумчиво сказал Павлович, — а ведь Мусихина ранили в бою за Кременец. Я родился в этом городе. Мы попрощались: Павловича ждали в операционной.

Так дороги фронтовой судьбы свели меня на несколько минут с Александром Игнатьевичем — товарищем по давней полярной зимовке. Воспитанник медицинского факультета Московского университета, он пришел в Арктику еще 10 лет назад, когда советские люди только начинали прибирать к своим рукам богатства северных недр. Работая в Нордвикской геологоразведочной экспедиции, своим трудолюбием, внимательной заботой о каждом человеке он завоевал любовь и уважение всего коллектива. Помню, однажды, во время разгрузки «Русанова» на Урюнг-Тумусе обвалившиеся бочки переломили ногу геологу экспедиции Л. П. Смирнову. Доктор оперировал пострадавшего. Наспех отстроенный барак был, конечно, мало подходящим помещением для сложной операции. Но доктор действовал так, словно он находился в какой-либо великолепной столичной клинике. Уверенность в успехе ни на минуту не покидала его. Геолог вскоре выздоровел.

Не было такой мелочи в жизни полярников, которая проходила бы без внимания Павловича. Он следил за соблюдением правил личной гигиены, за приготовлением пищи, учил поваров готовить вкусные и сытные блюда. О его смелых операциях знали не только среди полярников, но по всей Анабарско-Хатангской тундре. Часто за советом к доктору приезжали кочевники из самых далеких белехов. И Павло

вич не упускал случая выехать на стойбища и станки, чтобы помочь местному населению.

С первых дней Отечественной войны Павлович (сначала капитан, а затем майор медицинской службы) на фронте. В июле 1942 года он был назначен ведущим хирургом полевого подвижного госпиталя. Воронеж—Курск—Рыльск—Киев—Житомир—Тарнополь—Львов и далее на запад—таков боевой путь, который в составе одного из соединений 1-го Украинского фронта прошел госпиталь Павловича.

Случай с Мусихиным не единичен. Много прекрасных бойцов и офицеров вернулось в строй благодаря искусству Павловича. Все свои знания, талант и силы отдает он благородному делу спасения жизни защитников нашей отчизны.

В декабре 1943 года, во время боев под Житомиром, немцы пытались сбросить наши части в Днепр. Они приняли свирепое контрнаступление, собрав на узком участке фронта мощный танковый кулак. Гитлеровцам удалось несколько вклиниться в нашу оборону. Госпиталь Павловича находился тогда в полуразрушенных корпусах небольшого завода. Был получен приказ об эвакуации госпиталя. Но вражеская артиллерия и авиация уже уничтожили мост через реку, соединявший завод с городом. Немецкие танки находились всего лишь в нескольких сотнях метров от завода. Не решаясь выйти на открытое место, где их методически расстреливали наши артиллеристы и бронебойщики, фашистские танки били по заводу. Пренебрегая опасностью, под прицельным огнем врага персонал госпиталя эвакуировал раненых через реку. Павлович рука об руку с начальником госпиталя проводил эвакуацию. Обычное спокойствие и рассудительность не изменяли ему. Он последним перешел реку, когда все раненые и больные были переправлены в безопасное место. Вскоре после этого за самоотверженное выполнение своего воинского долга майор А. И. Павлович был награжден орденом Красной Звезды.

Так служит Отчеству знатный полярник, искусный военный хирург Александр Игнатьевич Павлович.

РАДИСТ АНАТОЛИЙ ШМАРИНОВ

В УБЕКО¹ Белого и Баренцова морей начал свою трудовую жизнь комсомолец Толя Шмаринов. Был 1932 год. Шмаринову шел двадцать первый.

— Нового радиста взяли. Желторотый! — говорили в Управлении.

Слишком юный на вид, невысокого роста, Толя не внушал особого доверия. Однако Шмаринов безупречно нес свою вахту. Связывался с судами, своевременно вылавливал в эфире тревожные «SOS» с терпящих бедствие кораблей.

Плавая на судах, он поддерживал связь с землей, помогал определяться в самых сложных положениях. Радиосвязь всегда работала у него безотказно.

В октябре того же 1932 года Анатолия Шмаринова отправили старшим радиотехником на полярную станцию мыса Желания.

Это была его первая зимовка, экзамен на самостоятельность и зрелость.

Посоветоваться было не с кем. Помощь получить не от кого. Все приходилось решать самому.

Но рация мыса Желания не подводила. Четко отвечала она на вызовы проходящих мимо судов, передавала «погсду», связывала Новую Землю с далекими соседями и с Большой Землей.

Со временем вырабатывалась у Шмаринова своя споровка и свой «почерк». Его уже узнавали и на проходящих кораблях и на соседних полярных станциях. Недавние сомнения и страхи отошли в прошлое. Напряженная вахта на полярной станции была и экзаменом для него и школой. Юноша мужал. Крепла в нем твердая уверенность в своих силах.

Первая зимовка прошла, как говорится, без сучка и задоринки.

После возвращения на материк Анатолий работал на строительстве Радиоцентра Главсевморпути.

В мае 1934 года он опять уехал в Арктику на Медвежий острова. Снова после шумной, многолюдной Москвы суровое одиночество, кажущаяся оторванность от всего мира.

¹ УБЕКО — Управление по обеспечению безопасности судоходства на море. Ведает гидрографическими работами и ограждением.

Капитан Анатолий Шмаринов.

Но не было у него чувства, что затерялся он, как песчинка, в необъятных просторах Арктики.

Надежные нити находились в руках у радиста. Большая Земля была и далеко и близко. Она была где-то за тысячи миль от островов Медвежьих. Она была здесь, рядом в комнате. По радио она передавала свои последние сообщения, сводки, новости.

Да и кругом по всей Арктике жили замечательные люди.

На острове Уединения Капитохин издавал «Арктические радиоизвестия». На острове Домашнем работал старейший полярник Кренкель, с ним можно было посоветоваться по всем на-

сущным вопросам, получить необходимую помощь и совет.

Шмаринов экспериментировал, осваивал новейшую радиоаппаратуру, подыскивал лучшие волны для настройки, возился с короткими волнами для связи с самыми отдаленными полярными станциями. Словом, работы было по горло, хоть отбавляй.

Незаметно пролетел год жизни на островах Медвежьих. Потолкавшись немного в приятных своей теснотой московских улицах, Анатолий снова получил назначение в Арктику — на Чукотку, в бухту Лаврентия.

Далекий путь, дальняя дорога. Но теперь он отправлялся к месту работы не один. Сопровождала его жена. Она ехала на Чукотку работать медицинской сестрой.

Пологий песчаный берег. Отличная, удобная бухта. Десяток серых бревенчатых строений: склады, жилые и служебные помещения. Главное среди них — радиостанция. Дни и ночи проводит на ней Анатолий Шмаринов.

— Не скукаешь, Толя? — спрашивали его товарищи.

— Скучать некогда. Работы хватает.

А потом и вовсе захлестнула его волна большой человеческой радости, о которой хотелось оповестить весь мир и на коротких и на длинных волнах:

У радиста бухты Лаврентия родился сын.

Возвращаясь с дежурства, Шмаринов часто думал о будущем сына. Вот он вырастет, пойдет учиться, работать. А в анкетах на вопрос «место рождения» будет писать: «Чукотка. Бухта Лаврентия». Далекая полярная зимовка стала для Шмаринова счастливейшим местом в мире.

Недолго радовался молодой отец. Хороша Чукотка, прямо сказать — чудесная земля, но для человека пятимесячного возраста она оказалась слишком суровой. Врачи посоветовали матери с ребенком выехать на Большую Землю.

В бухту приходили корабли. Залетали самолеты. Приезжали и уезжали полярники. Словом, жизнь шла обычным чередом. Неустанно работала радиостанция. Только Шмаринова часто теперь тянуло на материк, в родную Москву. Скучал молодой радист по жене и особенно по сыну.

В 1938 году Анатолий Шмаринов вернулся с Чукотки. Его назначили старшим радиотехником в Радиоцентр Главсевморпути. С 1939 года он стал начальником смены.

Вячеслав подрастал. Отец не собирался с ним расставаться. Он ждал, пока сын совсем возмужает, чтобы уехать в Арктику вместе с ним. Но... грянула война. Комсомолец Анатолий Шмаринов 7 июля 1941 года вступил добровольцем в Красную Армию. Вскоре он попросился в отряд, уходивший в тыл к немецким захватчикам.

Получив согласие, Шмаринов явился к командиру отряда Медведеву.

— Шмаринов Анатолий Аристархович прибыл в ваше распоряжение.

— Хорошо, — коротко ответил Медведев. — Член партии?

— Комсомолец с 1925 года.

— Профессия?

— Полярник-радист.

— Очень хорошо, — обрадовался Медведев.

В знак особого расположения он тут же перешел на «ты» с молодым бойцом.

Командир и боец-радист крепко пожали друг другу руки.

«Теперь я повоюю с фрицами», — мечтал радист.

В сентябре отряд Медведева, состоявший из 30 человек, пересек линию фронта в районе Жуковки, Брянской обла-

сти. На вооружении отряда были винтовки, автоматы и гранаты, небольшие запасы продовольствия и боеприпасов.

Анатолий был нагружен больше других. Отобранная в поход радиоаппаратура весила около 50 килограммов. За каждый болтик и винтик Толя дрожал. Каждую гаечку берег, как сокровище. Если бы хватило сил, он сам, на своих плечах тащил бы всю радиоустановку. По распоряжению командира отряда, ему поочередно помогали бойцы. Однако наиболее хрупкие и ценные части Толя всегда нес на себе, боясь их доверить кому бы то ни было.

Как же ему тогда, в сентябре было жарко! И с каким блаженством потом, в декабре—январе, он вспоминал об этих днях. Чутчку бы тепла от них, тех счастливых дней. Чутчку, самую малость. Согреть хотя бы пальцы рук, чтобы они послушнее работали.

Отряд двигался по родной земле, захваченной фашистскими разбойниками. Густые брянские леса бережно охраняли отважных бойцов, скрывали их от врага. Те же леса кормили ягодами, почками с липы.

— Легкая пища, самая походная, — подшучивал Анатолий.

Отряд уже несколько раз встречался с врагом. На большешке разгромили немцев, уничтожили саперный батальон, взорвали два эшелона. Увы, во всех этих операциях Анатолий Шмаринов не принимал непосредственного участия.

— Что это, точно я богом обиженный, Дмитрий Николаевич, — жаловался он командиру. — Смеетесь вы надо мной, что ли! За каким чортом я в отряде, если меня не допускают драться с немцами?

На жалобы и просьбы командир отряда неизменно отвечал:

— Для меня потерять тебя все равно, что лишиться головы. Заруби это себе на носу. Разве я могу рисковать? Я должен тебя беречь больше, чем самого себя. Меня заменят, а тебя — некому.

Шмаринов это прекрасно понимал. И все же досада не проходила. Порою он ненавидел свою рацию, к которой был прикован, как каторжник к тачке: «Чтоб она сгорела, окаянная!».

Однако «окаянная», благодаря его же заботе, работала безотказно. В точно установленные сроки радист связывался с фронтом: принимал приказы и распоряжения, передавал командованию сведения, информировал о действиях отряда, о положении в немецком тылу. Регулярно он записывал сводки Совинформбюро. Они размножались в отряде

и распространялись среди населения. Точные, скупые сообщения Совинформбюро разоблачали немецкие провокации об уничтожении Красной Армии, о взятии Ленинграда, Москвы и тому подобном.

Напряженная работа почти не оставляла радисту времени для отдыха. Одни только глаза ярко горели на смуглом, исхудавшем лице Шмаринова.

Связь не всегда ладилась. Тогда Анатолий нервничал. Сосредоточенно и угрюмо он передвигал рычажки, подкручивал болтики, настраиваясь на условленную волну. Время, установленное для разговоров с фронтом, быстро истекало, а в приемнике слышались посторонние шумы, свист, хрип и чорт знает что — какофония бессмысленных звуков. Шмаринов со злостью сбрасывал с радиции иглы хвои, точно вся беда была в них.

Хмуро и сдержанно ждал командир отряда: «Анатолий не подведет». И верно. Сквозь свист, треск и хрипы он вылавливал позывные фронта.

По блеску глаз командир понимал, что все в порядке. Он молча передавал Анатолию шифровку.

Шелестели опадавшие с деревьев почерневшие листья. Шуршала хвоя. Лес стоял угрюмый и строгий. Партизаны раскладывали костры. Обогревались, кипятили воду, готовили ужин. Выставляли посты и секреты. Уходили на разведку. Сражались. Отдыхали. Только Шмаринов не отходил от своей радиции.

Поздно вечером, с трудом раскрывая слипавшиеся от усталости глаза, командир отряда всегда видел сгорбившуюся над приемником фигуру радиста.

«Родной мой, — с нежностью думал он. — Чем же мне отблагодарить тебя за работу? Беречь тебя, чтобы ни один волос не упал с твоей головы»...

Медведев уже спал, когда Толя пересказывал бойцам известия, принятые по радио. Он не знал усталости, и за это в отряде его горячо любили. К тому же, он всегда готов был прийти на помощь товарищу.

Однажды провинился редактор отрядной газеты «За Родину». Он не выпустил вовремя очередной номер. В наказание командир отряда приказал ему пересчитать захваченные у немцев советские деньги, целый мешок. Редактор взвыл. С остервенением он сортировал и подсчитывал рубли, пятерки, десятки. Два-три наряда вне очереди представлялись ему блаженством по сравнению с этой нудной работой.

— Ребята, сжальтесь, — умолял он бойцов. — Помогите кто-нибудь. Или у вас нет сердца? Не видите — человек погибает?

— Ты смеешься? — добродушно отзывались бойцы. — Тут всего на неделю работы... Считаю, редактор. Деньги счет любят.

Шмаринов, освободившись от своих дел, пришел к нему.

— Давай помогу. Выкладывай свои ассигнации.

— Да вот они.

Бог ты мой! Полный мешок!

Мелких купюр оказалось на 600 тысяч. Было от чего стонать!

Отзывчивый наредкость Анатолий помогал товарищам во всех случаях жизни. И они его очень любили. Любили и за отзывчивость и за то, что он «радист, каких мало».

Яркие блестели звезды на черном, как бархат, небе. Спал отряд. Лес стоял суровый в ночи, задумчивый. Проснулся Медведев. Вскочил с земли: надо проверить посты и заставы. Проходя мимо радиста, спавшего вместе с начальником штаба, он осторожно прикрыл обоих своим плащом: осенние ночи становились все более холодными.

К 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции Шмаринов устроил отряду необыкновенный подарок. Он раздобыл где-то динамик и усилитель. 7 ноября утром в далеком от столицы лесу отряд взволнованно, затаив дыхание, слушал Красную площадь и речь вождя, речь великого Сталина. Слышимость была прекрасной.

Все в отряде берегли радиста. Только он сам не берег себя. Зима 1941/42 года выдалась суровой, лютой. Морозы стояли трескучие. Анатолию приходилось сплошь и рядом работать под открытым небом, в лесу, на морозе. Металлические части приемника обжигали пальцы. Порой совсем невмоготу становилось. И тогда на мгновение он приостанавливал прием или передачу.

— Погодите немного, — выстукивал он, — дайте отогреть пальцы, не слушаются, окаянные.

— Как только ты работаешь? — поражались выносливости радиста бойцы.

— Привычка, — коротко отвечал Шмаринов. — Арктическая выучка. Я выносливый...

Однажды Шмаринов все же раз мечтался вслух:

— Побывать бы хоть часок в теплом помещении. Кажется,

На счету партизана Чернявского три вражеских эшелона и десятки уничтоженных гитлеровцев (к стр. 100).

Сквозь свист, треск и хрипы радист Шаринов вылавливал из эфира позывные фронта (к стр. III).

все отдал бы, чтобы переспать ночь на печке. Ста рублей не жалко.

И случилось так, что в ту же ночь Медведев устроил отряду чудесный отдых: привел его в село и разместил по избам.

— Лезь на печь, Толя, — прежде всего позаботился он о радисте. — Блаженствуй.

Шмаринов забрался на теплую просторную печь и уснул, как убитый.

Часа через два его разбудили.

— Гони сто рублей, Толя! — с напускной суровостью потребовал Медведев.

— Какие сто рублей? — удивился радист.

— Обещанные за ночь спанья на печке.

— Точно, товарищ командир. Только сто рублей я обещал за всю ночь, а спал всего два часа. Значит, с меня причитается ровно 25 рублей. Пожалуйста, получите.

Чувствуя постоянно заботу командира, любовь и уважение товарищей, Шмаринов хорошо понимал, как ценил отряд его работу. И все-таки он не был до конца доволен. Никак не доводилось ему встретиться лицом к лицу с немцами. Его упорно не допускали испытать счастье боя. Но однажды...

Отряд отдыхал на хуторе. Немцев не было. Население кормило бойцов и наделяло их продуктами. Радиста наряду с другими одарили яйцами, сваренными всмятку. Толя набил ими полные карманы. Отряд уже собирался уйти из хутора. Толя зашел в один из сараев разыскать нужную ему проволоку. Вдруг он услышал шум автомашины. Выглянул — немцы. А вокруг — никого из своих.

Как только машина поравнялась с сараем, радист, не раздумывая, выскочил ей навстречу и разрядил обойму своего пистолета «ТТ». Восемь звонких выстрелов рассекли воздух. Грузно осели в кузове два немца.

«Еще четверо остались, — сосчитал радист. — Побольше бы их на мою долю. Ведь это за сколько времени!».

С лихорадочной поспешностью он сунул руку в карман за новой обоймой. Рука окунулась во что-то мокрое и липкое. «Кровь», — испуганно подумал радист, выхватывая из кармана мокрую руку.

— Тыфу ты, чорт!

Вся обойма была в яичном желтке от разбившихся в кармане яиц.

Немцы отстреливались, прячась за борт кузова. Подо-

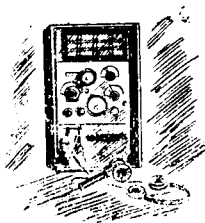
спевшие на выстрелы радиста два бойца помогли ему прикончить фрицев. Партизаны подожгли машину и ушли из хутора. Анатолий торжествовал. Наконец-то и он открыл свой счет мести.

И еще раз вплотную столкнулся с врагом Шмаринов. Большая группа немцев окружила разросшийся к тому времени отряд Медведева. Немцы вышли из лесу оврагом, рассчитывая захватить партизан врасплох. Это были каратели, эсэсовцы. Они шли в черных шинелях, пьяные. Медведев решил принять бой. Но предварительно радиста, человек двадцать бойцов и раненых он отправил в другой, запасный лагерь. В лесу они заблудились.

— Бойцы, — крикнул Шмаринов. — Слушайте мою команду. Нам приказано идти в восточном направлении, а мы идем на запад. Я определяюсь по компасу.

Он принял на себя командование отрядом и повел его. По пути они столкнулись с небольшой группой немцев, рассеяли их и вскоре соединились с отрядом Медведева.

За доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецких захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 февраля 1942 года Анатолий Аристархович Шмаринов, радист N-ского отряда, награжден орденом Красного Знамени.

ГВАРДИИ ЛЕЙТЕНАНТ КАЛАШНИКОВА

ЖИЗНЬ этой стройной ясноглазой девушки с простым и открытым русским лицом началась на небольшой мирной станции Оскол в Курской области. Отец ее 28 лет работал железнодорожником. Мать умерла, когда Анне было 2 года. Пятерых ребят воспитывала мачеха. Спустя несколько лет умер отец. Жилось трудно. Даже семилетку Калашниковой окончить не уда-

лось. Она пошла служить делопроизводителем-машинисткой в райисполком, затем в райком и окружном комсомоле. Судьба забросила ее в Мурманск. После размеренной жизни в тихом железнодорожном поселке несколько необычным показался этот большой и шумный северный портовый город. Но работа в Политотделе Севморпути ничем не отличалась от того, что она уже привыкла делать в других советских и партийных учреждениях. Только в белые летние ночи она подолгу гуляла: очень трудно было заставить себя спать, когда солнце светит, как днем.

На работе Калашникова любили. Ее не раз премировали, а в конце 1940 года послали учиться на 6-месячные курсы Политуправления.

Неожиданной радостью оказалась поездка в Крым, на отдых после окончания курсов. Аня впервые за свою небольшую жизнь отдыхала привольно и беззаботно. Широкие просторы теплого моря, буйство цветов и одуряющих запахов, яркая зелень благодатной природы вначале просто ослепили ее. Потом, освоившись, она со всей страстью молодости стала вбирать в себя все, что могла взять от щедрого крымского солнца. Она боялась что-либо упустить, потерять. Вечером опустевали пляжи. В теплых сумерках у высоких кипарисов, любуясь великолепием заката, она провожала уходящий день спокойная и радостная, зная, что и завтра ничто не омрачит ее.

Тогда пришла весть о войне.

Вернуться в Мурманск Калашникова не смогла. Политуправление вызвало ее в Москву. За стареньким «Ундервудом» в парткоме Главсевморпути она коротала дни.

*Гвардии лейтенант
Анна Калашникова.*

Великие битвы разыгрывались на полях России. Немцы подходили к Москве. Столица ошетилилась дулами зениток, опоясалась кольцами укреплений. На дома и площади Москвы падали бомбы. Баррикады мешков закрывали окна магазинов, и дома стали походить на слепцов. Воскрешая давно отошедшие дни гражданской войны, запестрели на стенах «Окна ТАСС». По ночам, когда по сумрачному осеннему небу Москвы бродили прожекторные лучи и завывание сирен предупреждало о новом налете стервятников, вместе с товарищами Аня уходила дежурить на посты ПВХО.

Москва, сильно опустевшая, жила напряженной, тревожной жизнью. И даже днем, когда работа в парткоме шла обычным порядком, в каждой мелочи ощущалось волнующее напряжение, не покидавшее людей в течение первых дней осады.

14 октября 1941 года в Красногвардейском районе началось формирование батальона народного ополчения имени Кирова. Среди ополченцев была одна женщина — Калашникова. Ее пытались отговорить, доказывали, что война — не женское дело, что при слабом здоровье ей трудно будет переносить тяжести фронтовой жизни. Но Калашникова упрямылась. Она проявила твердость, которая ясно говорила, что человек принял свое решение неспроста, не под влиянием минутного порыва, что она все продумала, все взвесила и ясно осознала, какие испытания ждут ее впереди. Звание коммунистки обязывало ее идти туда, где решалась судьба Москвы и Родины.

На следующий день батальон был переведен на казарменное положение. Ополченцам выдали обмундирование, винтовки и гранаты. Спустя еще один день, в ночь с 16 на 17 октября их направили на рубеж под Волоколамском. Батальон имени Кирова вошел в состав Московской Коммунистической стрелковой дивизии.

События чередовались, одно стремительнее другого. Калашникова не успевала ни освоиться, ни привыкнуть к ним. Очень стесняли зеленые брюки и гимнастерка, сменившие обычное платье. Непосильным грузом казались вначале большие красноармейские сапоги, заменившие туфельки на каблуках. Из-за сапог пришлось менять самую походку. А тут сразу же нужно было идти ночью в караул, стоять одной в осенней темноте, крепко прижимая к себе винтовку и чутко прислушиваясь и к близким шорохам и к

далеким раскатам артиллерийской стрельбы. Было страшно, но хотелось побороть в себе это чувство. Днем долбили промерзшую землю, рыли окопы и противотанковые рвы. Аня старалась и вида не показывать, что ей тяжело. Шутками, смехом она подбадривала других бойцов, хотя сама в это время едва переводила дыхание.

На участке батальона не было ни землянок, ни блиндажей: жили в лесу, в шалашах. Костров не разводили — на огонек издали прилетали немецкие мины. Во время налета «юнкеров» зарывались в снег. Несбыточной мечтой казалась самая возможность поспать раздетыми. От жесткой шинели, которую никогда не снимали, нудно ныли плечи.

Томительно тянулись дни. И вдруг пришла весть о нашем наступлении. Стальная пружина, сжавшаяся до предела, распрямилась. Немцы откатывались, теряя технику, обозы и живую силу.

После разгрома немцев под Москвой Московская Коммунистическая дивизия была переброшена на другой фронт.

Безостановочно двигался воинский эшелон. И когда о близости фронта возвестили зарницы артиллерийских залпов, дивизию выгрузили и построили по подразделениям. Прямо с хода ее бросили в бой за деревню Павлово. Шли лесом, по колено в снегу. Навсегда запомнился этот марш перед первым боем. Ане казалось, что в заснеженной тишине леса гулко отдаются удары ее сердца. Ее подразделению удалось выйти во фланг немцам. Не ожидая артподготовки, пехота, усиленная пулеметами и минометами, внезапным ударом взяла деревню и пошла дальше.

Калашниковой приказали установить связь с соседней деревней Сидорово. Отправилась она в поле с другим бойцом. На дорогу между деревнями просочились немецкие автоматчики. Вступить с ними в бой было бессмысленно. Но о возвращении назад Калашникова и не думала. Приказано было явиться в деревню Сидорово — значит, надо идти. Правда, автоматчики, обстреливавшие дорогу, не были предусмотрены в приказе, но ведь это война, и всего не предусмотреть. Шесть часов ползли связные в глубоком снегу. Дождавшись темноты, они прибыли в деревню Сидорово.

Одно время Калашниковой пришлось работать секретарем в политотделе. Как непохожи были полевые зудящие «зуммеры» с большеротыми трубками на мирный, довоен-

ный телефон! Даже машинка ее, и та получила боевое крещение. На одном из переходов, когда «мессеры» били по штабной колонне, машинку изрядно «контузило». Правда, «раны» этой «участницы» войны быстро залечили.

Хорошо запомнился Калашниковой один из протоколов. Протокол был, как протокол: слушали — постановили. Написанный карандашом, он лежал в ее полевой сумке. Предстояло доставить его в штаб, перепечатать на машинке и приобщить к делам полка.

С переднего края Калашникова пробиралась вместе с одной девушкой-бойцом. Их заметил немецкий самолет. Снизившись, он принялся гоняться за ними по дороге, то и дело выпуская пулеметные очереди. Любители таких безнаказанных удовольствий, фанистские «ассы» не в первый раз преследовали одиночных бойцов, шедших от переднего края.

К счастью, у дороги лежал огромный валун. Тридцать долгих минут, прижимая к себе сумку с документами, Калашникова и ее товарка играли в прятки со смертью. Перебегая и прячась то за одну, то за другую сторону камня, они ясно слышали, как, высекая искры, цокают с гранит немецкие пули.

Вскоре Калашникова была назначена заместителем политрука одной из рот стрелкового полка. Она свылась с постоянными бомбежками, ночными переходами, артиллерийским обстрелом, длившимся иногда по несколько суток. Это было суровое время, когда наша армия еще держалась в активной обороне, и немцы, пользуясь преимуществом в количестве военной техники, рвались вперед. В этих условиях бывали у нас и перебои с питанием: пара сухарей порой составляла весь дневной рацион. Да и места попадались неважные — сырые и болотистые. Нередко брели по пояс в воде. Блиндажи и землянки заливало водой. Выполняя боевые задания, приходилось отлеживаться в болотах, погружаясь в липкую, густую тину. Фронт, как фронт...

Под Цутоками наши части километров на 40 вклинились в немецкое расположение. Здесь немцы особенно неистовствовали. Они пытались отрезать полк с флангов, непрестанно бомбили наши окопы. Уходили самолеты — начинался обстрел.

Постепенно вырабатывалось особое солдатское упорство. К тому же, Калашникова была добровольцем, комму-

нистой, да еще и замполитрука. Ей не пристало даже внешне показывать, как трудно дается солдатская жизнь. К тому же, ей нужно было и других подбадривать. И она подбадривала.

Калашниковой было присвоено звание лейтенанта.

За участие в боях с немцами на Северо-Западном фронте под деревнями Павлово, Бутылкино и Сидорово гвардии лейтенанта А. С. Калашникову наградили медалью «За боевые заслуги».

Шестнадцать месяцев Анна Сергеевна стойко выполняла свой долг воина. Но в конце-концов сказалось ее слабое здоровье. В январе 1943 года она была демобилизована из армии по болезни.

После этого Калашникова вернулась на работу в Политуправление Главсевморпути. Глядя на Калашникову, на открытое, простое лицо, на большой пучок светлорусых волос, которые она не срезала, даже будучи на фронте, трудно представить себе ее боевым командиром, ведущим за собой бойцов. Но вот перед нами ее военная фотография: на гимнастерке командирские знаки различия и гвардейский значок.

Пройдут года. У детей Калашниковой вырастут свои дети. Время смертельной битвы с фашизмом станет одной из страниц далекой истории. Карточка Калашниковой в военной форме с гвардейским значком будет передаваться в семье как реликвия и свидетельство высокого мужества наших людей в тяжчайшие для Родины дни.

ШТУРМАН АККУРАТОВ

ЗА ВРЕМЯ войны Валентину Ивановичу Аккуратову пришлось осваивать самые неожиданные маршруты.

По особому заданию он летал в Америку, причем полет из Москвы до Аляски проходил в труднейших условиях, почти две трети пути штурман вел самолет вслепую. Потом он возил на Карельский фронт боеприпасы, выво-

Майор Валентин Акkuratов.

зил из Ленинграда работников Арктического института. Снова доставлял на фронт боеприпасы, на этот раз на юг — на Кавказ. Забрасывал в немецкий тыл десантников, патрулировал над морем, охраняя английские морские караваны, отслеживал с воздуха немецкие подводные лодки, которые охотились за транспортом наших союзников...

Все эти полеты Акkuratов совершал будучи штурманом полярной авиации Главсевморпути. Потом он добровольцем ушел в Красную Армию и был назначен штурманом в Авиацию дальнего действия.

За 2 года работы в АДД майор Акkuratов имеет на своем счету несколько сот боевых вылетов. Он бомбил военные объекты Кёнигсберга, Данцига, Тильзита, Инстенбурга, Хельсинок, Констанцы и многих других вражеских городов. Обо всех этих вылетах Акkuratов рассказывает в стиле повседневной боевой хроники. Но, слушая его, невольно думаешь: как только он уцелел?

Вот один из эпизодов его боевой жизни. Самолет приближался к немецкому городу. Ночь. Прожекторы бороздят небо. Зенитный огонь достиг высшего напряжения. Вокруг машины огненная буря. Самолет маневрирует, настойчиво пробиваясь к цели.

Редкий случай, «поцелуй» снаряда с бомбой — зенитный снаряд ударил в авиабомбу, только что сброшенную с самолета. Страшный взрыв потряс самолет. Пламя ослепило радиста. Два бензобака из трех пробиты, из них хлещет горячее. Все приборы повреждены и вышли из строя. Света на самолете нет. Акkuratов продолжает сбрасывать бомбы на цель. Отбомбился. Занимает опять штурманское место. Воздушный корабль выходит из огня. Но остался лишь один бензобак с горючим, этого едва хватит для того, чтобы дотянуть до дому при полете в самых что ни на есть нормаль-

ных условиях. Малейшая ошибка во времени равноценна потере машины. А штурман прокладывает для самолета путь ночью, без карты, без ориентиров, без приборов, через вражескую затемненную территорию.

Возвратились благополучно.

Аккуратов объясняет эту удачу весьма просто: мы, полярники, нас Арктика научила летать в сложных условиях.

Свою штурманскую работу в Арктике он начал, не имея звания штурмана. Аккуратов — самоучка. Его специальностью было проектирование воздушных линий. Он работал на линиях Москва—Владивосток, Москва—Архангельск, Москва—Баку, в Средней Азии. Работал и мечтал о профессии авиационного штурмана. Изучал штурманское дело по книгам.

Где-либо в походе на верблюдах в раскаленных солнцем песках Средней Азии, не отрываясь, часами он читал учебники по навигации.

В Арктику Аккуратов попал случайно. Здесь познакомился с полярными летчиками Алексеевым, Антюшевым и Целибеевым. Летал с ними всего часов двадцать на аэрофотосъемках.

Вернувшись в Ленинград и засев за обработку материалов для проекта будущей воздушной линии, Аккуратов вдруг получил телеграмму от М. В. Водопьянова.

Водопьянов приглашал его флагманским штурманом звена, вылетающего из Москвы на Землю Франца-Иосифа для разведки пути будущей полюсной экспедиции.

Аккуратов перечитал телеграмму, удивленно раскрыл глаза.

— Что за чепуха! — решил он. — Меня, очевидно, перепутали с каким-то штурманом... Или просто разыгрывают приятели...

Аккуратов порвал телеграмму и вскоре забыл о ней.

Вдруг звонок по телефону. Говорит Водопьянов.

— Получили телеграмму?

— Да. Но я не понимаю вашего приглашения. Какой же я штурман?

— Ну, ну, не скромничайте, товарищ Аккуратов. Мне о вас все рассказали Алексеев и Антюшев. У вас вполне приличная штурманская подготовка. Вы ее укрепите в работе.

Аккуратов был крайне удивлен таким доверием, но конечно, на предложение о новой работе согласился. Так он стал штурманом полярной авиации.

Перелет на Землю Франца-Иосифа и обратно прошел удачно. Аккуратов быстро проявил себя в штурманском деле. На обратном пути в Москву он впервые предложил лететь под облачностью с использованием астронавигации. Его предложение приняли. Самолет шел под облаками.

Быстро завоевав признание, Аккуратов полетел с Мазуруком в экспедицию на Северный полюс. Попутно он заменял радиста. Потом пошли годы повседневной работы в Арктике. Ледовая разведка с Черевичным, зимовка на Земле Франца-Иосифа, разведка погоды для Чкалова, Громова и Леваневского, вахта на Рудольфе для обеспечения дрейфа Папанина, перелеты Архангельск — Амдерма — Архангельск за одну ночь, перелет с Мазуруком Москва — Чукотка — Москва... Летал полярной ночью в пургу, при плохой видимости, вслепую.

Вот характерный эпизод на одном из этапов великого трансполярного воздушного пути Чукотка—Москва. Самолет шел из Тикси на Хатангу. На борту 25 больных. Погода дьявольская — снегопад. Бензин на исходе. Мазурук вел машину на высоте 500 метров. И вдруг перед глазами летчика и штурмана мелькнула елка. Елка на высоте 500 метров от земли? Что за чорт! Самолет взмыл вверх. Оказалось — встретили горное плато, не помеченное на карте, высотой в 500 метров над тундрой. Взяли бы чуть ниже — и остались бы от самолета одни щепки.

Пытливый ум штурмана всегда стремился к открытиям, к новым интересным обобщениям.

За годы работы в Арктике ему пришлось не раз открывать, а нередко и «закрывать» арктические острова. На Земле Франца-Иосифа, летая с Мазуруком, ему удалось обнаружить одиннадцать не занесенных на карту островков. Зато в море королевы Виктории он «закрыл» острова Эдварда и Гармсуорт, которые в свое время нанес на карту Джексон.

Летели они на помощь ледоколу «Садко». Рассчитывали иметь о. Эдварда и о. Гармсуорт как опорные пункты. До летели. Долго ходили вокруг, но на месте «островов» всюду лежало чистое море. Повидимому, Джексона спутали льды, а может быть какую-то роль сыграли и соображения бюджетного характера. Капитан «Садко» Бурке упорно не хотел поверить в то, что «островов» не существует. Но факт оставался фактом. Летчикам оставалось лишь отправить о закрытии «островов» телеграмму в Академию наук СССР, что они и сделали.

Финская кампания 1939—1940 гг. на некоторое время прервала его работу в Арктике. Но с фронта Аккуратов снова вернулся в среду полярников.

Его увлекает идея Черевичного о штурме полюса недоступности. Во время очередной ледовой разведки на летающей лодке «Н-271», они совершили в этот район сверхплановый вылет. Полет продолжался 22 часа и дал ценнейший научный материал.

О своих наблюдениях штурман докладывал Географическому обществу. В 1941 году в район полюса недоступности Арктический институт организовал научную экспедицию на самолете «Н-169». Наблюдения Аккуратова подтвердились. Географическое общество избирает штурмана своим действительным членом.

Работая на ледовых разведках, Аккуратов настойчиво наблюдал за жизнью льдов и состоянием морских путей. Неоднократно он приходил на помощь ледоколам, указывая им правильный путь во льдах. Кому же это делать, как не летчику? Его колокольня чуть повыше, чем у морского капитана.

В 1938 году ему пришлось быть в районе, где «Ермак» пробивался на помощь к затертому во льдах каравану «Литке». Курс был избран неправильно. Штурман немедленно сообщил ледоколу о его ошибке. «Ермак» изменил курс, согласно радиограмме, и быстро достиг цели. Аккуратов по радио получил благодарность.

В первые годы освоения Севморпути моряки держались поближе к берегу, полагая, что здесь меньше льда. Однако и в те годы многие корабли, выбиравшие более северные варианты, вполне успешно справлялись с заданием, в то время как суда, шедшие обычной прибрежной трассой, нередко бились в тяжелом, 10-балльном льду.

Аккуратов одним из первых задумался над этими фактами.

Помогло обычное стремление к обобщениям, умение обдумывать виденное. У него сложилось твердое убеждение, что Северный морской путь отнюдь нельзя считать «одноколейной дорогой», он имеет множество морских дорог, причем не всегда южные лучше северных. Подкрепленная многими разведчиками, эта мысль позволила найти новые морские трассы для арктической навигации.

Придя в военную авиацию, Аккуратов принес с собой

не только опыт полярного штурмана, но и стремление продолжать научную деятельность применительно к Авиации дальнего действия.

Майор Аккуратов обосновал возможность полетов бомбардировщиков вне видимости земли, в сложных метеорологических условиях. Он настойчиво занимается вопросами пеленгации, определяя, в частности, путем пеленгации местонахождение радиостанций врага и, следовательно, цели для бомбометания.

Работа по пеленгации связана с пристальными наблюдениями, точнейшими расчетами. Аккуратов не только сам пользуется методом пеленгации, но и учит других штурманов своего соединения.

Как опытнейшему штурману Авиации дальнего действия ему поручают «развешивать люстры», т. е. работать осветителем: не только найти цель, но сбросить над ней САБ'ы (светящиеся авиационные бомбы). Это трудная и ответственная работа. Ошибся штурман, неправильно осветил цель — и пошла насмарку работа всей группы самолетов.

Приходилось ему работать и контролером АДД. Это значит — отбомбился, но не уходи обратно, оставайся в районе цели, кружись и наблюдай за правильностью работы других бомбардировщиков, чтобы правильно оценить итоги бомбометания и доложить командованию.

Пять цветных ленточек украшают грудь Аккуратова. Он награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

МАЙОР СЕРГЕЙ ОСИПОВ

В ЖИЗНИ летчика всегда есть даты, которые он вспоминает с особой охотой. Сергею Петровичу Осипову почему-то особенно запомнилась ночь на 1 января 1942 года. Тогда ему впервые за все 15 лет работы летчиком пришлось встречать Новый год в воздухе.

Осипов служил в 72-м гвардейском бомбардировочном полку Северного флота. Летал ночами на Варде, Киркинес и другие пункты. Вечером 31 декабря 1941 года он получил очередное задание бомбить военные объекты Петсамо. Под самолет было подвешено два десятка «новогодних бонбоньерок», отнюдь не елочных, каждая из них весила килограммов сто и больше. В темноте полярной ночи летчик уверенно повел машину к цели. Он отлично знал расположение всех объектов в Петсамо, так как ему уже не раз приходилось навещать этот район. Ночных истребителей врага он так и не встретил. Повидимому,

Майор Сергей Осипов.

немцы и финны предпочли отметить Новый год на земле. Зенитные пушки отрывисто залаяли, когда самолет Осипова уже приблизился к городу. Со всех сторон кроваво-багровыми вспышками повисли разрывы зенитных снарядов. Взвились лучи нескольких прожекторов. «Иллюминация» была столь обычной, что летчик просто не обращал на нее внимания.

В чернильной тьме замаскированного города он отыскал порученные ему цели, и «новогодние бонбоньерки» одна за другой посыпались вниз. Все это происходило в те секунды, когда в свои права вступал новый, 1942 год. В гостинице Петсамо финские и немецкие офицеры поднимали бокалы и провозглашали тосты. Речи были прерваны на полуслове прямым попаданием в гостиницу нескольких «сюрпризов» с самолета Осипова.

Выполнив задание, Осипов развернулся и лег на обратный курс. Он возвращался с несколькими дырками на плоскостях. Но самолет шел уверенно и спокойно. В это вре-

мя бортрадист Косолобов принял радиogramму из Москвы. Он взволнованно доложил Осипову:

— Товарищ капитан!.. Из Москвы... Поздравление от товарища Сталина...

Верховный Главнокомандующий поздравлял всех советских летчиков, находящихся в эти минуты в воздухе, с Новым годом. С Новым годом, с новыми победами! Громкое «ура» разнеслось по кораблю. Оно заглушило шум мотора.

Посадив машину, веселый и довольный Осипов пошел в кают-компанию. Первый бокал он поднял за Сталина.

В летной биографии Осипова наиболее примечательны годы работы в полярной авиации. В Арктику он попал еще в начале 1937 года и за несколько лет освоил многие весьма отдаленные и трудные маршруты. В течение длительного времени пришлось летать по маршруту Иркутск — Тикси — Красноярск — Игарка в качестве линейного пилота. Летал в любых метеорологических условиях.

Осенью 1938 года летчик пережил трагическое происшествие в глухой тайге. Его самолет «МГ-1» — двухмоторная машина на поплавках — шел над средним течением Лены. Вдруг загорелся левый мотор. Пришлось пойти на посадку. Сели благополучно на воду. Пожар на самолете был потушен. Но машина вышла из строя. Надо было сменить один из моторов. На Лене вот-вот ожидался ледостав. С последним подвернувшимся на счастье пароходиком удалось отправить пассажиров и грузы. Конечно, летчик и экипаж тоже могли уехать на этом пароходике. Но они остались. Втроем — Осипов, бортмеханик Огарев и бортрадист Пименов — вытащили машину на берег. Радист передал сообщение об аварии (радиоаппаратура оказалась исправной), и экипаж стал терпеливо ждать, пока придет помощь. Точно проходили дни и недели. Осипов и его товарищи обросли бородами. Охотились за дичью. Кое-какие продукты были в запасе, но не было соли, не было зелени, спирта, пряностей. Подкралась цынга. У бортмеханика Огарева опухли ноги, у Осипова были поражены десны... Когда прилетел летчик Погодин и Осипов откусил кусок свежего белого хлеба, его зубы остались в хлебе.

— Вы не разочаровались после этого в своей профессии? — спросили мы летчика.

Нет, он не разочаровался. Если бы он вернулся к своим

24 годам, он снова пошел бы в Московскую школу летчиков Осоавиахима к Грибовскому, учился бы с Головиным, Червичным, с Сыроквашей, снова летал бы, как тогда, на самых невероятных «гробах», разогревал бы масло для самолетов на плите в квартире Грибовского и надевал бы в полеты, из-за отсутствия сапог, теннисные туфли. А после окончания школы Осипов снова пошел бы в санитарную авиацию Красной Армии, чтобы из самых отдаленных уголков страны вывозить на самолете и спасать от смерти больных и раненых.

— Может быть, я избежал бы только одного — этой аварии в тайге, — шутит Осипов.

С первых дней Великой отечественной войны Сергей Петрович Осипов на боевой летной работе. Он награжден высокими наградами — двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. Вначале Осипов летал на «ТБ-3» в отряде полярного летчика Бузаева, патрулировал над нашими северными водами, охранял их от вторжения подводных лодок врага. Потом перешел на тяжелые бомбардировщики. Ему были поручены перегонка и освоение прибывающих из Америки новых самолетов «Бостон».

Однажды летом 1942 года Осипова ночью разбудил телефонный звонок. Летчику было приказано спешно сформировать экипаж для очень дальнего перелета. Осипов не прочь был «тряхнуть стариной», вспомнить дальние маршруты полярной авиации. Ему поручили ответственный полет на Аляску. Надо ли говорить, что летчик блестяще справился с задачей. Правда, перелет был не легким. Приходилось спешить, и Осипов делал «скачки» на две с лишним тысячи километров без посадки. Он летел: Москва — Омск, Омск — Красноярск, Красноярск — Якутск, Якутск — Сейнчаны, Сейнчаны — Ном. Осипов прилетел в Ном в такую ужасную погоду, что американцы были искренне поражены мастерством русского летчика.

ШТУРМАН МОРСКОЙ АВИАЦИИ ЗВАНЦЕВ

КТО не знает на Севере неутомимого полярника Костю Званцева? Пятнадцатилетним мальчиком он начал плавать в северных водах на рыболовецких шхунах. Его захватило непреодолимое влечение к Северу.

В 1925 году Званцев впервые зимовал в Маре-Сале, на Ямале. Ему тогда едва исполнилось 17 лет.

В 1928 году «Комсомольская Правда» опубликовала письмо Званцева к советской молодежи. Он звал своих сверстников ехать в Арктику, на полярные станции, осваивать великий Северный морской путь. Предложение одобрил Центральный комитет комсомола. Был объявлен набор комсомольской «тысячи».

Костя между тем перебрался на восток. Серьезным испытанием для него была трехлетняя работа на о. Врангеля. Затем — экспедиция на «Сибирякове», работа на полярных станциях Карского моря. В 1937—1938 гг. он организует новую станцию на мысе Стерлегова и возглавляет ее работу как начальник станции. Это была пора больших арктических перелетов. Чкалов, Водопьянов, Молоков, Алексеев, Шевелев, Козлов открывают невиданные транс-полярные трассы. Станция на мысе Стерлегова бесперебойно обслуживает все перелеты.

Заочно Званцев сдает экзамен за курс морского техникума, а затем — накануне Отечественной войны — экзамен на звание штурмана полярной авиации.

Старший лейтенант военно-морской авиации Константин Михайлович Званцев сражается на черноморском театре военных действий. В начале 1944 года он несколько дней пробыл в Москве. Ниже приводится стенографическая запись его рассказа.

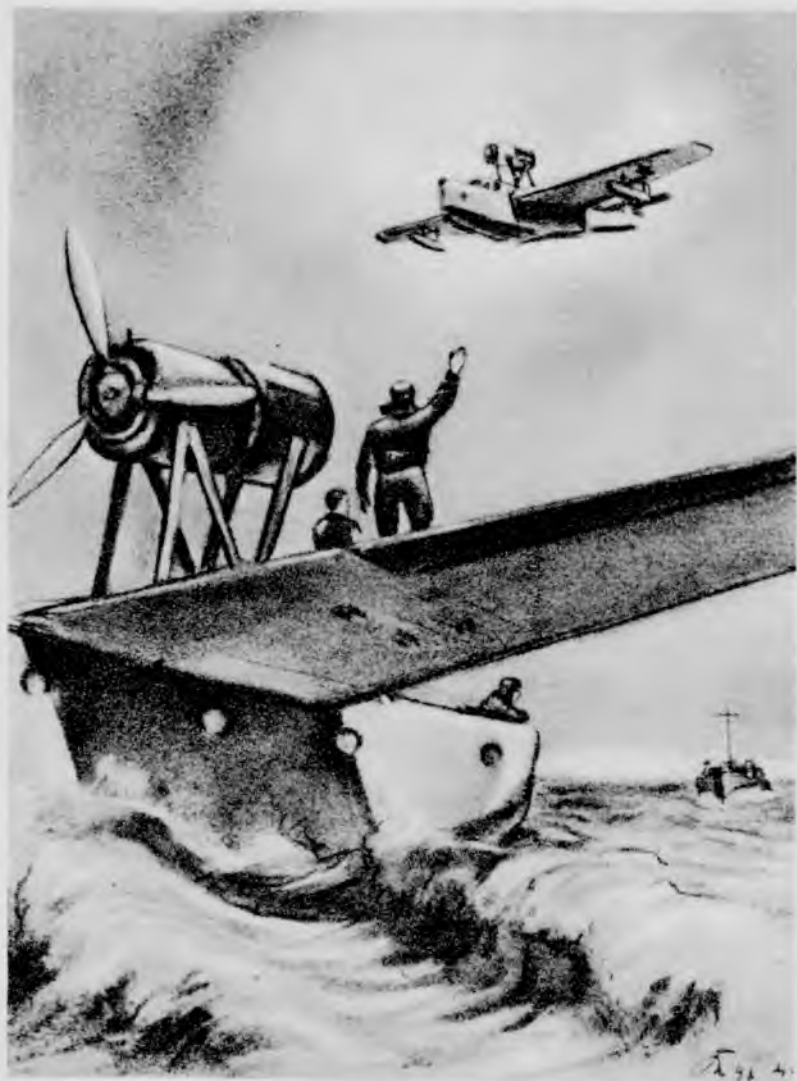
Рассказ старшего лейтенанта Званцева

Много лет, начиная с 1925 года, я скитался по Северу. Редко приходилось работать ниже 70-й широты. После очередной зимовки на реке Индигирке в июне 1941 года я прилетел в Ленинград. Хотелось немного отдохнуть, чтобы, набрав новых сил, опять пойти в Арктику.

Утром 22 июня я и жена мирно беседовали за утренним кофе, решая вопрос, куда поехать на отдых — в Гагры, Хо-

Выполняя боевые задания, Калишникова пробиралась от деревни к деревне (к стр. 117).

— Ну, вот и спасены наши морские души! — воскликнул стрелок-радист. (Из рассказа штурмана Кости Званцева, стр. 140).

сту или Мацесту. По радио передавали концерт из Москвы. Вдруг голос диктора заставил тревожно настроиться: «Внимание, внимание! Слушайте экстренное сообщение»...

Спустя несколько минут мы услышали товарища Молотова. Война! Германские людоеды по-разбойничьи вероломно напали на нашу землю. Немецкие самолеты бомбили Ригу, Каунас. Киев, родной Севастополь. Пролилась первая кровь. Предательский удар болью и гневом отозвался в сердце. Трудно вспомнить мысли, которые в те минуты будоражили мозг. Но одно сразу стало ясным — мой долг идти на фронт.

*Старший лейтенант
Константин Званцев.*

В тот же день я как штурман и лейтенант запаса был зачислен в кадры Военно-Морского Воздушного Флота.

Спустя несколько дней, в канун отправки на фронт, нас, офицеров Морского Воздушного Флота, собрали при штабе. К нам вышел комиссар. По его лицу было видно, что он не смыкал глаз уже не одну ночь. Говорил он кратко, смысла его речи был прост и понятен. Началась великая война! Это не кратковременный эпизод, а тяжелая и длительная война с сильным и хорошо вооруженным врагом. Война не на жизнь — на смерть. Она потребует колоссального напряжения сил всего народа.

Утром репродукторы передавали военные песни и марши. А у нас невольно в тревоге сжимались сердца. И не столько за себя — нет: за Родину, за судьбу тех, кого мы оставляли в тылу.

В памятное третье июльское утро выступал Сталин. Взволнованные, мы поклялись ни крови своей, ни самой жизни не жалеть для дела спасения Родины.

Так я попал на фронт. Не много потребовалось времени

для того, чтобы убедиться, что перед нами сильный, технически оснащенный, грамотный и безжалостный враг. Знаний, накопленных в Арктике, оказалось явно недостаточно. Точно также непригодным для войны было и многое из того, что я приобрел, находясь в запасе армии. Надо было учиться, учиться воевать. Надо было изучать новые методы воздушного боя, новую тактику. Надо было закалять себя уже не в полярных просторах, не в переходах по снежной тундре, не в плаваниях среди льдов, а на поле боя, в жестоких схватках.

Скажу прямо: школа тяжелая. Да это и понятно. Даже полярники, и те до войны были изрядно избалованы и изнежены. Очень смутно мы представляли, что такое современная кровавая и безжалостная война. Поэтому военная буря первое время нас сильно пострепала.

Неожиданно я был отозван с фронта и направлен для прохождения высших курсов усовершенствования морской авиации. Зачислили меня на штурманско-штабное отделение. Честно говоря, мне казалось преступлением учиться, когда мои товарищи воюют. Я категорически отказывался. Но мне приказали. Потом я понял, что ошибался. Учились мы по 16—18 часов в сутки, почти без сна и без отдыха. Эти курсы были необходимой ступенью для того, чтобы научиться побеждать врага, побеждать не количеством, а умением, как говорил Суворов.

В большинстве на курсах обучались севастопольцы, одесситы, ростовчане, новороссийцы, из полярников я один. Вот почему все уверяли, что после учебы меня отправят на Северный флот. Каково же было удивление и огорчение, когда меня, полярника, назначили на Черное море, на самый южный фланг Отечественной войны.

К месту назначения я прибыл в разгар горячих боев. На Керченский полуостров высаживался десант. Шла ожесточенная борьба за крымский плацдарм. Меня назначили в часть морских бомбардировщиков-разведчиков майора Гельвига. Кругом были люди, уже закаленные в боях. За плечами каждый имел не один десяток боевых вылетов. Ко мне отнеслись очень тепло и искренне.

В группе ночных бомбардировщиков я неожиданно встретил М. И. Козлова. Вполне естественно, что я очень обрадовался этой встрече. На бомбардировщике дальнего действия подполковник Козлов летал на Констанцу, Бухарест, Черноводы, Плоешти. Мне, штурману «летучего голландца», как

в шутку окрестили наши дряхлые летающие лодки, приходилось ограничиваться Керчью, Феодосией и другими ближайшими портами. Позднее — в апреле 1942 года — Козлова отзывали на Северный флот.

Я полюбил свою часть и крепко с ней сжился. Летали мы обычно ночью, в сложнейших метеоусловиях, под яростным обстрелом зенитной артиллерии. Подчас делали по несколько вылетов за ночь. Летать приходилось на самолетах с черепашной скоростью и более чем скромными огневыми средствами. А немцы против нас посылали самолеты больших скоростей с мощными, крупнокалиберными пулеметами и пушками. Силы были явно неравными. Но летный состав с изумительным спокойствием и готовностью принимал любое задание. Особенно опасными были дневные маршруты в море, далеко от своих берегов, когда возрастала вероятность встречи с самолетами врага такого типа, как «Хейнкель-111», «Юнкерс-88», «Фокке-Вульф», «ДО-24».

Откровенно говоря, каждый раз перед получением нового задания волнуешься, хотя это мы и скрываем тщательно друг от друга. Полное равновесие приходит сразу же при посадке в самолет. Начинается работа. Внимание напряжено, все без остатка отдано наблюдению за обстановкой, пилотированию, аэронавигационным расчетам.

Иногда мне задают вопрос: страшно ли встречать смерть? Что можно сказать о страхе? В борьбе, в бою страха нет и не может быть. Только трус гибнет без боя, без борьбы за жизнь. О смерти мы мало и редко думаем. Больше думаем о жизни и необходимости жить. Думаем о счастье. Ну, а если и приходится иногда заглянуть в глаза мрачной старухе-смерти, то относишься к этому возможно спокойнее. Стиснет сердце ненависть к врагу, и еще яростнее, еще ожесточеннее ведешь бой. Ну, а ежели вытянул «плохой билет», если исчерпаны все возможности, последним яростным броском наши летчики врезаются в немецкие колонны, корабли, танки. Одна мысль в такие минуты владеет человеком — погибнуть не одному, взять с собою несколько поганных немецких жизней. В этом последнем броске — честь моряка, наша ненависть и месть, жажда жизни и презрение к смерти.

На всю жизнь мне запомнился наш комиссар, моряк-балтиец Василий Сырников. Его именем сейчас названа эскадрилья. Комиссара любила вся эскадрилья. Любили за человеческую теплоту, простое, сердечное отношение и вме-

сте с тем за требовательность, резкую непримиримость к слабости и малодушию, за уважение к труду и подвигу, к героизму. Это был справедливый человек. Четырьмя орденами наградила его страна. К нам он пришел с Балтики, пройдя испытания финской войны.

Однажды майским утром два наших самолета вышли с аэродрома на выполнение боевого задания; на ведущем самолете — комиссар Сырников.

Хорошо раннее майское утро на Черном море. Тихо и ласково голубеет морская даль. Синева неба манит своим простором. В дымке теряется далекий горизонт. Спокойно и ритмично работают моторы. И не верится, что идет война, что самолеты вышли на суровое испытание, что из глубокой синевы неба в любую минуту могут хищным броском накинута «мессеры» или «хейнкель», и тогда тишину и покой майского утра прорежет резкая, как клекот стервятника, очередь пулеметов. И начнется воздушный бой. С выражениями, с заходами. Бой, в котором кто-нибудь должен погибнуть, чей-нибудь самолет должен врезаться, дымя, в воду. Это неизбежно. Иначе редко бывает.

Зоркий глаз комиссара еще издавлек заметил слева по курсу черную точку. Точка росла, приближаясь от неприятельских берегов. Вскоре комиссар различил тип самолета. Своему пилоту, капитану Кумейко он передал по микрофону:

— Встречным курсом слева «Хейнкель-111».

— Есть, вижу, — спокойно ответил Кумейко.

На втором нашем самолете летела необстрелянная молодежь, еще не бывавшая в боях. Для того чтобы обратить их внимание на появление врага, комиссар короткой очередью из пулемета полоснул по направлению «Хейнкеля-111». На ведомом заметили противника и приготовились к бою. Бой был неизбежен. Подойдя ближе, «Хейнкель» лег на боевой курс, пытаясь напасть на ведомого. Ведомый вовремя вышел из-под огня стервятника.

Тогда комиссар решил спасти молодежь. Иначе он и не мог поступить. Самолет Кумейко резко развернулся метрах в десяти от поверхности моря и пошел в лоб на фашиста. Комиссар принял к пулемету. Понеслись яркие трассы коротких очередей. Фашист не выдержал и отвалил. Черная тень его мелькнула на чистой, голубой глади моря. Началась, как у нас говорят, «карусель смерти».

Стрелок-радист перед боем успел дать на базу: «Веду воздушный бой, квадрат такой-то». И слова эти заставили тревожно забиться наши сердца. Мы хорошо знали, что они значат. Земля упорно следила за эфиром. Но эфир молчал. Где-то далеко от базы, у берегов противника наши товарищи вели неравный бой, и всеми мыслями мы были с ними.

Сорок пять минут длился этот бой. Молодые летчики-комсомольцы понимали, что комиссар и Кумейко своей грудью прикрывают их. Они не вышли из боя. Да и кто бы смел подумать о выходе из боя, когда товарищи в опасности! Одна очередь сменялась другой. Грохотала пушка противника. Фашист упорно атаковал. Ведущий все время старался зайти ему в лоб. Вскоре на самолете комиссара был убит стрелок-радист. Казалось, конца нет этой «карусели».

Комиссар один вел бой. Кормовая точка молчала. И вот на какую-то долю секунды самолет комиссара запоздал произвести маневр. Трасса из пушки «Хейнкеля» смертельной гирляндой впиалась в самолет, и ребята с болью увидели, как упал на турель пулемета убитый комиссар. Поник головой и выпустил штурвал из рук летчик Кумейко. Последняя длинная трасса пуль из пулемета комиссара понеслась ослепительной лентой в самолет фашиста: комиссар, умирая, зажал коченеющими пальцами спуск и, мертвый, вел бой.

Пулемет комиссара еще стрелял, хотя самолет уже беспомощно свалился на крыло, затем задымил и упал в море. Взрыв — и все кончено. «Хейнкель», торжествуя победу, в насмешку слегка помахал крыльями вслед упавшему самолету. «Рано торжествуешь», — скрипнув зубами, подумали комсомольцы. «За комиссара, за товарищей!» — крикнул в микрофон молодой летчик младший лейтенант Турапин. Он мгновенно развернул самолет в лоб фашисту и безудержно-смело пошел в атаку.

Штурман Чуенко без передышки бил по «Хейнкелю» и почти сразу уничтожил фашистского штурмана. Носовая точка замолчала. «Хейнкель» отвалил, но затем снова зашел на боевой курс. Стрелок фашиста дал залп и тяжело ранил Чуенко. Собрав последние силы, молодой штурман продолжал вести бой. Он выпустил еще несколько очередей по «Хейнкелю». Летчик Турапин поставил самолет так, чтобы мог стрелять и стрелок-радист комсомолец Дьяченко. Тот одновременно дал очередь. Пули комсомольцев впились в плоскости и моторы «Хейнкеля». Фашист задымил, затем резко клюнул, свалился на крыло и врезался в воду.

Взрыв — и чистые воды Черного моря сомкнулись над грудой исковерканного металла, которая еще секунду назад называлась «Хейнкелем».

Избитая машина Турапина с тяжело раненым штурманом Чуенко благополучно пришла на свою базу. Комсомольцы рассказали, как погиб наш комиссар.

А утро тогда было такое хорошее и тихое — южное майское утро. С легким криком носились чайки, взмахивая белыми крыльями, словно прощальным платком. И не верилось, что нет комиссара, что идет война...

Старая тактика наставлений по воздушному бою, написанных до войны, пошла насмарку. В войне родилась новая тактика, новые методы и приемы воздушного боя. И нередко бой завязывается на высоте 5—10 метров над водой. Опытный летчик почти вплотную прижимается к воде, чтобы не дать фашисту зайти себе под хвост. Подчас кажется: вот-вот чиркнет самолет крылом по воде. Но спасает мастерство пилота. А фашисту боязно спускаться так низко. Рискнет — и того и гляди с большой скорости врежется в воду.

Однажды, когда в долгом и жестоком бою наш самолет расстрелял все патроны, вдруг в лоб фашисту стремительно понесся какой-то яркокрасный горящий шар. Скользя под корпусом, шар исчез за хвостом и рассыпался там тысячами огней. Самолет фашиста судорожно дернулся, мгновенно, но неуклюже, чуть не падая, отвалил и быстро стал удирать. Летчик в изумлении широко раскрыл глаза: что за чудо? Секрет раскрыл смеющийся штурман. Оказывается, в критический момент ему попала под руку заряженная ракетница. Он приставил ее к турелю пулемета и выстрелил. Ракета понеслась на фашиста. Тот, очевидно, принял ракету за новый вид реактивного снаряда, которых, кстати говоря, немцы смертельно боятся. Вот «Хейнкель» и удрал. Этот эпизод частенько со смехом вспоминают на флоте.

В нелетную погоду, когда грохочет норд-ост, знаменитая новороссийская бора, закрепив и спрятав в лесу вытасканные из воды летающие лодки, мы сидим в своих офицерских землянках. Кто слушает радио, кто читает газеты и журналы, готовится к очередным политзанятиям, кто пишет письма. Вой и свист норд-оста напоминают мне далекую Арктику, с которой связано так много хороших воспоминаний. И почему-то в такие дни норд-оста особенно сильно хочется попасть на Север, увидеть полярное сияние—ска-

зочную игру небесных огней, голубоватое сияние снега, который как бы усыпан миллиардами бриллиантов.

Я часто рассказываю на фронте об Арктике. Нужно видеть, с каким напряженным вниманием эти рассказы слушают южане, люди, которым летом холодно в Москве, которые выросли и воспитались на Черном море, и лучше своего Черного моря и роднее ничего не знают и не хотят знать. Им странной кажется привязанность к суровой Арктике, глубокая любовь к полярному труду. И с каким уважением они отзываются о полярниках.

Полярники, сражающиеся в рядах Действующей Армии и Флота, стараются ни в чем не посрамить чести своих товарищей. Многие награждены орденами. Награжден и я вторым орденом. А получилось это так.

В дни, когда немцы бешено рвались к Кавказу и Баку, нашему экипажу было дано боевое задание нанести удар по одному из близлежащих приморских пунктов. Ночью, в 2 часа, наш самолет взлетел из скрытой горами бухты. Подошли к исходному пункту маршрута и легли на курс. Над территорией, занятой противником, нас встретил плотный заградительный огонь. Завесу мы прошли благополучно. Вскоре внизу открылся порт. Зенитная артиллерия замолчала. На земле — ни одного огонька. Луна едва пробивалась в разрывы облаков. На море лунная дорожка. Летчик меня предупредил:

— Костя, следи за воздухом. Тишина подозрительная. Сейчас придут истребители.

Я решил обезопасить себя от удара с воздуха и вызвать огонь с земли: от зенитного огня маневром всегда можно уйти, а от истребителя труднее. Пройдя по кромке бухты и выбрав большое квадратное серое пятно, я сбросил бомбу. Внизу сразу вспыхнул громадный пожар.

— Удачно! — крикнул в микрофон летчик.

У немцев тактика — когда подходишь к цели, они ставят заградительный огонь. Когда приходишь на цель — замолкают и затаиваются. Наш удар вывел их из равновесия. Снова начался яростный зенитный огонь. Я вышел в бухту. Тут на выходе, под луной, проглянувшей из облаков, внизу, на лунной дорожке на воде я ясно увидел транспорт. Упустить его было бы очень обидно. Минута — и, выйдя на цель, я сбросил на транспорт серию бомб. Мелькнул ослепительный взрыв. Яркий пожар осветил поверхность бухты.

Мы видели, как среди горящих обломков метались катера. Транспорт тонул. Задание было выполнено.

На утро разведчики донесли, что потоплен немецкий транспорт с боезапасом и людьми, приготовленный для рейса против «Малой земли». За это я и получил орден.

В декабре 1943 года мне пришлось вместе с летчиками Черного моря обеспечивать с воздуха Керченскую операцию. Командиром экипажа у нас был боевой пилот, капитан Кузнецов, стрелком-радистом — обстрелянный фронтовик старшина Майоров.

Вылетев на задание, мы наблюдали с воздуха, как ведется артиллерийская подготовка. Поистине правы немцы, когда они говорят, что страшнее нашей артиллерии ничего нет. С нашего берега по Керченскому полуострову били дальнобойные орудия и береговая артиллерия. Над территорией врага стояло сплошное море огня, среди которого то и дело вспыхивали яркие звезды разрывов. Немецкие прожекторы тревожно шарили по поверхности пролива, ожидая высадки десанта. И они не ошиблись. Под прикрытием огневой завесы от берега отвалили десантные суда. Немцы били по ним из автоматов, пулеметов, пушек. Нам, ночным морским бомбардировщикам, поручалось висеть над целью, т. е. над прожекторами и батареями передней линии немецкой обороны, и в течение 45 минут методично их бомбить.

Мне пришлось первому лечь на боевой курс. Отбомбился я по батарее противника. Батарея испуганно замолкла. Причины не знаю. Возможно, заставил ее прекратить огонь близкий разрыв бомб. То же самое делали мои товарищи. Но немцы упорно не хотели подпускать десантные суда к берегу. Тогда те из нас, кто израсходовал бомбовый груз, перешли на штурмовку.

Капитан Кузнецов, командир экипажа, в микрофон крикнул мне:

— Смотри, штурман, катер по правому борту.

Я взглянул через правый борт. Ослепительный луч обхватил один из наших катеров. Моряки тщетно пытались вырваться и уйти в темноту.

— Штурмуем, — крикнул я.

Капитан Кузнецов резко повел машину на снижение. Я приготовил пулемет. И когда мы были не более как в 25—30 метрах от земли, хлестнул длинной очередью по прожекторному гнезду. Прожектор погас.

Так все мы, поочередно, бомбили и штурмовали огневые

точки и прожекторы противника, помогая высадке наших бесстрашных героев-десантников.

Только-только мы вернулись на аэродром, как получили новое задание — пойти к мысу Чауда в Феодосийской бухте, разгромить пловучие средства противника, которые могли помешать продолжению высадки десанта. К этому времени морская пехота закрепились на краю Керченского полуострова и начала расширять плацдарм.

Наш самолет пошел в одиночную операцию. Подвесив бомбы, мы вылетели. Ночь была на исходе. Дошли до Чауды. Ничего не обнаружили. Легли курсом норд. Жаль было уходить, ничего не сделав. И вдруг, как говорится, на счастье я заметил какую-то большую площадку. Пригляделся. Оказывается, немецкий аэродром, нам неизвестный. Мелькнул зеленый огонь. Видимо, немцы условным сигналом запрашивали: кто в воздухе? Я решил отрекомендоваться и, выйдя на зеленый огонь, сбросил все имевшиеся у меня бомбы. Почти в то же мгновение в микрофон раздался голос радиста:

— Штурман, за хвостом истребитель.

Действительно, за нашим хвостом в небе уже висела длинная красная трасса. Проклятье! Ощувив противника каким-то шестым чувством, летчик резко скользнул вверх и вышел из обстрела. Истребитель нас потерял в темноте.

На фоне белого облака, освещенного луной, несколько раз под нами промчалась хищная тень врага. Мы легли курсом зюйд, уходя в море. В море немец за нами не пойдет. Не рискнет, так как ограничен горючим. Спустя минут 10 легли курсом на свой аэродром. Прошли мимо Керченского пролива. На территории, занятой противником, виднелись отблески жаркого боя.

Вдруг при подходе к Новороссийску мотор чихнул. Я взглянул в кабину пилота. Командир делал какие-то резкие движения, но мотор не запускался. Лодка пошла на посадку. Погода к этому времени испортилась: разыгрался свежий норд-ост, по морю гуляла сильная волна. Мы сели среди волн впотьмах.

— Где мы? — спросил летчик.

— У мыса Хакко, — ответил я.

— Осмотреть лодку, нет ли течи, — слышалось его приказание.

Течи не было, но нас быстро дрейфовало в открытое море. Положение складывалось не из блестящих. В темноте

над нами в сгущающейся облачности возвращались на базу наши товарищи. А у нас не было горючего — пробитый в нескольких местах бак был совершенно пуст.

До посадки мы не успели даже дать радио, указать квадрат и место посадки. Теперь оставалось ждать счастливого случая. Все усилия были направлены на то, чтобы бороться с ветром и волной, держать самолет на плаву и по возможности предохранять от разрушительных ударов моря.

Прошло несколько часов. Стало светать. День обещал выдаться пасмурным. От синеющего вдали берега с большой скоростью неслись облака. Нас тоже относило все дальше и дальше от родных берегов. Мы понимали, насколько серьезна опасность. В этих квадратах редко кто летает днем. Надеяться приходилось только на какую-либо случайную помощь.

Пока лодка хорошо выдерживала удары волны. Но штурманскую кабину уже сильно залило водой, закрыть ее было нечем. К девяти часам утра потек правый поплавок. Стала погружаться в воду консоль празой плоскости. Потеряв устойчивость, самолет мог опрокинуться и утонуть.

Командир экипажа и я вылезли на левую плоскость. Мы молча лежали там, обдаваемые брызгами холодного декабрьского моря. Радист Майоров снаряжал резиновую шлюпку. Конечно, делал он это только для того, чтобы за работой незаметнее шло время. Ясно, что резиновая шлюпка спасти нас не могла.

И вот, как бывает только в американских кинофильмах с традиционной счастливой развязкой, в 9.15 мы услышали сквозь шум волн звук мотора. В море шел самолет. Трудно передать ощущение, с каким мы всматривались в него. Через несколько мгновений стало ясным, что идет наш разведчик «Бостон». Я сполз с крыла вниз в кабину, достал ракетницу и стал выпускать в небо одну ракету за другой. «Бостон» свернул с курса в нашу сторону. Он подошел, снизился, сделал несколько кругов, помахал крыльями, как бы ободряя нас, и... спокойно лег на свой курс, уходя дальше в море.

— Что же он уходит? — недоумевая, воскликнул радист.

Что мы могли ответить ему? А время шло. Незаметно прошел еще час, другой. Никакой перемены в обстановке. Контуры берега теперь уже совсем раскрылись.

В 11.20 справа на крамбале командир заметил сильный бурун, выделяющийся на фоне волн. Бурун быстро приближался. Через несколько минут обозначился перископ подводной лодки. Не было никакого сомнения, что это немцы.

— К пулеметам! — приказал командир. — Защищаться до последней возможности! Лучше смерть в бою, чем плен.

Лодка начала всплывать. Вот уже показалась ее рубка. Командир лежал на плоскости и отдавал приказания. Стрелок-радист и я застыли у пулеметов. Турели были развернуты доотказа в сторону противника.

Но мы все же родились в рубашке. Внезапно, без какой-либо видимой причины подводная лодка стала погружаться. Скрылась рубка, перископ. Мы были в полнейшем недоумении. Что это значит? Недоумение разъяснилось только когда мы услышали шум нашей родной «эмберушки». По приказанию штаба, который получил наши координаты от «Бостона», на помощь летели наши друзья. Немцы заметили самолет в воздухе раньше нас. Они наверное просто решили, что мы лишь приманка, своего рода козявка на удочке. К тому же, все уставы подводной службы говорят: чей бы самолет ни был замечен в воздухе—немедленно погружайся, не трать время на распознавание флага, время это может оказаться вечностью...

Родная «МБР-2» снизилась и начала кружить над нами. Штурман или радист, высунувшись из кабины, показал нам руку с торчащим кверху большим пальцем.

— Все в порядке. Держитесь, — так раскодировали мы этот безмолвный жест.

И мы стали держаться. Пришла еще одна «МБР-2». Они патрулировали над нами, оберегая от возможной атаки подводных лодок или катеров врага.

К 13 часам ветер сменился. Нас потащило к берегам противника. Мы прошли траверз Анапы, были видны Феодосийские горы. Нас несло к Крыму. В этом районе кишмя-кишели катеры противника, летали их самолеты. Товарищи попрежнему нас охраняли, но теперь с каждой минутой росла опасность встречи с «мессерами». Мы стали махать руками, показывать кресты — уходите, мол, домой. В ответ они низко пронеслись над нами и грозили кулаками, что означало: «бросьте церемонии».

В 15 часов на смену пришел новый самолет «МБР-2». Старые патрульные помахали крыльями и ушли на базу.

Вновь прибывшая «МБР-2» повела себя как-то сразу странно. Вначале мы никак не могли понять, в чем дело. «Эмберушка» то подлетала к нам, то возвращалась к морскому берегу. И так несколько раз. Потом мы поняли: товарищи наводят на нас какое-то морское судно. Мы заклю-

чили пари: кто первым увидит мачты спасателя, тот выигрывает бутылку коньяку. Первым увидел командир.

Прошло еще несколько томительных минут. Нервы были напряжены до крайности. Казалось, что спасатель движется страшно медленно. Наконец обрисовалась ходовая рубка, затем корпус морского охотника.

— Ну вот, спасены наши морские души! — воскликнул стрелок-радист.

— Да, — облегченно вздохнули и мы с командиром. — Спасены.

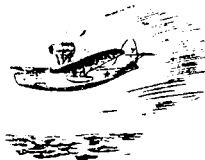
Охотник подошел почти вплотную и развернулся бортом, чтобы обойти нас с подветренной стороны. На борту мы прочли так хорошо знакомую по книгам и волнующую надпись: «Морская дужа»¹.

С катера бросили буксир и спустили шлюпку. Но наша «эмберушка» все еще прекрасно держалась на волне, хотя затопленный поплавок и заставлял ее крениться на правый борт. Для руководства буксировкой на борт катера перешел командир. А мы вдвоем остались. Глубокой ночью, несмотря на усиливающийся норд-ост, катер привел нас в бухту Геленджик. На воде нам пришлось провести 19 часов...

Вот какие приключения бывают в нашей будничной боевой работе.

Морские летчики-эмберисты очень неохотно переходят на другую, более новую и неизмеримо лучше оснащенную материальную часть. Как-то неохота расставаться с нашими «старушками», с которыми мы начали и прошли большую часть войны.

Когда страна вернется к мирной жизни, наши замечательные «эмберушки» в назидание потомству будут храниться в музеях. Пусть знают наши сыны и внуки, что любимую материальную часть люди с горячим сердцем, с большевистской волей могут превратить в страшное и грозное для врага оружие.

¹ Этот катер выстроен на личные средства писателя Леонида Соболева и подарен им Черноморскому флоту. — К. З.

ИВАН БЕЛОЗЕРСКИЙ

ЗА ГОДЫ Отечественной войны немало потерь понесла семья советских полярников. Много наших товарищей погибло на фронтах, в партизанских отрядах. Многих скосила голодная ленинградская зима 1941/42 года.

Ушли от нас прекрасные люди, замечательные товарищи, преданные сыны Советской отчизны.

Один из них — Иван Белозерский.

Там, где Уральские горы через Пай-Хой упираются в Ледовитый океан, на берегу Карского моря далеко за Полярным кругом лет десять назад был найден в больших промышленных количествах плавиковый шпат (флюорит). У берега холодного моря возник и быстро начал расти рудник. Амдерма еще не числилась на карте. В энциклопедиях не найти было упоминаний о ней. Но жизнь, советская жизнь, твердо вступала в свои права и на этой далекой арктической точке.

Люди, которые пришли сюда, вгрызались в вечную мерзлоту. Они мужественно вырывали у северной природы скрытые в ее недрах богатства, строили поселки, надшахтные здания, электростанции, старательно обживали клочок земли, отвоеванный у бескрайней ледяной пустыни.

В 1937 году пароход доставил в Амдерму среднего роста, плотного русоголового человека.

Это был Иван Александрович Белозерский, новый начальник Амдерминского плавиково-шпатового рудоуправления.

На его мужественном лице и сильных руках лежал плотный загар от круглосуточного полярного солнца.

Вскоре его уже знали всюду — и на шахте, и на причалах, откуда отгружался плавик на Большую Землю, и на стройках. Ровный и спокойный, он вселял бодрость духа, уверенность в успехе, воодушевлял людей на то, чтобы они работали еще лучше, с полной отдачей.

В темную полярную ночь, когда солнце вовсе не выходило из-за горизонта, Иван Александрович особенно много времени проводил на рабочих участках. В это время людям больше всего нужно хорошее, ободряющее слово.

Иван Белозерский.

Рудник увеличивал добычу. На-гора поднимались все новые и новые тонны плавика. За короткую арктическую навигацию пароходы уже не успевали вывезти всю добычу.

К Белозерскому за советом и помощью обращался и старый и малый. И все получали ответ. Многие, привыкнув к жизни на Севере, к пурге и морозам, соглашались остаться в Амдерме сверх положенного срока. Иван Александрович помогал им выписывать семьи, поощрял индивидуальное строительство. Уютными домиками-коттеджами обрастали шахтные поселки.

Много внимания Иван Александрович уделял механизации рудника. По его настоянию были завезены компрессоры, отстроена новая электростанция. Он не уставал напоминать, что в Амдерме советские люди создают не временное поселение, а крупнейший промышленный центр.

Трудными были навигационные дни. Пароходы останавливались на открытом рейде в 1—1,5 мили от берега. А кому из полярников не известны капризы Карского моря? Все тихо и вдруг, как гром среди ясного неба, налетает шквал. Бешеный ветер гонит на берег волну за волной, ломает причалы, топит кунгасы. Только безрассудный смельчак в такие дни может думать о продолжении погрузки. И все-таки нельзя же без груза отпускать корабли.

Вот когда особенно необходимы были спокойствие, твердость, воля и уверенность. Корабли уходили штурмовать в открытое море, а люди на берегу прилагали нечеловеческие, поистине титанические усилия, чтобы спасти драгоценные грузы.

Начальник рудоуправления в такие дни не бывал в сво-

ей конторе. Он носился на катере по открытому заливу, распоряжался на берегу, у причалов, первым брался за работу, показывая, как защитить флюорит, первым, как только затихал шторм, начинал погрузку кунгасов и уж, конечно, последним уходил на отдых.

В свободные вечерние часы Белозерский охотно рассказывал о своей жизни. Рассказать ему было что. Если бы записать его биографию, получилась бы увлекательная книга, полная горения и мужества. Это была бы книга о первых боях советской власти с бескультурьем и отсталостью, о первых победах нашей страны на фронтах строительства, книга о том, как росли и мужали первые наши комсомольцы.

Книги этой нет. В сухих строчках анкет и воспоминаниях товарищей сохранились только отдельные вехи большой и прекрасной жизни.

Родился Белозерский в Ленинграде в январе 1904 года в семье счетовода Главных мастерских Западных железных дорог. До 1918 года он учился в Петроградском реальном училище. В начале 1918 года вступил в Коммунистический союз молодежи.

С этого и началась его кипучая жизнь организатора молодежи, пропагандиста, редактора. Вначале в Петрограде, в Нарвском районе, затем на Украине, в Елисаветграде и селах бывшей Херсонской губернии недавний реалист самоотверженно работал по организации и просвещению рабочей и крестьянской молодежи. После немецкой оккупации на Украине свирепствовали многочисленные белогвардейские банды. Не расставаясь с винтовкой, Белозерский вместе с комсомольцами вылавливал бандитов и защищал от разграбления народное добро. Когда пришли деникинцы, он ушел в подполье. Только в конце 1919 года, перейдя линию фронта, он вернулся в Москву.

Центральный Комитет РКСМ направил Белозерского на работу в Вологодскую губернию. Ему было тогда всего лишь 16 лет. Золотая пора юности! Председатель укома РКСМ, затем инструктор губкома, заведующий политпросветотделом губкома РКСМ, секретарь губкома, редактор страницы молодежи в газете «Красный Север», бессменный член губкома РКСМ с первого по четвертый созыв, он не знал ни дня отдыха. Напористый и неутомимый, он всего себя отдавал любимому комсомолу. Так в беспрестанном горении прошло два года.

В марте 1921 года — в трудный и голодный год — его

приняли в РКП(б). Вскоре после этого Центральный комитет РКСМ направил Белозерского своим представителем на транспорт в Цектран. И опять, на новой работе неугасимым огнем горит его сердце. На Кубани, куда он выехал в командировку, рьяно берется за создание продотрядов. На Московско-Белорусско-Балтийской дороге организует профтехшколы и школы ФЗУ. Ему уже 19 лет. Критически оглядывая пройденный путь, он видит — ему нехватает знаний. И, урывая часы, он посещает лекции в Московском университете, занимается самообразованием.

Но получить высшее образование ему так и не удалось. В начале 1924 года ЦК РКСМ и политсекретариат НКПС посылают Белозерского представителем комсомола на Средне-Азиатскую ж. д. (вначале в Ташкент, затем в Ашхабад). Отныне на несколько лет судьба связывает его со Средней Азией. В период национального размежевания Туркменская областная конференция комсомола передает его на партийную работу. Он — инструктор ЦК партии Туркменистана, заведующий совпартишколой II ступени им. Ильича, руководитель курсов секретарей партячеек, член бюро Мервского окружкома партии, заместитель секретаря Байрам-Алийского горкома партии.

Средняя Азия переживала пору сложной перестройки и борьбы. Выкорчевывались остатки средневековой дикости. Из феодализма народы совершали скачок в социализм. Проводилась земельно-водная реформа. Много сил и жертв забирала борьба с басмачеством.

Прошло три года. ЦК партии удовлетворил просьбу Белозерского об учебе. Но в Москве его уже ждет новое назначение — в Центральное статистическое управление Российской Федерации. Он работает научным сотрудником Статплана ЦСУ, ответственным секретарем коллегии. Занимается статистикой, экономикой. Участвует в работе кружков Комакадемии. Напряженно учится.

И опять партия бросает его в Среднюю Азию, на этот раз в Киргизскую АССР. Белозерский — управляющий Центральным статистическим управлением Республики, затем зам. председателя Госплана, замнаркома легкой промышленности, член ЦИК и Совнаркома Киргизской АССР второго и третьего созыва.

Весной 1934 года партия направляет группу ответственных работников в животноводческие совхозы Востока. Надо поднять хозяйство, вывести этот важнейший участок из про-

рыва. Иван Александрович снова меняет специальность. Теперь он—директор крупнейшего совхоза имени Ильича в Чуйском районе. Проходит немного времени, и совхоз выходит на одно из первых мест в Средней Азии.

ЦК ВКП(б) отзывает его в Москву. Страна растет. Расширяются работы по освоению Крайнего Севера. Создано Главсевморпути. Там нужны умные головы и жадные до работы руки. Партийный работник, экономист, недавний директор животноводческого совхоза становится полярником. Скороспелые курсы полярных работников дают только смутные представления об условиях совершенно новой, необычной работы. Но что поделаешь. Раз надо, он привыкнет, освоится. Один из первых пароходов увозит Белозерского на Вайгач. Здесь закладывается большой серебряно-свинцовый рудник. Иван Александрович — заместитель начальника Вайгачского горно-рудного треста. Новая работа захватывает закоренелого «азиата». На Севере, так же, как в степях Киргизии, он один из пионеров освоения. Как соблазнительно первым открывать все новые и новые богатства земли, первым спускаться в шахты, первым входить во вновь построенные дома!

И вот с конца 1937 года он в Амдерме. Теперь на очереди флюорит — ценнейший минерал, бледно-сиреневый камень, который служит сырьем для доменщиков и химиков. Освоен и этот, который уже по счету, новый участок труда.

Весной 1940 года по решению руководства Главсевморпути Иван Александрович был отозван в Москву для того, чтобы возглавить Горно-геологическое управление.

После «хозяйничанья» вражеских элементов ему пришлось принять тяжелое наследство. Нужно было многое перестроить, многое наладить заново. И опять проявился во всей полноте организаторский талант Ивана Александровича. В короткий срок он сколотил крепкий коллектив, взял под контроль работу всех горных предприятий Арктики и, главное, засучив рукава, принялся за создание собственной топливной базы для Северного морского пути.

Уже к началу 1941 года вся трасса Северного морского пути была обеспечена собственными угольными базами. Ледоколы и пароходы могли спокойно идти в сквозные рейсы. Планомерно и широко развернулись поиски и разведки нефти в Арктике.

В июне 1941 года Белозерский прошел сбор старшего политсостава при Военно-политической академии имени

Ленина. Оттуда он вернулся со званием батальонного комиссара. В эти дни прозвучала грозная весть о вторжении немцев. Слишком много было сделано его собственными руками, чтобы допустить на минуту мысль о том, что плоды этих трудов попадут в руки врага!..

В понедельник 23 июня 1941 года Иван Александрович подал заявление о призыве его в ряды Действующей армии. Вместе с другими товарищами по партийной организации ГГУ — Грозовым, Староверовым, Козловским он с нетерпением ожидал вызова.

Но вызов пока не приходил. Дни и ночи Иван Александрович проводил в Управлении, он оперативно руководил перестройкой всей работы северных геологов и горняков на военный лад, одновременно готовил аппарат к эвакуации в глубокий тыл. На вопрос друзей: «Как у тебя с сердцем?» (Белозерский страдал тяжелым пороком сердца, который нередко приковывал его к постели) он только отмахивался. В кипучей работе он забывал порой даже о семье, тосковавшей и беспокоившейся о нем...

И вот настал долгожданный день: его вызвали для назначения в часть. Покидая опустевшее здание Главсевморпути, прощаясь с остающимися товарищами, Иван Александрович обещал вернуться с победой.

В сентябре 1941 года он приехал на несколько дней в Москву прямо с фронта из-под Ельни, где впервые было нанесено серьезное поражение немецким войскам, наступавшим на Москву.

В ладной военной форме, подтянутый и помолодевший Иван Александрович внешне казался совсем иным человеком, чем знали его до тех пор.

Горячо и увлекательно он рассказывал о боевых делах своего морского артиллерийского дивизиона, о тяжелых дальнебойных 6-дюймовых орудиях, которые были прямой наводкой по вражеским укреплениям и танкам, сокрушая все на пути нашей пехоты.

Трогательно внимательный к людям, Белозерский не изменил себе. Буквально по листку он собирал писчую и курительную бумагу для своих морячков. Почти ежедневно он заходил в ГГУ, подробно расспрашивал, как идет работа экспедиций, интересовался тем, как устроилась жизнь эвакуированных в Красноярск сотрудников.

Потом он снова уехал под Ельню. И вскоре пришла тяжелая весть:

«Белозерский, комиссар отдельного тяжелого дивизиона морской артиллерии, погиб под Ельней в единоборстве с немецким танком».

Погиб прекрасный человек и большевик. Всю свою жизнь он отдал борьбе за счастье Родины.

КАПИТАН АФАНАСИЙ МЕЛЕХОВ

АРХАНГЕЛЬСК. Станция Исакогорка. Здесь в семье рабочего узкоколейной железной дороги в 1898 году родился Афанасий Мелехов. Мальчик рос на лоне суровой северной природы. Как истый помор, он был молчалив, упорен в делах, забавы даже в детстве считал чем-то предосудительным и от слова своего никогда не отступал.

Еще при жизни отца Афанасий Мелехов пошел работать на лесопильный завод укладчиком досок. Когда ему едва минуло 16 лет, умер отец. На руках юноши осталась семья в 8 душ с неграмотной матерью во главе.

Весной 1916 года Мелехов поступил уборщиком на зимовавший в Северной Двине английский пароход «Кайло». Первый рейс был в Гулль. Так началась его морская карьера. Он плавал матросом на пароходах «Нонни», «Курск», «Сишан», рулевым на пароходе «Эривань».

В годы гражданской войны судьба забросила Мелехова на Дальний Восток.

Белогвардейцы «спешивали» моряков, насильно вербовали их в ряды своей «добровольческой» армии.

Но солдата белой армии из Мелехова не вышло. Он ушел в партизаны, участвовал в Гайдавском восстании против Колчака, был пойман, сидел в тюрьме, приговорен к расстрелу. И смерти избежал только благодаря заступничеству друга — кочегара парохода «Георгий» Рогатого, который дал ложные показания в его пользу.

Отшумела гражданская война. И снова Мелехов пошел к своей цели. Он поступил в мореходное училище. Зимой

Афанасий Мелехов.

учился, а летом плавал. Вот уже и училище позади. Штурман малого плавания Мелехов в должности третьего помощника капитана плавает на судах «Астрахань», «Сиван», «Ставрополь».

Так он попал в Арктику. Было это двадцать лет назад, в 1924 году. На тысячи километров от Берингова пролива до Вайгача, где пролегает сейчас трасса Северного морского пути, тогда лежала пустота и неизвестность. Первые робкие походы на Колыму считались великим арктическим плаванием. И не мудрено. Ведь сама идея мореплавания по Северному морскому пути была чуть ли не такой же далекой,

как полеты на луну. Почти не бывало того, чтобы поход в Арктику обходился без зимовки. Так случилось и со «Ставрополем». Он застрял у о. Шалаурова.

В мае 1925 года Мелехов был с места зимовки командирован в устье реки Колымы, где за два года до этого выжало на берег американскую шхуну «Поларбер». Подобрал охотников из местного населения — якутов, чукчей, вместе с боцманом Якобсоном, Мелехов не только отремонтировал, но и спустил шхуну на воду. Шхуна была переименована в «Полярную звезду».

Афанасий Павлович укомплектовал для шхуны экипаж из местных людей и поднял на ней флаг Якутгосторга. Шхуна ходила вдоль побережья от Чаунской губы до Нижне-Колымска. Она спасла население от голода, перебросив для него продовольствие, которое не смог доставить «Ставрополь» в предыдущую навигацию.

Первое каботажное плавание по колымо-чукотскому берегу прошло успешно. А спустя еще год Мелехов, вернувшись во Владивосток, сдавал экзамен за курс морского тех-

никума. Он получил звание капитана дальнего плавания. И опять пошли в мореходке чередоваться один за другим названия дальневосточных кораблей. Прежде чем получить самостоятельное командование, он прошел трехлетний путь в качестве третьего, второго и старшего помощника капитана на судах «Томск», «Колыма», «Индирикка» и «Астрахань», плывал суперкарга на двух японских и одном норвежском пароходах.

В 1930 году мечта Мелехова окончательно сбылась — его назначили капитаном парохода «Сясьстрой». Затем он командовал пароходом «Теодор Нетте», «Индирикка», «Сталинград». На пароходе «Свердловск» в 1933 году он снова совершил полярный рейс.

Это памятный рейс в истории Северного морского пути. «Свердловск» успешно достиг Колымы. На обратном пути 18 сентября жестокими нордвестовыми ветрами судно прижало льдом к мысу Дженретлен. Пришлось зимовать. В 20 милях от «Свердловска» прижало к острову Колуцин ледокольный пароход «Челюскин». Последний 5-го, а «Свердловск» 7 октября были втянуты в ледовый дрейф. Около месяца они крутились в 10—15 милях друг от друга.

После жесточайших сжатий 1 ноября с помощью аммонита «Свердловск» все же вырвался из льдов. Больше того, он еще вывел на буксире аварийный пароход «Лейтенант Шмидт». Его сосед — «Челюскин» продолжал пребывать в плену Чукотского моря. Вскоре раздавленный льдами «Челюскин» погиб. А «Свердловск» добрался до Providения и затем пошел в Петропавловск.

Кому приходилось бывать на пороге зимы в Охотском море, тот никогда не забудет страшные декабрьские штормы, которые, казалось, сотрясают здесь самые устои мира. «Свердловск» мужественно встретил такой шторм. Кончился уголь. Вытравленные до предела якоря едва удерживали судно в нескольких кабельтовых от прибрежных скал. Быть может на этом и закончилась бы морская карьера Афанасия Мелехова, не подойди на выручку ледорез «Литке». Взятый на буксир «Свердловск» дополз до Петропавловска и стал там на ремонт.

Наконец Мелехов нашел то, что так долго искал. Именно в Арктике (в этом он убедился) лучше всего пригодятся его талант моряка и новатора, его мужество и стойкость.

В следующем году Афанасий Павлович принял на себя командование второй Северо-Колымской экспедицией. В со-

став каравана входили 3 судна. Впервые в истории колымских рейсов они обошлись без зимовки, выполнили тонномильный план на 147% и вернулись вполне пригодные к дальнейшей эксплуатации.

В 1935 году Главсевморпути предложило Мелехову провести первым коммерческим рейсом из Владивостока в Мурманск обыкновенное транспортное судно «Сталинград».

На борту парохода было 2 тысячи тонн груза, 175 пассажиров и... 75 голов скота. Палуба напоминала сельскохозяйственную усадьбу: позади пятисаженных стогов сена мычали коровы, хрюкали свиньи, перекликались гуси и куры. От качки и двуногие и четвероногие пассажиры страдали одинаково.

За 6½ суток, в рекордно короткий срок, «Сталинград» дошел до Колымы. Здесь моряки с удовольствием сдали свой беспокойный четвероногий груз.

Курс — на запад!

Пробираясь в туманах, искусно лавируя среди сплоченных льдов, кое-где прибегая к помощи аммонала, шли в свой исторический рейс по Северному морскому пути два транспортных судна — «Сталинград» и «Анадырь».

В походе суда чередовались: то «Сталинград» шел впереди, прокладывая путь во льдах, то «Анадырь». И все же на тяжелых участках капитаны не сходили с мостика по 3—4 суток.

От Тикси до Челюскина суда сопровождал ледокол «Ермак», затем ледорез «Литке».

Через месяц после выхода из Владивостока, «Сталинград» прибыл в Игарку, а еще спустя 18 дней в Мурманск. Впервые по всей трассе Северного морского пути были осуществлены грузо-пассажирские перевозки.

Принятые в Игарке 842 стандарта леса Мелехов доставил в Лондон. Оттуда с грузом он пришел в Ленинград.

Сквозной грузовой рейс «Сталинграда» доказал, что Северный морской путь открыт для нормальной эксплуатации.

В следующие годы Мелехов ходил на «Сталинграде» из Ленинграда во Владивосток, из Владивостока в Мурманск, из Архангельска в Тикси и обратно.

С каждым новым сквозным походом росло его мастерство. Имя Мелехова по праву стали называть в ряду выдающихся знатоков плавания во льдах.

В 1939 году Афанасий Павлович был назначен капитаном нового ледокольного парохода «Дежнев», в 1940 году

капитаном ледокола «Красин» и одновременно начальником морских операций в восточном секторе Арктики. На этом посту он и остался до последних дней своей жизни — до 1942 года.

Те, кому приходилось плавать под командованием Мелехова, считали как само собою разумеющееся, что Афанасий Павлович должен знать все. И действительно, за внешней его грубоватостью и безыскусной простотой скрывался огромный опыт и, что еще более значимо, — неутолимая жажда новых знаний. Он, как подшучивали моряки, с завязанными глазами мог пройти от Золотого Рога до Колымских кошек, да и подальше на Запад. Коварные особенности гидрологии, метеорологии и течений, мелководья по всей трассе, наконец «секреты» того, как во всех самых сложных переделках не падать духом и оставаться хорошим капитаном, были ему прекрасно известны.

Будучи начальником морских операций, он научил многих капитанов обманывать льды и туманы. При первой же угрозе, в шторм, в непогоду всегда сам выходил на вахту. И редко кто мог «перестоять» его на мостике.

В годы своей работы на дальнем северо-востоке Афанасий Павлович в совершенстве научился говорить по-чукотски. Его ровный, приветливый характер, умение найти пути к сердцу каждого человека завоевали ему среди чукчей много друзей, которые и сейчас вспоминают о нем с большой теплотой.

За выдающиеся заслуги в деле освоения Северного морского пути Правительство наградило Мелехова двумя орденами: в 1935 году орденом Трудового Красного Знамени и в 1940 году орденом Ленина.

В 1942 году Мелехов был послан в США для подготовки кораблей и грузов, которые наши союзники направляли к нам через Арктику.

Иностранный корабль, на котором следовал Мелехов, благополучно прошел весь путь от Мурманска до Америки, но при входе в один из северо-американских портов был торпедирован вражеской подводной лодкой и затонул. Вместе с кораблем погиб и Афанасий Павлович Мелехов.

ГРИГОРИЙ ГОРБУНОВ

О НЕМ можно сказать, что наука была делом и страстью всей его жизни.

В 1915 году, двадцатилетний студент 2-го курса естественного отделения Петербургского университета Горбунов попал на Кольский полуостров. В небольших озерах Мурманского побережья он вылавливал сачком крошечные, едва приметные планктонные организмы; на мрачных скалах, сплошь заселенных мириадами чаек и гаг, изучал повадки северных птиц. Так определилась его судьба.

Война и революция прервали учебу в университете. Но другая страсть уже безраздельно владела этим молчаливым и внешне таким суховатым человеком. В окрестностях Старого Петергофа он изучал жизнь пресных водоемов. Небольшая экскурсионная станция Наробраза в Петергофе стала первой его лабораторией. В нашей стране в ту пору гидробиология еще не оформилась как самостоятельная наука. Нужно было проложить пути новой области естествознания. И Горбунов прокладывал эти пути. Кругом старое шло на слом, уступая место новому и молодому. И когда под линзой микроскопа ему открывались неведомые человеку тайны живой природы, Григорий Петрович яснее чем когда-либо ощущал, какие безбрежные горизонты открывает для него наука.

Жажда нового привела его в Институт по изучению Севера. В 1923 году он побывал на Новой Земле. Отныне Горбунов окончательно определил свое призвание.

18 лет, и каких лет, полных кипучих поисков, исследований, открытий, он отдал изучению природы Крайнего Севера.

С течением времени изменялось служебное его положение. В Институте Севера, затем Арктическом институте Горбунов секретарь ученого совета, затем научный сотрудник, помощник директора по научной части, заведующий научно-промысловым отделом. На несколько лет он перешел в Зоологический институт Академии наук. С конца 1940 года снова в Арктическом институте он заведует гидробиологической лабораторией. Но при всем этом редкое лето он проводил у себя дома — в Ленинграде. Одна экспедиция на Север чередовалась с другой.

Неукротимая жажда исследования заставляла его опять и опять возвращаться на знакомые места, восполняя пробелы, расчищая «белые пятна» на карте его любимой науки.

Несколько лет подряд Григорий Петрович отдаст изучению пресноводной и прибрежной морской фауны Новой Земли. Попутно он обследовал птичьи базары. Его работы по птицам поражают специалистов глубиной подхода, особой проникновенностью и теплотой, с какой он писал о поведении птиц.

В каждой строке его работ чувствуется следопыт-охотник, близко знающий и любящий природу. Эта удивительная любовь проходит красной нитью через всю его жизнь. Часто, даже в дни своего отдыха, он уходил в леса, подолгу слушал щебетанье птиц, наблюдал за их повадками. У его крылатых любимцев не было от него тайн. Он понимал говор птиц, проникал острым взором ученого в самые сокровенные уголки их бытия. Также часто он уходил на берега озер или речек с удочкой или сачком, часами наблюдал за животными и растениями, населяющими воду. В его голове постоянно возникали новые проблемы.

Григорий Горбунов.

Начиная с 1929 года Григорий Петрович становится неприменным участником, гидробиологом и зоологом всех высокоширотных экспедиций. В 1935 году на «Садко», к северу от Северной Земли он вышел на абиссальные глубины Северного Ледовитого океана. Ему выпало великое счастье ученого — первым увидеть жизнь, обитающую в пучине Центрального полярного бассейна.

На рассвете 13 сентября 1935 года, на широте 82°41'С Григорий Петрович с особой тщательностью перебирал каждый камешек, каждый образец бентоса из уникального в то время улова, принесенного тралом со дна Ледовитого океана. Казалось, что прямо с таблиц экспедиций, исследующих недра Атлантики, или популярной океанографической книж-

ки сошли и ожили усатые белоглазые креветки с длинными антеннами усов, хищные рачки бокоплавы, вооруженные тяжелыми клешнями для обороны и захвата добычи, голубые глубоководные рыбки со слепыми бесцветными глазами. Так было получено первое бесспорное доказательство того, что Гольфстрим принес в Арктику не только тепло, но и жизнь. Еще одна загадка природы оказалась расшифрованной. Отныне можно было утверждать, что нет обособленной жизни Ледовитого океана, что жизни великих океанов — Атлантического и Северного — родственно близки.

Лето и зиму 1937/38 года Горбунов опять проводит на «Садко». Осенью льды захватывают корабль и он дрейфует к северу от Новосибирских островов вместе с «Седовым» и «Малыгиным». Что ж, и здесь никогда раньше трал не бороздил глубины моря. И Горбунов-первооткрыватель весь отдает себя труду исследователя.

Так составлялись богатейшие и разносторонние коллекции бентоса наших арктических морей, в частности по Карскому морю. Эти «горбуновские» коллекции, собранные с исключительной тщательностью и знанием дела, хранятся сейчас в Зоологическом институте Академии Наук СССР. По своей обширности они затмевают все, что было собрано в этом направлении всеми предшествующими океанографическими экспедициями. Многие годы они остаются источником исследовательских работ по гидробиологии. После окончания обработки этих коллекций советские ученые, несомненно, создадут серию, далеко превосходящую знаменитую «Fauna Arctica».

Наряду с этим он не забывал ни птиц, ни пресноводный планктон, который его привлекал еще в студенческие годы. Необычайная тщательность исследования, большая требовательность к себе всегда отличали его. И только когда все уяснено, все продумано и ясно, только тогда он позволял себе публиковать очередную работу. Ему принадлежит свыше 20 оригинальных научных трудов, в том числе более 10, посвященных морской арктической фауне. Без защиты диссертации ему была присуждена ученая степень кандидата гидробиологических наук. Правительство наградило его орденом «Знак почета».

Особый интерес для науки представляют разработанные Горбуновым вопросы биологических показателей гидрологического режима. Эти работы перебрасывают мостик между биологией и гидрологией, открывают те скрытые связи меж-

ду водами и их населением, которые раньше почти не изучались. Горбунова живо интересовали вопросы происхождения фауны арктических морей, происхождения самих арктических водоемов. Этой большой проблеме в значительной степени посвящена его последняя большая работа «Донное население глубин Полярного бассейна и Новосибирского мелководья», печатающаяся в сборнике трудов дрейфующей экспедиции ледокольного парохода «Седов».

Неутомимый следопыт и естествоиспытатель, Г. П. Горбунов никогда не замыкался в мире своих креветок и моллюсков, интересовался литературой, театром и многим другим. Сам он немного играл на виолончели. Но особенно поражало его умение слушать, понимать музыку. Очень часто он говорил друзьям, что во время слушания музыки у него лучше работает мысль. Он очень любил «думать под музыку». Это был образованный человек в самом широком смысле слова, поразительно скромный, подчас даже умышленно умаляющий себя. За каждую даже мелочную заботу он готов был отплатить сторицей.

На борту экспедиционного судна, в ожидании подъема очередного трала, всегда, в любую непогоду можно было увидеть его сухопарую, несколько сутулую фигуру. Он неторопливо шагал по палубе, попыхивая своей бездонной трубкой, молчаливый и внешне совершенно безразличный. Но вот устал моторист большой носовой лебедки. Или толстый канат, выходящий из воды, завился колышками, угрожая испортить станцию. Горбунов немедленно приходит на помощь. Он сменяет моториста или, уцепившись одной рукой за шаткие леера, вместе с палубной командой тащит ручную канат и трал, командуя то «вира», то «майна» и покрикивая всякие ободряющие слова.

При первом знакомстве Григорий Петрович многим казался нелюдимым. Но на самом деле в нем был необычайный запас жизнерадостности. Он очень любил детей и они всегда платили ему такой же привязанностью. Нередкость прекрасный товарищ, он умел, как никто, подбодрить людей в тяжелую минуту жизни.

В памятную зиму 1941 года Горбунов не покидал родной Ленинград. Вместе со всеми гражданами великого города он стойко нес все тяготы голодной блокады. Ясная, пытливая мысль его не переставала работать, желая во что бы то ни стало завершить начатые им большие и интересные исследования по изучению фауны арктических морей. По-

следние строки своей работы он писал в нетопленной комнатухе, при чахлом свете коптилки, под аккомпанемент разрывающихся рядом бомб и снарядов. Было решено эвакуировать Горбунова вместе с Арктическим институтом. Но сердце его, надорванное и изнуренное пережитым, не выдержало. Он умер 14 февраля 1942 года в гор. Вологде по пути из Ленинграда в Красноярск.

Великий русский естествоиспытатель Иван Павлов, обращаясь к молодым ученым, писал:

„Изучите азы науки, прежде чем пытаться взойти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущее. Никогда не пытайтесь прикрыть недостатки своих знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы ни тешил ваш взор своими переливами этот мыльный пузырь, он неизбежно лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не останется.

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты!

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого! Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши „теории“ — пустые потуги.

Но, изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настоячиво ищите законы, ими управляющие“.

Всю свою жизнь Григорий Петрович Горбунов шел по этому пути.

КАПИТАН ДМИТРИЙ СЕРГИЕВСКИЙ

В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ сибирском городке любое семейное происшествие становилось темой для оживленных пересудов. На этот раз кумушки судачили больше обыкновенного. «Вы подумайте, — трещали они, — мальчик из хорошей семьи, отец педагог, и вдруг, не окончив гимназии, уехал во Владивосток и стал там — как вы думаете, кем? — простым матросом!»

Речь шла о Сергиевских.

Трудно сказать, откуда к читинскому гимназисту Дмитрию Сергиевскому пришла страсть к морю. Из последующей его биографии можно заключить, что это было отнюдь

не преходящее мальчишеское увлечение, а настоящая мужская страсть.

Проработав летом матросом, осенью 1914 года Дмитрий Сергиевский поступил во Владивостокское морское училище дальнего плавания. Зимой учился, а летом плавал матросом на коммерческих судах. Юноша упорно шел к цели, жадно накапливал знания. Море все больше и больше привязывало его к себе.

С запада, где бушевала мировая война, на Дальний Восток доходили отзвуки жестоких боев. Многие из владивостокских молодых людей искренне завидовали безусым прапорщикам и загорелым молодым морякам, которые уез-

жали воевать с немцами. Наконец, в 1917 году и Сергиевский, только что окончивший морское училище со званием штурмана, выехал по мобилизации в Петроград во 2-й Балтийский флотский экипаж. Там сразу же он был зачислен в школу мичманов военного времени.

Близилась революция. Временному правительству было не до мичманов. В конце сентября всю молодежь без экзаменов отправили на военные корабли. Сергиевского назначили штурманским офицером на минно-сетевой заградитель «Берея», приписанный к Гельсингфорсу, однако служить в военном флоте пришлось ему недолго. Вскоре после Октябрьской революции он был демобилизован.

Молодого моряка привлекала серьезная исследовательская работа, изучение новых морских путей. С большим интересом он следил за успехами полярной экспедиции Главного гидрографического управления, длившейся несколько лет. Суда этой экспедиции «Таймыр» и «Вайгач» прошли Северный морской путь с востока на запад. В 1918 году военные гидрографы готовились возобновить ра-

Дмитрий Сергиевский.

боты, и молодого штурмана зачислили одним из кандидатов в состав будущей экспедиции. Сергиевский не страшился трудностей предстоящего похода. Он с нетерпением ждал команды об отъезде. Все планы разрушила гражданская война, разгоревшаяся в Сибири. Сергиевский вернулся во Владивосток. Он поступил работать в Доброфлот, на судах которого и проплавал десять лет в разных должностях, вплоть до капитана.

Новую страницу в биографии открыл 1930 год. Из бухты Золотого Рога он повел пароход далеко на север, к устью реки Колымы. Это, по существу, были пионерные плавания. Трасса почти не была изучена. Зачастую там, где на картах обозначались вполне достаточные для корабля глубины, на самом деле лежали мели и даже острова. Первые арктические капитаны изучали трассу, ощупью, нередко килем и бортами своих судов.

Три кампании Сергиевский провел рядовым капитаном, затем он стал начальником Колымской экспедиции. В те годы, как правило, походы на Колыму заканчивались зимовкой кораблей. От распорядительности и способностей начальника во многом зависела судьба экспедиции. Сергиевский завоевал славу не зимующего капитана.

Перейдя в 1935 году в систему Главсевморпути, Дмитрий Никанорович Сергиевский продолжал плавать в Восточном секторе Арктики. Как помощник начальника морских операций, он руководил движением судов и ледоколов, бороздивших ледовитые северо-восточные моря. Немногие капитаны могли сравняться с ним в знании Восточного сектора Арктики.

Двадцать лет не покидал Дмитрий Никанорович капитанского поста. Только в 1939 году он согласился переехать в Москву и принять назначение старшим морским инспектором в Управлении арктического флота и портов. Как никогда на новой работе ему пригодились качества, воспитанные всем укладом его жизни: высокая требовательность к себе и другим, прямолинейность и честность. Никакие самые дружеские отношения не мешали ему беспристрастно анализировать причины аварий и находить истинных виновников.

В среде товарищей Сергиевский пользовался не только уважением, но, что еще более ценно, любовью как душевный, отзывчивый, необычайно скромный человек, который никогда не кичился своими знаниями, старался всегда

оставаться в тени, в стороне от шума. Многие звали его просто Никанорычем.

Летом, когда начиналась навигация в Арктике, Сергиевскому не сиделось в Москве. Он брался за выполнение сложных специальных заданий. На ледоколе «Красин» он участвовал в розысках Леваневского у берегов Аляски. Зимой 1941 года в качестве группового капитана, он руководил рискованной операцией: проводкой в ненавигационное время, в тяжелых зимних условиях, Белым морем из Архангельска в Мурманск двух землечерпалок и одной шлангиды. В сутки бывало по десятку сжатий. Караван продвигался медленно. Ледоколу «Ленин» приходилось то окалывать суда, то пробивать во льду канал. Поход технического флота в зимних условиях в Белом море проводился впервые, и все же он был закончен успешно за 10 дней.

Выполняя одно из заданий летом 1942 года, Сергиевский погиб на судне, торпедированном немецкой подводной лодкой в горле Белого моря.

НИКОЛАЙ МУТАФИ

К ОРАБЛЬ разгружался у северной оконечности Новой Земли — у мыса Желания. Сильное волнение мешало подвести вплотную к берегу кунгасы с грузами.

Кунгасы плясали на якоре, как строптивая лошадь у коновязи. А разгружаться нужно было как можно скорее — надвигался шторм. Капитан грозился уйти немедленно, ему вовсе не улыбалась перспектива штормовать у скалистого мыса, открытого всем ветрам.

Рабочие сновали по берегу, не зная, что предпринять. Как водится, начались споры.

В этот критический момент к месту выгрузки подошел человек с открытым энергичным лицом, на смуглой коже которого ярко выделялись большие черные глаза. Он издали на ходу затынул за коленом пряжки высоких болотных сапог и неторопливо вошел в воду.

Николай Мутафи.

Все, кто был на берегу, оторопело смотрели на него, еще не понимая в чем дело. Человек подошел к кунгасу, на котором, уцепившись за ящики, сидел позеленевший от качки парень.

— Наваливай, что ли!.. Да смотри, в воду не кувыркай!

Приняв груз, человек так же неторопливо пошел обратно. Волна нагнала его, накрыла и качнула...

— Держись, Николай Николаич!.. — крикнул один из рабочих и поспешил ему навстречу.

За ним бросились в ледяную воду и остальные.

К вечеру выгрузка была закончена. Было как раз время — Баренцево море разыг-

ралось не на шутку. Шторм не утихал почти две недели.

Но экспедиции уже не страшна была непогода. Груз был на берегу. Отряды один за другим выходили в поле.

Так, благодаря личному примеру геолога Николая Николаевича Мутафи, участники экспедиции сразу «взяли верный тон» в работе, обеспечив тем самым выполнение поставленных перед ними серьезных исследовательских задач.

Таким Коля Мутафи был во всем: взялся за дело — доведет до конца. Молодой, горячий по характеру уроженец Симферополя, он никогда «не шумел», а кипел внутренним волнением, воплощая его в живые дела. Он никогда не суетился, не повышал голоса. Чуткость в отношении к окружающим, все его повадки в работе, в бивуачной экспедиционной жизни создали ему славу хорошего начальника и незаменимого товарища.

Любили Колю Мутафи и в институте, где он заслуженно слыл талантливым молодым ученым.

Начиная с 1931 года, Мутафи работал в районе Маточ-

кина Шара, где вместе с группой геологов открыл значительное полиметаллическое месторождение.

Годы творческого расцвета Николая Николаевича совпали с временем широкого освоения «белых пятен» Арктики. В Арктическом институте тогда подбирались хорошие молодые кадры. Каждый стремился сделать больше, скорее и лучше. Николай Николаевич всегда был инициатором новых экспедиций именно в те районы, где в первую очередь нужно было искать полезные ископаемые.

В 1935 году он руководил Пясинской экспедицией. Экспедиция открыла угольное месторождение.

В 1938 году он снова возвращается на Таймыр для того, чтобы детально разведать обнаруженные угли. И опять находит новые месторождения. Правительство наградило его медалью «За трудовое отличие».

В 1941 году Мутафи намеревался выехать на Новую Землю, чтобы завершить работы первых лет своей геологической деятельности — разведать серебро-свинцовое месторождение в районе Маточкина Шара.

В Архангельске экспедицию настиг день 22 июня 1941 года, и Мутафи вместе с остальными товарищами возвратился в Ленинград. Раз началась война — экспедиция могла подождать.

Ленинград августа 1941 года. Город превратился в военный лагерь. И старому и малому находилось дело. Кто не шел на фронт, тот брал в руки лопату и выходил навстречу фронту, на постройку оборонительных рубежей.

Мутафи не был призван в армию. Но спокойно работать в стенах института он не мог. Уже лежали в соседнем госпитале раненые командиры — вчерашние его товарищи геологи. Уже называли кругом имена погибших.

Николай Николаевич организовал бригаду и выехал туда, где на подступах к городу ленинградцы вгрызались в землю, готовясь достойно принять врага. Это был опасный труд. То и дело налетали немецкие самолеты. Они нещадно бомбили работающих и поливали их свинцовым дождем. Нехватало хлеба, пили болотную воду, спали под открытым небом. Но лопат не оставляли.

Так прошли август, сентябрь. Наступила глубокая, сырая осень.

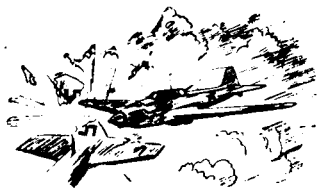
В один из дней этой незабываемой осени Коля снова появился в институте. Недели напряженного труда и бес-

прерывных лишений сделали его неузнаваемым. Он нехудал до черноты, до предела ослаб, не мог даже и гвоздь вбить. И нечем было помочь. Его добили лютые морозы страшной зимы 1941/42 года.

В нетопленной квартире с выбитыми бомбежкой окнами у жалкой времянки Николай Николаевич тщетно пытался согреться. Напрягая последние силы, он ежедневно являлся в институт, садился за свой рабочий стол, от которого не отходил и во время обстрела и тревог. Нужно было закончить правку типографского оттиска его последней работы. Стыли ноги, коченели руки. Замерзали чернила. Он брался за карандаш.

И вот однажды он не пришел.

Его последняя работа, как и многие предыдущие, вышла в свет. Она лежит на столе арктических геологов итогом прекрасной человеческой жизни, до конца отданной любимому делу и родной стране. Имя кандидата геолого-минералогических наук Н. Н. Мутафи повторяется на страницах многих геологических трудов, и оно переживет не одно поколение советских людей. Оно увековечено в названии одной из горных вершин на Новой Земле...

ИВАН ОВЧИННИКОВ

ИВАН Гаврилович Овчинников родился в 1910 году в г. Раменское Московской области. Его родители работали ткачами. Отец — старый большевик с 1906 года. В 1913 году он был арестован за подпольную революционную деятельность. Жизнь и борьба отца с малых лет приучили И. Г. Овчинникова к труду и упорству.

Закончив курс обучения в фабрично-заводском училище, а затем в текстильном техникуме, И. Г. Овчинников поступил в Московский гидрометеорологический институт.

Еще будучи студентом, Иван Гаврилович Овчинников побывал в Арктике. Холодные полярные моря, усеянные льдами, пленили его сильнее теплого, ласкового юга, о котором мечтало большинство его товарищей. Он сразу раз-

глядел, что именно здесь, в Арктике, скрыты великие возможности для смелого полета человеческой мысли и фантазии. На тысячи километров раскинулись льды, закрывая путь вдоль северных окраин. Многие поколения смелых людей трудились над тем, чтобы открыть этот путь. Нередко они расплачивались жизнью за благородное дерзание. Продолжить их дело, помочь довести его до конца — в этом начинающий ученый видел обязанность исследователей нашего времени.

Уже тогда энергия и задор молодости сочетались в нем с трезвым расчетом научного анализа. В 1938 году Овчинников пошел работать в Арктический институт. Это было время, когда начинало оформляться новое направление в изучении полярных морей. И он проделал весь трудный переход от кустарных приемов сбора научных данных к всеобъемлющему анализу их. У молодого работника были все задатки истинного ученого и он быстро занял свое место среди передовых людей научного коллектива.

Арктическому институту предстояло решить сложнейшие проблемы — найти главные законы изменения ледовой обстановки на трассе, научиться заранее предусматривать эти изменения, создать научно-оперативную службу на морях Арктики. Надо было добиться, чтобы суда безостановочно и безопасно шли вперед по Северному морскому пути, не опасаясь капризов природы и коварных «ледовых ловушек».

Овчинников целиком отдался этой работе. В первой своей студенческой работе он рассматривал некоторые возможности составления долгосрочных ледовых прогнозов для

Иван Овчинников.

труднейшего в этом отношении Чукотского моря. Теперь в Арктическом институте широко развернулся его талант исследователя. В толстых папках научных отчетов, в выкопировках, рейсовых донесениях, в потертых записных книжках он искал цифр, данных, указаний. Они громоздились беспорядочной горой противоречий, перед которой беспомощно опускали руки многие полярные исследователи. Но Иван Гаврилович, выбрав определенное направление, начал упорно и систематически подрывать эту гору.

Постепенно, в тумане бесчисленных данных вырисовывался контур строгой, логичной научной системы. Каждая цифра, казалось, легко и непринужденно занимала в ней свое место. Тогда Овчинников приступил к составлению монографии о ледовом режиме Баренцова и Карского морей.

В 1939 году Арктический институт впервые взял на себя широкое научно-оперативное обслуживание трассы. Овчинников пошел работать в ледовую службу Карского моря. В следующем году он возглавил эту службу. Молодой ученый пытливо работал над краткосрочными ледовыми прогнозами — совсем новой отраслью полярной науки, участвовал в ледовых авиаразведках, проходил курс составления долгосрочных прогнозов погоды. Будучи по специальности гидрологом, он за эти годы стал географом-исследователем в самом широком смысле слова. Жадно впитывая передовые идеи метеорологии, синоптики, океанологии, он совершенствовал практические методы исследований, накапливал все новые и новые знания, чтобы идти во всеоружии на бой с природой.

Его опыт и знания как нельзя более пригодились, когда грянула Отечественная война. Западные арктические моря, непосредственно прилегающие к театру военных действий, потребовали исключительного внимания со стороны научно-оперативной службы. Дрейфующие льды отныне стали рассцениваться не только как препятствие для плавания, но и как фактор боевых действий. Глубокое понимание ледовых процессов позволило Овчинникову стать ведущим работником оперативного обслуживания арктической навигации. Разрабатывая прогнозы, снабжая информацией суда и штабы, он часто возвращался к задуманной монографии, пополнял ее все новыми данными, безошибочно вылавливая их с помощью научной интуиции из вороха второстепенного материала.

Рытье противотанковых рвов, свист и пламя немецких

«зажигалок», ночные дежурства на крышах не приостановили его работы. Работу над монографией он продолжал и в Сибири, после эвакуации из Ленинграда.

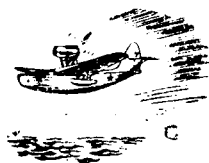
Летом 1942 года Овчинников снова ушел на трассу. Ледовые карты, сводки, консультации, разведки — все это оживало и приобретало новый смысл под его творческим анализом. Отчетливо понимая, насколько важна точность выводов, используемых в операциях этого напряженного года, он не ограничивался переработкой обширного материала, поступающего с трассы, но и сам производил ряд наблюдений с самолетов.

Однажды на одной из баз самолет попал в жестокий шторм и получил повреждения. Овчинников пересел на другой самолет, надо было спешить на разведку, в море перед льдами застрял большой караван судов.

Самолет не вернулся. Овчинников и его товарищи пали жертвами одной из тех полярных трагедий, история которых окутана непроницаемой тайной. Арктика остается Арктикой, как бы мы ее ни изучали и ни осваивали. Она вырвала с боевого поста молодого талантливого ученого.

Друзья Овчинникова, горячие энтузиасты и исследователи Арктики, делившие с ним невзгоды и радости полярной жизни, обещали довести до конца начатую им обширную монографию. В ней сохранятся его острая мысль, широкий кругозор, гармоничное познание природы.

Никогда не стоять на месте, всегда искать, не отрываясь от жизни, каждым делом быть полезным Родине — эти заветы пытливого исследователя не будут забыты его товарищами.

ИВАН КУЗОВЛЕВ

ДВЕНАДЦАТИ лет, натерпевшись обид от мачехи, Иван Кузовлев ушел из родного дома. Жил в рабочих по чужим дворам, батрачил, был лесорубом. Дольше, чем в других местах, задержался он плотником на

Иван Кузовлев.

Кайской судоверфи. Но и здесь жизнь мало чем отличалась от родной деревни Бутино. А юношу манил город, завод. Свой топор Кузовлев пренебрежительно называл «отсталым орудием производства». Конечно, примитивная верфь деревянных судов ничем не похожа была на настоящий завод, о которых он слышал от товарищей и читал в книгах. Да и плотника разве можно было сравнить с токарем по металлу или фрезеровщиком?

Выйти в рабочие люди Кузовлеву помогла Красная Армия. Прослужив два года красноармейцем в танковом полку, он впервые познакомился здесь с машинами, научился их чинить,

налаживать, постиг первые премудрости слесарно-механических работ. После демобилизации Кузовлев пошел работать на чугунолитейный завод «Механик» в Тюмени.

Любознательный подручный литейщика старательно приглядывался к работе вагранок, читал книги по технологии металлов, вникал во все тонкости чугунолитейного производства. Спустя год он перебрался в Москву.

Девять лет его жизни неразрывно связаны с одним из всенных заводов. Там он получил специальность токаря; окончил техникум точных приборов и 2 года работал техником-технологом; вступил в партию и, наконец, устроил свою личную жизнь — женился на одной из работниц. Завод стал для Кузовлева родным домом.

Нарядность трудолюбивый, Иван Григорьевич, в дни, когда на завод поступал срочный заказ, по несколько суток не выходил из цеха: личные дела всегда были у него на втором плане и он легко приносил их в жертву заводу, когда в этом была острая необходимость. Зато он всегда смущался,

когда его называли лучшим ударником завода. А однажды, увидев, что его портрет несут на Красную площадь, Кузовлев чуть было не ушел с демонстрации.

В первые годы семейной жизни произошел случай, характерный для Кузовлева. Жил он тогда с женой и двумя маленькими детьми в небольшой комнате, переделанной из веранды. Дров не было. Детишки мерзли. К тому же, ожидалось прибавление семейства. Наконец, завод выдал ему ордер на новую большую комнату с балконом, о какой давно мечтала жена. Всей семьей пошли смотреть новую квартиру. По дороге Кузовлев зашел в завком. Вышел он оттуда чем-то смущенный. Потоптавшись несколько минут на месте, он сказал жене, что теперь они могут ехать обратно домой, так как новой комнаты уже нет, он только что отдал ее женщине с четырьмя детьми, которые живут еще хуже чем они, в каком-то углу. «Нельзя думать только о себе, — сказал он, утешая жену, — ты бы видела, как она плакала, я не мог поступить иначе».

И он никогда не поступал иначе. У жены осиротели младшие братишки, и она решила было устроить их в детский дом. Кузовлев запротестовал: «Зачем в детский дом? Пока у нас есть силы, сами сможем воспитать». И они взяли к себе двух подростков, хотя у самих к тому времени было трое детей. Где хватает ласки на пятерых, хватит и на шестого — вскоре Кузовлевы взяли на воспитание еще одного сироту. За стол усаживалось шесть мальчиков. Кузовлев радовался. «Ничего, Нинуся, — говорил он жене, — это только сейчас немного трудно с такой оравой, а когда все подрастут, вот у нас жизнь будет!». После обеда он засучивал рукава и помогал жене мыть посуду.

В 1939 году Московский комитет партии направил Кузовлева в Главсевморпути для усиления партийной работы. Будучи ответственным инструктором Политуправления, а затем начальником отдела по военной работе, Кузовлев всех удивлял своей работоспособностью, умением быстро и правильно разобраться в самых сложных вопросах. Всегда бодрый, неунывающий, чуткий и внимательный товарищ, он завоевал не только авторитет, но и общую любовь. Он был одним из тех скромных и мало приметных тружеников большевистской партии, кто никогда не чурается самой маленькой и самой грязной работы, ибо великое складывается из малого...

Грянула война. Кузовлева призвали и назначили военкомом танковой части.

В одном из писем к жене он писал: «Живем хорошо, готовы в любую минуту к бою. Обеспечены всем лучше, чем надо».

До 20 июля часть комиссара Кузовлева стояла под Москвой. Накануне отправки на Ленинградский фронт Иван Григорьевич побывал в Москве. Заводские друзья, встретившие его очень радушно, помогли собирать запасные части для танков.

С фронта один только раз пришло нежное, заботливое письмо. О себе, как всегда, в нем говорилось мало и скупое. Кузовлев был очень озабочен устройством жены на работу. Советовал пойти на свой старый завод:

«Нинуся, самое главное береги себя, свое здоровье для малышей. Поцелуй их от меня горячо. Я за них спокоен, они находятся в безопасном месте»...

Это письмо было датировано 25 июля. Через несколько дней Кузовлева не стало. Он погиб героем при обороне деревни Севастьяново.

Целый день не прекращался танковый бой. Целый день не выходил из боя танк, на котором у пулемета сидел комиссар. Он вел за собой всю колонну против бешено атакующих немцев. Вражеский снаряд снес башню у головного танка. В момент удара водитель почувствовал, как ему на спину упал комиссар, но, сам тяжело раненый в голову он сразу потерял сознание.

Немецкие атаки были отбиты. Поздно вечером танкисты вывели с поля боя подбитый танк. С воинскими почестями хоронили они своего комиссара на опушке леса. Густой травой заросла могила. Но память о боевом комиссаре навсегда осталась в сердцах тех, кто рядом с ним в памятные июльские дни 1941 года, не щадя крови и жизни, отстаивал русскую землю от вражеского нашествия.

КОМАНДИР САПЕРОВ ИЛЬЯ ГАТНЕВ

ИНОГДА его рассказы казались неправдоподобными, столько в них бывало необычайного, выходящего за рамки общепринятых норм. Нет-нет да и качнет кто-нибудь по морскому обычаю лампу, висящую над столом. Это был сигнал рассказчику — хватил, мол, через край!..

Но Илья, не смущаясь, продолжал:

— У нас, на Кавказе...

За окном — чернота январской морозной, с добрым ветерком ночи. Дрожат стены фанерного домика, стоящего на самом берегу Чукотского моря у мыса Сердце-Камень. Гудит камелек — тепло! Не хочется думать о том, что завтра утром надо вставать в остывшей за ночь комнате, ехать за дальний мыс на разведку. Конечно, не велико удовольствие целыми днями стоять на ветру, бить молотом по белому от инея металлу бура. Нет-нет да и поморозит щеки или нос. Никак не уберечься...

Но как не встать чуть свет, если начальник уже на ногах и уже разбудил повара, и уже кипит на камбузе кофе или какао — это уж по вашему выбору. И едет начальник вместе с вами и сам лезет в штольную, сам проверяет, хорошо ли поставлена палатка.

Часами он записывал в полевой дневник итоги наблюдений за поведением рудоносной жилы, зарисовывал ее ветвистые контуры. Рукавицы мешают — снял. Пишет в тонких перчатках и не морщится. А потом сам наколет льду, согреет на примусе чай. Сам запрыгает собак. Поехал! Чем не чукча-каюр?

С ним, действительно, невозможное делалось возможным. А что, если и его рассказы — правда? Такой все может!

Таким полярники знали Илью Давидовича Гатиева — геолога, начальника экспедиций, а затем руководителя научно-исследовательского отдела Горно-геологического управления.

Не раз приходилось видеть Гатиева, казалось бы, в безвыходном положении. Но никто не видел его растерянным или бездеятельным. Это был человек большой воли и сильного характера.

Как-то летом 1936 года медведи разорили половину продовольственных баз, завезенных по санному пути в район работ геологических отрядов. Пришлось перейти на голод-

*Елец народного ополчения
Илья Гатцев.*

ный паек. И самым последним при получении этого пайка был Гатнев. Получит — половину отдаст самому усталому.

— У нас на Кавказе такой обычай...

Экспедиция в то время переключилась на пешие маршруты — другого способа передвижения по тундре, по каменистым россыпям гор не было.

Не каждый представляет себе, что такое геологический маршрут.

Встает геолог с солнцем, а иной раз и пораньше, позавтракает и отправится в путь-дорогу. Путь его — как заячья тропа: вверх, вниз, в сторону, через реку вброд... При

этом не просто нужно идти, а напряженно смотреть и вперед, и себе под ноги, без усталости дробить камень, по которому идешь, так как опознать его природу и настоящее лицо можно только в свежем изломе. Время от времени нужно остановиться, сделать замер компасом, зарисовку, записку, отбить образец — это тоже немалое искусство, выписать к нему этикетку, завернуть и положить в заплечный мешок.

В начале маршрута шаг у вас свободный и рюкзак пуст. Но часов через двенадцать вы уже притомились, успели раза четыре выжать мокрые портянки, рука устала держать отяжелевший молоток, за плечами напоминает о себе мешок, где набралось с полпуда камней. А палатка еще ой как далеко и еще далек тот блаженный час, когда вы сможете напиться всласть горячего чая и залезть в спальный мешок.

Летом солнце на Севере не заходит, видимость и ночью и днем одинаковая — грешно спать полевику при солнце. Но можно не поспать сутки, двое. Систематическую бессонницу не каждый выдержит. А Гатнев выдерживал без сна по трое

суток. Не каждый сможет лазить по горам — и по каким горам — по 48 часов кряду. А Гатиев мог. Идет, заложив свободную руку за спину. Круча. Камни, как на-зло, лезут острыми краями вверх. А Гатиев шагает по ним легко и непринужденно, неторопливой походкой горца, прыгает через широкие рытвины, которые другой вынужден чуть не за версту обходить. Идет и приговаривает:

— Это что! Вот у нас, на Кавказе...

Благодаря уменью преодолевать любые трудности Гатиев обычно завершал экспедиции с большим перевыполнением плана. За производственные достижения он в числе других полярников был награжден орденом «Знак почета». Это была заслуженная оценка труда человека смелого и прямого, до конца преданного своему делу, партии, Родине.

В начале войны Гатиев, выехавший на Новую Землю в качестве начальника экспедиции, вернулся в Ленинград с полпути. Спустя несколько дней на нем уже была солдатская шинель. Илья Гатиев — доброволец Красной Армии, командир саперной роты — ушел на самые передовые позиции. Бесстрашие и ловкость пригодились ему здесь, как нигде. Со своим подразделением, минирова подступы к нашим укреплениям или очищая от вражеских мин путь для атаки, он совершал чудеса. Пули щадили его, как это часто бывает с храбрецами. Он искренне верил в свою «счастливую звезду», и его бойцы готовы были идти за ним куда угодно...

Так прошли август, сентябрь и октябрь 1941 года.

В ноябре немцы обрушили на Ленинград и его защитников, боровшихся на подступах к великому городу, ураган огня. Враг бил с воздуха, громил город артиллерийским обстрелом.

Конец ноября. Осень уступала натиску зимы. Тогда в Арктический институт пришло письмо с фронта от бойца-полярника Тебенкова:

«Дорогие товарищи! Не нахожу слов для выражения горя, постигшего нас: не стало нашего Ильи Гатиева. Осколком авиабомбы, угодившим ему прямо в сердце, он убит папал. Я успел уловить его последнее дыхание, но уж ни слова не смог сказать он, уходя...».

Осенний день свечерел. Но не было тишины ни на земле, ни в небе: сухой треск автоматов, вой фугасок и мин, гуленье моторов...

Небольшая группа красноармейцев — Тебеньков был среди них — поспешно рыла могилу у подножия березы, приметной на опушке леса.

Далеко не каждому убитому в те дни под Ленинградом выпадала честь быть похороненным. Но Гатиева товарищи не хотели оставить без погребения. Мерзлая глина туго поддавалась саперным лопаткам. Неровными были края этого последнего человеческого приюта.

— Готово... Хватит!.. Попрощаемся, товарищи!..

Молча подходили по очереди, молча целовали в руку или в лоб.

Не стыдясь, мужскими слезами плакали Тебеньков и кое-кто из бойцов, завертывая в плащ-палатку неподвижное и непривычно покорное тело своего командира.

— Прощай, друг!..

Быстро вырос желтый могильный холмик. Береза в изголовье. К стволу прибита пилотка. Чуть пониже — надпись карандашом:

«Здесь покоится командир энского подразделения, инженер-геолог, кавалер ордена «Знак почета», коммунист Илья Давидович Гатиев, отдавший свою жизнь за Родину и Ленинград.»

В далекой Сибири поправляется сейчас после тяжелой контузии полярник Тебеньков. Настанет день — и он приведет нас к заветной опушке леса, где-то около Новой Ладogi. Вместе с ним мы отыщем березу, которой было доверено охранять могилу одного из наших лучших товарищей.

МЕДСЕСТРА АЛЕКСАНДРА ЗИМОВЕЦ

ЛЕТОМ 1941 года, в тревожные дни немецкого наступления, многие предприятия и учреждения были эвакуированы из Москвы. Среди сотрудников Главсевморпути, переведенных в Красноярск, уехала секретарь.

машинистка Отдела агитации и пропаганды Политуправления Александра Федоровна Зимовец.

Еще в первые дни войны Зимовец почувствовала, что вся прошлая жизнь отошла куда-то вдаль. Прежние интересы потускнели и потеряли свой смысл. Было еще неясно, как жить дальше, что делать, но все окружающее говорило: нужно перестроить жизнь, связать ее теснее с войной, с судьбой Родины, которой угрожала опасность. Внешне Саша Зимовец оставалась прежней. Никто не догадывался, какие напряженные думы тревожили ее.

Медсестра Александра Зимовец.

Суматоха сборов, предотъездная горячка, потом долгий путь в эшелоне почти через всю страну... Шли на восток платформы со станками и машинами, бесконечные теплушки с мастеровыми людьми. Зимовец остро завидовала им.

Они не походили на беженцев; скорее это была армия, переходящая на новые позиции, чтобы, осев там, на новых местах, продолжать борьбу. А она?

Вначале по приезде она примирилась со своей привычной незамысловатой работой. Знакомые вещи и отношения, перенесенные в новую обстановку, стали какими-то новыми и немного чужими. Но это ощущение новизны и необычности быстро прошло. Переброшенная за много тысяч километров жизнь снова пошла по старой, проторенной дорожке. И вновь возникло гложущее чувство неудовлетворенности и неловкости, словно она пыталась отсидеться от войны, молодая и здоровая, тогда как на фронте такие же молодые женщины совершали подвиги, спасали людей.

Свои обязанности Зимовец выполняла с обычной для нее аккуратностью. Но с каждым днем работа становилась для нее все нестерпимее. Она ловила себя на том, что ставила

себя на место тех героев, о которых писали газеты. А как поступила бы она на их месте? Выстояла бы или нет?

Долго так продолжаться не могло. Зимовец твердо решила уйти на фронт. И решение это не было данью минутной горячности. Обдумав все, она пошла учиться на шестимесячные курсы медицинских сестер.

Как и во все, что она делала, в учебу Зимовец вносила всю свою энергию, настойчивость, страстность и добросовестность. Она вспоминала время, когда сама была учительницей. Как много тяжелых минут приносила ей нерадивость ребят. Ей тогда казалось, что, будь она сама на их месте, она совсем по-иному относилась бы к учебе. И действительно, работая потом в Коммунистическом университете трудящихся Востока и занимаясь на курсах стенографии, в вечернем комвузе — всюду Саша была одной из первых.

На курсах медсестер приходилось учиться без отрыва от производства. После долгого рабочего дня нужно было бежать на занятия, а поздно вечером подготовиться к лекциям. А ведь девушке надо еще и постирать, и пострелять. Зимовец не отступала. Ее назначили старостой группы. Энергичная девушка остро переживала каждый пропуск занятий ее подругами, ходила по учреждениям, воевала там с начальством за своих товарок, требовала, чтобы их не перегружали производственной и общественной работой.

Накануне окончания курсов Зимовец подала заявление в партийную организацию Главсевморпути. Ее приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Незаметно подошла весна 1942 года. В конце апреля медсестра Александра Зимовец выбыла из Красноярска на Северо-Западный фронт.

Потом, работая в полевом госпитале, она частенько вспоминала день, когда за хвостом поезда скрывался перрон Красноярского вокзала, а там все еще мелькали платки провожавших ее товарок. Как непохож был этот путь на запад на то, что еще недавно она пережила.

В госпитале, под бомбежками, после артиллерийских обстрелов, когда снаряды разрывались на территории госпиталя, к ней пришло то чувство внутреннего удовлетворения, которого она так долго не могла найти. Любую опасность и усталость скрапивал благодарный взгляд, это безмолвное «спасибо» бойца, рану которого она перевязала.

В свободную минуту Саша пишет товарищам по преж-

ней работе хорошие, теплые письма. И почти в каждом письме есть просьба о присылке книг—стихов, рассказов русских классиков. Книга на фронте не развлечение, а насущная необходимость. Особенно в госпитале...

Сейчас, в дни великих побед Красной Армии, на страницах мировой прессы часто встречаются пространные рассуждения о «русской душе». Иностранные писатели и журналисты размышляют о «великих силах», о «загадке» и «чудесных свойствах» русского человека, пытаются понять, почему именно в нашей стране фашизм сломал свои стальные когти.

Скромный путь рядовой советской девушки Александры Федоровны Зимовец от секретаря-машинистки Главсевморпути до медсестры полевой госпитали дает ответ на эти вопросы. Страна, судьбу которой люди ощущают как свою собственную, не может не победить.

КАПИТАН БОРИС НИЗОВЦЕВ

В 1928 году незадачливая экспедиция итальянского авантюриста Умберто Нобиле потерпела катастрофу во льдах Арктики. Десятки тысяч радиолюбителей тщетно следили за эфиром, стремясь поймать сигналы лагеря. В числе этих радиолюбителей был шестнадцатилетний юноша Борис Низовцев, живший тогда в городе Котласе Архангельской области.

Молодой радиолюбитель считал бы невероятным, если бы ему кто-либо сказал, что спустя всего лишь 10 лет он сам будет участником выдающейся экспедиции на Северный полюс, будет летать над льдами и за его радиосигналами станут охотиться с неменьшим волнением, чем то, какое он сам испытывал, разыскивая в эфире позывные Нобиле.

Итак, прошло ни мало ни много почти десять лет, и судьба свела скромного радиста с известным полярным летчиком А. Д. Алексеевым. До этого Борис Низовцев окончил в Ленинграде курсы радиотехников, работал начальником

Капитан Борис Низовцев.

радиостанции в Средней Азии, в золотопромышленности, зимовал на Вайгаче, давал «погоду» Водопьянову и Чкалову.

Это было время великих трансполярных перелетов.

В 1938 году Алексеев, после участия в полярной экспедиции возглавил воздушную экспедицию к ледоколам «Седов», «Садко» и «Малыгин», дрейфовавшим на севере моря Лаптевых. Низовцев был радистом флагманского корабля. Алексеев еще раз убедился, что он не ошибся в своем выборе.

Летели с пассажирами в Тикси. Резко ухудшилась погода. Низкая облачность закрыла место посадки на острове Котельном. Единственным ориентиром оказалась полоса прибрежной гальки. Сели неудачно, где-то вдалеке от полярной станции. Отказало радио. Куда идти — неизвестно. Продуктов нет. Вот тогда Борис Низовцев и показал себя. За несколько часов он полностью восстановил радиоприборы и наладил связь. Еще спустя несколько часов с полярной станции Котельного (до нее оказалось всего 20 километров) прибыла собачья упряжка с проводником и продуктами...

Этот эпизод Низовцев считает незначительным происшествием по сравнению с тем, что случилось ему пережить позднее.

В 1940 году Низовцев летал на амфибии «И-207». Однажды, возвращаясь с ледовой разведки в Карском море, самолет попал в густой туман. Решили приземлиться на первом попавшем в поле зрения острове. В тумане было довольно мудрено благополучно посадить машину. Амфибия носом врезалась в воду. Отвалилось одно крыло. Лодка с экипажем пошла ко дну. Тесная коробочка гондолы быстро наполнялась водой. Спасло только необычайное спокойствие,

Любую опасность и усталость скрашивал благодарный взгляд, безмолвное „спасибо“ бойца, рану которого перевязывала Зимовец (к стр. 174).

*В рядах морской пехоты Павел Мегер прославился своими остроконечными разведками. Он не упускал случая привести с собой «языка»
(к стр. 179).*

свойственное полярным летчикам. Низовцев первым приоткрыл люк. Быстро коченея в холодной воде, весь экипаж — летчик, штурман, оба механика и радист — выплыл наверх. На поверхности они ухватились за качавшееся на волнах крыло самолета. С колоссальным трудом, ныряя в ледяной воде, они вытащили из затонувшей лодки клиппербот, сняли радиостанцию, аккумулятор, аварийную мачту. И вот, кое-как добравшись до берега, в отчаянных условиях, мокрый и голодный, Низовцев ухитряется развернуть радиостанцию и установить связь с островом Диксон.

Две недели провел экипаж амфибии на маленьком островке. Потом прилетел на помощь летчик Антюшев.

Не меньшее мастерство проявил Низовцев и в другой раз, уже в начале Великой отечественной войны, в декабре 1941 года. Самолет полярной ночью возвращался с ледовой разведки. Нарастала пурга... Машина потерпела аварию. «Ближайшие» пункты — Амдерма в шестистах километрах и Нарьян-Мар — примерно в двухстах. Попытались идти к Нарьян-Мару пешком — невозможно. Мороз — до 45°. Продовольствия — несколько десятков пачек галет да пара банок со сгущенным молоком. Палаток не было.

И вот, ни на минуту не теряя надежды на спасение, люди организовали лагерь. По очереди дежурили у разбитого самолета. Кабину освещали и отапливали паяльной лампой. Ночью отстреливались от волков.

Трое суток коченеющими на морозе руками Низовцев напряженно налаживал разрушенную радиоаппаратуру. Неудача означала гибель экипажа. Низовцев прекрасно это понимал. После нескольких безуспешных попыток он снял с мотора динамо-машину, спарил ее с двигателем для запуска моторов. Этот своеобразный агрегат позволил передать телеграмму с координатами места аварии. Спустя 6 суток на выручку прилетел летчик Крузе.

Увлекаясь радиodelом, Низовцев не забывал повышать и расширять свою квалификацию. Он учился штурманскому делу. В 1941 году он летал вторым штурманом на самолете Черевичного «Н-243».

Боевое крещение Низовцев получил на тяжелом бомбардировщике во время финской кампании 1939—1940 гг. Финские истребители, попадая под огонь пулеметов Низовцева, предпочитали проворно уклоняться от атаки и удирать во-свои...

Однажды бомбардировщик попал в тяжелое положение. В дневном полете километрах в трехстах за линией фронта над территорией врага самолет настолько обледенел, что вынужден был снизиться на высоту в 600 метров. Каждую минуту машина могла стать добычей финских захватчиков.

Но самолет был в надежных руках. Летчиком на нем шел Мазурук, штурманом Аккуратов. Умело обходя опасные места, они довели машину до аэродрома без единой царапины. Кстати, этот бомбардировщик был тот самый знаменитый «Н-169», что участвовал в воздушной экспедиции на Северный полюс.

В Авиацию дальнего действия Низовцев пришел имея специальности — радиста и штурмана.

Как отличный радист, знакомый по работе в Арктике с международными кодами, он на самолете Пусэпа участвовал в ответственном полете с товарищем Молотовым в Англию и Америку. По возвращении, назначенный помощником штурмана части, он занялся обучением вверенных ему кадров, обучал их радионавигации, тренировал на боевой работе.

Капитану Низовцеву трудно вспомнить все боевые вылеты бомбардировщиков, в которых ему пришлось участвовать. А ведь многие из них имеют все основания быть отмеченными в биографии штурмана.

Однажды на Ленинградском фронте его самолет врезался в зону сильнейшей грозы. Разряды стеной преградили дорогу. Такая гроза могла сломать самолет в щепки. Но обойти грозу не позволяло время боевого задания, рассчитанное с точностью до секунды. Низовцев смело бросился в ущелье, замеченное между двумя грозовыми фронтами. Несколько напряженных секунд, и самолет благополучно вышел к цели.

— Конечно, — говорит Низовцев, — десятка два-три дыры обязательно домой приносим. Но ничего: заштопаем и опять летим. Один раз у нас бензобак пробит. А он возьмёт и не протеки. С протектором летаем. Затянуло. Отбомбились, как полагается. Так и летаем!..

ЗЕМЛЯ ПАВЛА МЕГЕРА

(Рассказ журналиста)

ЗИМОЙ 1942 года, когда немцы бешено рвались к Мурманску, на подступах к городу пал смертью храбрых Павел Власович Мегер — Герой Советского Союза. Участник знаменитого дрейфа ледокольного парохода «Г. Седов». В морской пехоте, куда он пришел добровольцем как рядовой краснофлотец, Мегер прославился своими дерзкими разведками и вылазками в тыл врага. Он не упускал случая привести с собой «языка»...

В январе 1940 года после двухлетних странствований во льдах Северного Ледовитого океана вернулись на Большую Землю 15 моряков, героический экипаж корабля «Георгий Седов». Всем пятнадцати морякам Правительство присвоило звание Героев Советского Союза. Прямо из Мурманска они приехали в Москву. Столица встретила их цветами. Советский народ чествовал их. После многих месяцев мытарств и тяжелых трудов пришли заслуженная награда и отдых...

Да, они, конечно, устали. И не только от напряженной работы, но от арктической тишины, от одиночества. Теперь им хотелось пожить на Большой Земле, хотелось побыть в кругу своих семей. После встречи с руководителями Партии и Правительства в Кремле, после того, как они побывали в гостях у рабочих крупнейших предприятий Москвы, седовцы думали разъехаться по домам. Но...

— Работа не окончена, — сказал им руководитель Главсевморпути И. Д. Папанин. — Вы дрейфовали во льдах не для себя, а для всего советского народа. За три года вы собрали массу ценных наблюдений. И то, что вы пережили, то, что каждый лично перечувствовал, — все это вы должны теперь припомнить и записать. И сделать это надо не откладывая, пока память бережет подробности. Сегодня вечером машины отвезут вас в подмосковный дом отдыха «Братцево». Там в течение нескольких дней вы будете рассказывать писателям и журналистам о своей работе и своих приключениях.

Мне было поручено записать рассказы повара экспедиции, молодого моряка комсомольца П. В. Мегера.

*Герой Советского Союза
Павел Мезер.*

Дом отдыха «Братцево» стоит в стороне от железной дороги. Он окружен еловым лесом, там тихо и очень покойно. Однако живой, веселый, темпераментный одессит Мезер или, как все его называли, Паша меньше всех хотел покоя.

— Послушайте меня по секрету, — сказал он, как только мы познакомились. — разве я отказываюсь работать? Ничего подобного. Но в Москву из Одессы приехала моя дорогая. Я имею в виду жену. Мы поженились за год до дрейфа, и теперь считается, что она уже четыре года замужем. Она скучает в Москве, а я скучаю в Братцево. Давайте без шума уедем сейчас в Москву, и там, я вам клянусь, мы будем работать еще лучше...

То-есть меня не станет глотать тоска...

Бегство из Братцево не состоялось. В тот же вечер мы сели работать. Паша был очень хмуро настроен. Он пытался свалить свое настроение на ужин:

— Разве можно вспомнить что-нибудь после такого ужина? Конечно, соус был на высоте, но отбивные... Любой корабельный кок сделает вам отбивные в миллион раз лучше. Я, если хотите знать, не повар. Я кочегар, но мой отец был коком, ходил двадцать лет Одесса—Владивосток и обратно. Так что не сомневайтесь, я видел, что такое настоящая кухня. Поверьте, я и сам делал на «Седове» отбивные из белой медведицы, дай бог каждому на праздник!

Он говорил в этот вечер о чем угодно: о хоккейном матче «Спартак» — «Динамо», о превосходстве пояса в сравнении с подтяжками, о лондонских туманах и японских банях, но о дрейфе «Седова» он говорить не пожелал или, если ему поверить, не смог.

Утром, до завтрака, я выглянул в окно. За ночь выпал

снег. Деревья стояли совершенно белые; кустики, обрамлявшие аллен, походили на сугробы, а самых аллей и вовсе не было видно. Еще только светало. Из кухни доносился звон посуды и лязг ножей. В саду никого не было. Только я собрался повернуться на другой бок, чтобы заснуть еще на полчаса, как вдруг из-за угла дома появилась фигура моряка в бушлате. Он был без шапки. По волнистой беспорядочной прическе я узнал Павла Мегера.

Утопая по колено в снегу, корабельный повар углубился в сад. Он прошел шагов пятьдесят, оглянулся на дом и, вероятно убедившись, что никто за ним не следит, принялся ногами разрывать снег. Минуту спустя он так увлекся, что стал помогать руками, потом достал какой-то блестящий предмет, кажется снял с пояса большой нож.

«Что он там закапывает?» Я был заинтригован. Мегер вскоре разогнулся, положил что-то в карман и в несколько скачков вернулся к дому.

В десять утра, сразу после завтрака, стенографистка и я ждали его в отведенной для работы комнате. Мегер задержался. Я хотел уже было идти на поиски, как вдруг услышал звуки рояля. Кто-то пытался разыграть начало венгерской рапсодии Листа. Бросив лирическое вступление, пианист перепрыгнул в мажорную часть и, надо сознаться, вложил в нее если не мастерство, то настоящую страстность.

— Паша, отставить! — крикнули с антресолей.

По окажшему говору можно было безошибочно узнать боцмана «Седова» архангелогородца Буторина.

— Не мешай, Паша, работать.

— Есть не мешать работать, — пробурчал Мегер.

С шумом захлопнув крышку рояля, он пошел мне навстречу.

Мы уселись у стола, стенографистка обмакнула перо в чернила. Минуту спустя она повторила это движение; чернила снова высохли. Павел Мегер молчал. Он даже не отвечал на вопросы. Лицу своему он придал преувеличенно задумчивое выражение.

— Скажите, Павел Власович, а что это вы зарыли сегодня утром в снегу?

Мегер не изменил своей позы, он даже попытался сохранить прежнее выражение задумчивости, но краска поползла по его лицу от шеи и вскоре залила уши, виски и лоб.

Мне пришлось повторить вопрос. Я сделал незаметный знак стенографистке. Она записала ответ и он потом вошел в книгу, которую мы вместе сделали.

— Некоторые моряки считают, — медленно сказал Мегер, — что грубость обязательна для морского волка и надо быть равнодушным ко всем красотах природы. Они думают, что при виде желанного берега слово «Ах!» вырывается только у неопытного юнги или у слишком чувствительного пассажира. Я был убежден раньше, что это мнение южных моряков, но архангельские и мурманские ребята еще глубже прячут свои чувства и смотрят на красивые виды и родную землю без восторга. Конечно, это притворство. А мне как моряку, любящему рисовать, трудно притворяться равнодушным. Наоборот, я подолгу любуюсь красивыми видами, чтобы потом лучше их изобразить.

Это было предисловие, после которого опять наступило длительное молчание. В конце-концов Мегер все-таки признался. Он вынул из кармана горсть темной, мокрой, оттаявшей в комнате земли. На этот раз он сказал очень коротко:

— Земля!

Три года он не видел земли. В Мурманске, где седовцы высадились на берег, все было покрыто снегом. И по дороге в Москву тоже все было заснежено. В городе он увидел асфальт, булыжники мостовой, но земли и тут не нашел. А ему очень хотелось увидеть, потрогать, взять в руки настоящую землю. Но он стыдился своего чувства. В это утро по секрету от товарищей он пошел в сад, разрыл снег и ножом вырезал кусок мерзлой подмосковной земли.

Я обещал ему сохранить его признание в секрете, хотя и не понимал, почему он так настаивает на этом.

Позднее я узнал его лучше. Это был мечтательный, немного сентиментальный, романтически настроенный и несомненно одаренный человек. Кроме того, он был очень мнителен. И больше всего на свете он боялся обнаружить перед товарищами свою впечатлительность.

Признание, на которое он в то утро решился, помогло ему разговориться. Он притащил свой дневник и альбом — 83 карандашных рисунка; некоторые из них были раскрашены. Рисовал Мегер во время дрейфа. Он попытался дать картину всей жизни седовцев: подробности быта, самодельное оборудование, инструменты. Он зарисовал и корабельную баню, и праечную, и плетение сулеймастры, и нара-

шивание троса для измерения океанских глубин, и охоту на медведей, и демонстрацию в день XXI годовщины Октябрьской революции на 85-й параллели.

Он смотрел на свои рисунки, вспоминал и рассказывал. Стенографистка еле успевала записывать. Так создавалась книга, которая потом была опубликована в журнале «Молодая гвардия».

Я принимал участие в создании и редактировании этой книги, не мне судить о ее достоинствах и недостатках. Но в процессе работы я познакомился и подружился с советским моряком Павлом Мегером, обыкновенным и в то же время особенным, простым и сложным, дерзким и застенчивым. При всех противоречиях своего характера это был цельный человек.

Его биография несложна и очень типична для молодого моряка. Вот, как он сам о себе рассказывал:

«Из газет многие люди знают, что я повар. Но это не совсем правильно. До дрейфа на «Седове» я ничего общего с этой профессией не имел. Теперь я, конечно, повар, потому что умею варить, жарить, сделать фрикадельки, испечь пирожное «полярный наполеон» и приготовить компот из любых фруктов — пускай это будут бананы или ананасы, или просто сушеные яблоки. Но я умею делать и еще кое-что. Моряк должен стараться все уметь.

Одесские мальчуганы с пятилетнего возраста плавают в море и приобретают такой навык, что могут нырять в глубину и доставать застрявшие в водорослях крючки рыболовов. К десяти годам, уплывая в море, они не оглядываются и не спрашивают, какого мнения о них родители.

И в моей детской жизни гораздо больше времени занимало море, чем помощь маме по хозяйству. Зато мы с дядькой приносили домой много бычков и камбалы.

Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я и еще трое таких же мальчуганов наняли шаланду, на несколько недель ушли в сторону Очакова за скумбрией.

В те дни часто штормило и дома нас уже похоронили. Это было неверно. Мы не только остались живы, но еще привезли шесть тысяч штук скумбрий. Часть мы продали. Помимо всего прочего я купил себе красную рубашку и явился в ней на порог квартиры, как привидение с того света. Все были рады. Я доказал, что правильно провожу каникулы и сам умею вести борьбу с опасностями.

Отец плавал поваром на «Трансбалте». Он вернулся и

объяснил матери, что такие ребята, как я, в море не пропадают.

Подошло время и в 1928 году отец велел мне идти в школу юнг. Он купил мне лаковые туфли. И я стал взрослым.

В 1930 году я окончил школу юнг и меня послали на практику. Я обивал ржавчину с борта парохода «Крым». На борту была не только ржавчина, но еще и ракушки. Они налипли на обшивку корабля в двух морях. Мне очень захотелось побывать за границей — увидеть все своими глазами. Я старался, объявил себя ударником. Мое стремление поняли и назначили матросом.

С тех пор я моряк. Я видел иностранные города, штормы, разные дни и ночи и тропический дождь и, наконец, северное сияние во льдах.

Сперва я плавал по южным морям. Во время жары в Индийском океане я работал кочегаром и получал от командования премии за экономию угля. Но интересовался я не только кочегаркой. Я смотрел за борт, как всходит и заходит солнце в разных местах мира и как живут люди. Я видел красивое и некрасивое и многое из этого рисовал себе на память.

Почему я попал с южных морей на Север? Все связано с тем, что мы моряки — люди, которые не любят подолгу сидеть на одном месте. У нас моряков, которые подолгу сидят дома, называют «бичами». Это, если объяснить по-русски, потому, что они привязаны к берегу вроде как бечевой. По-английски «бич» означает: берег.

Я родился в Одессе, жил там долго и все мои родственники и близкие друзья — на Черном море. Я побывал в Турции, в Греции, в Италии, в Египте, в Японии, но всякий раз возвращался в Черное море, в Одессу. После женитьбы я некоторое время работал на берегу, на крекингзаводе кочегаром. Я неплохо работал и даже имел изобретение: приспособление для чистки котла на ходу.

Дома все шло, как надо в хорошем молодом семействе. Но у меня был друг на Севере. Он мне писал из Мурманска. Он уже работал там и плавал в Карское море и в море Лаптевых, а я никогда не видел настоящих льдов. Я читал про айсберги, про торосы и ропаки, но мне хотелось увидеть их глазами.

Жена и друзья проводили меня на вокзал, я уехал в Мурманск. Это был незнакомый город, но там требовались моряки. Когда я в 1933 году в Бремене принимал с коман-

дой пароход, который потом называли «Охотск», то за месяц, пока мы там жили, я насмотрелся, как моряки ходят безработными. Там «бичевали» по несколько лет. А когда я приехал в Мурманск, отдел кадров «Рыбтреста» устроил мне экзамен. Мне дали лист бумаги, я начертил все правильно, как полагается кочегару первого класса.

В тот же вечер меня послали дежурить. В море шли тральщики. Людей нехватало. Меня определили на «Рыбец». Это было рыболовное судно.

В море мы работали три месяца. Делали каждый месяц по рейсу. Ловили треску и вообще разную рыбу. Рыбы мы привозили много. Сдавал я кочегарку с товарищами на «отлично». Работать бы и работать на «Рыбец».

Но тут я узнал, что Главсевморпути набирает людей на «Ермак»...

Павел Мегер перешел работать на ледокол «Ермак». Ему так хотелось пойти в ледовое плавание, что он согласился поступить камбузником, т. е. рабочим по кухне: в машинной команде мест не было.

«Ермак» уходил в Арктику, чтобы вывести из льдов моря Лаптевых застрявшие там ледокольные корабли: «Малыгин», «Садко» и «Седов». Могучий ледокол, преодолев все преграды, подошел к дрейфующему каравану...

«По радио нам сообщили, — рассказал Мегер, — что у них нехватает людей, что они не справляются с машинами. На «Ермаке» стали спрашивать, кто хочет перейти к ним. И тогда мы, камбузники, дали согласие перейти в кочегарку. Вот что мы написали в нашу печатную газету «Сквозь льды»:

«Все члены экипажа ледокола «Ермак» отлично понимают, что сейчас решается успех операции по выводу судов каравана «Садко». Поэтому, узнав, что в кочегарке не хватает кочегаров, что это может отразиться на работе ледокола, мы не раздумывая, решили стать к топкам...

Камбузники Мегер, Гетман.

Уборщик Дьяков».

А еще через несколько дней, когда было решено один из кораблей каравана — «Георгий Седов» — из-за неисправности оставить дрейфовать во льдах, Мегер тотчас же предложил свои услуги: пусть его направят в команду «Седова», он будет дрейфовать вместе с другими четырнадцатью моряками. Его послали поваром.

Назначая Мегера на эту должность, командование зна-

ло, что он впервые берется кормить людей. Но у него все же был, хотя и небольшой, опыт работы на кухне, и отец его работал коком.

Мегер рисковал. Он должен был не только варить обеды, но и печь хлеб. Кроме того перед ним возникли особые трудности: из пятнадцати седовцев только он и еще один моряк Гетман были черноморцами. Никогда еще они не работали в условиях полярной ночи. Никогда им не приходилось встречаться с морозами и дикими ветрами Арктики.

Те, кто захочет подробно узнать, как Мегер стал поваром, как он стал настоящим полярным моряком и получил признание своих северных товарищей, пусть прочтут «Альбом повара».

Он вернулся из дрейфа все таким же веселым, темпераментным и разговорчивым южанином. Но северный поход его закалил, научил переносить без жалоб морозные вьюги, тяжелая физическая работа укрепила его мышцы. По это еще не все. Павел Мегер — одессит и черноморец — любил Север и северных людей и суровые каменистые берега этого далекого края.

После дрейфа он, как и большинство седовцев, стал учиться. Временно поселился в Москве. Он был студентом мореходного техникума, когда немецкие фашисты вероломно напали на Советский Союз. В тот же день Павел Мегер подал заявление в военкомат с просьбой направить его в Северный флот. Кочегар первого класса и корабельный повар с трехлетним арктическим стажем, он был хорошо подготовленным бойцом: умел обращаться с винтовкой, пулеметом и автоматом.

Мегер любил Советскую землю, любил море и жизнь. Защищая Мурманск от немецко-финских фашистов, он храбро дрался и, раньше чем его достала вражеская пуля, он уничтожил немало захватчиков.

Павел Мегер был моряком. Он обошел всю Советскую землю, он хорошо знал ее, любил ее и заслужил звание Героя Советского Союза еще в мирные, спокойные годы. Он хорошо защищал родную землю и погиб, как герой.

БОЕЦ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ИВАН СКЛЯР

ХИБИНСКИЙ массив, леса Карелии, побережье Белого моря для геолога — настоящая сокровищница. Недра земли здесь щедро отдают человеку лучшие свои дары. Встретишь апатит — так уж целые горы! Слюда лежит гигантскими пластинами. Блоки полевого шпата — величиной с полкомнаты. Золотые звезды астрофиллита, кристаллы граната, турмалина, эгирина — все здесь выросло до гигантских размеров, все приковывает взгляд исследователя, чаруя красками, очертаниями, волнуя фантазию перспективами.

В 1928 году на Хибинах еще только зарождался город, который носит теперь имя Кирова. Горы стояли в своей нетронутой девственной красоте, и только молоток геолога нарушал покой ледниковых долин.

Скляр пришел сюда студентом Ленинградского университета. Уроженец кубанских степей, он не сразу привык к лесу, горам, к сугробам снега под июльским солнцем. Но, привыкнув, полюбил все, что увидел, и навсегда, бесповоротно отдал себя Северу.

Так стал полярником Иван Андреевич Скляр — геолог Института по изучению Севера.

В течение ряда лет исходил он и Хибины и Карелию, открывал месторождения, тонул в ледяных волнах Белого моря, один-на-один встречался с хозяином дремучих карельских лесов — бурым медведем.

Тем временем институт, деятельность которого пока не выходила за пределы Европейского Севера, вырос в Арктический институт. Выросли и его задачи. В 1931 году институт впервые перешагнул через Урал и послал экспедицию в самый дальний северо-восточный угол Союза, в Анадырско-Чукотский край. Иван Андреевич Скляр поехал начальником одной из геологических партий.

На карте мелкого масштаба река Анадырь выглядит пигмеем перед такими реками Сибири, как Енисей или Лена. А на самом деле эта река более чем на тысячу километров протянулась от истоков до Берингова моря, и ширина ее в нижнем течении измеряется километрами. Анадырь собирает и несет в океан воды многих рек обширного и богатого края, на территории которого без труда могли бы уместиться несколько европейских государств. Здесь нашли себе место

*Боец народного ополчения
Иван Скляр.*

лихорадка, Анадырский край оставался неведомой землей. О ее несметных, хотя и не виденных никем сокровищах ходило немало легенд. Сюда, «на край земли» был сослан царским правительством ученый этнограф — Богораз-Тан. Его чукотскими рассказами до сих пор зачитывается молодежь. Но на геологической карте бассейн Анадыря попрежнему оставался «белым пятном». Одна единственная экспедиция побывала здесь до революции. Геолог Полевой проехал по наиболее крупным рекам. Водораздельные пространства остались неизученными. С тех пор до 1931 года геологи Анадырь не посещали.

Величайшим счастьем владеет человек: он видит, слышит, осязает мир, раскинувшийся вокруг него. И как счастлив бывает тот, кому дано не только созерцать, но и действовать, чей труд одухотворен идеей освоения.

...Их было двое на краю утеса, возвышающегося над мо-

под солнцем горные хребты, вершины которых уходят за облака; леса, полные трав, ягод и зверя; в широких долинах рек на богатых пастбищах пасутся стада оленей. Ближе к морю — беднее природа, пустынное тундра. Но реки полны рыбой, а в тундре обитают песец, медведь, заяц, полярная куропатка. Сколько простора, света и красок!..

История освоения края полна преданий о его первооткрывателях — казаках. Здесь Семен Дежнев встретил воинственное племя чукчей. Немало было положено трудов, пока этот край не был освоен. Но попрежнему недра гор были скрыты от человека. В то время как на соседней Аляске разгоралась золотая

гучей полноводной рекой. Они вглядывались в окружающую панораму, раскинувшуюся перед ними и... делили между собой эти горы, долины, холмы...

— Ты пойдешь на север и на восток, а я двинусь на запад. Может быть удастся перевалить через Анадырский хребет, к Колыме.

Так и порешили: Николай Меньшиков, начальник экспедиции, должен был пойти к истокам Анадыря, а Склярю досталось левобережье, к востоку от реки Белой.

Были оба молоды, хотя у Николая седина наполовину покрыла голову, напоминая о пережитом в мальчишеские годы, отданные гражданской войне и комсомолу. Оба вкладывали в порученное им дело всю свою энергию, неизрасходованную горячность своих двадцати восьми лет.

Они разошлись — каждый по своему пути, с тем чтобы встретиться через год. Но почти три года пришлось им ждать этой встречи.

Это была нелегкая задача — проникнуть в сердце гор. Пришлось научиться ездить на собаках и на оленях, разговаривать по-чукотски, жить и кочевать с чукчами.

В те годы экспедиции еще не были снаряжены так, как это вошло в практику более поздних лет. Уходя в горы, маленький коллектив на долгие месяцы отрывался от жилых мест. Не было ни радиопередатчика, ни механического транспорта. Экспедиция должна была пройти тысячи километров труднейшего пути. И случись что-нибудь — неоткуда было ждать помощи. Больше чем когда-либо от начальной организации, от продуманности плана зависел удачный или, наоборот, трагический исход задуманного маршрута. Каждый в такой экспедиции должен был уметь делать все, чего требовал момент. Лицом к лицу с непокоренной природой необжитых пространств человек проверял свои качества. Именно здесь открывались его подлинные силы.

Именно здесь Скляр сумел зажечь своих спутников тем чудесным огоньком вдохновения, который не дает человеку покоя на пути к намеченной цели. Не будь этого огня, как можно вынести все лишения, которыми наполнены дни и ночи путешественника тех лет?..

Маленькая группа советских людей прокладывала себе путь ценой огромных усилий. И она не только не унывала, но проносила с собой по тундре, через чукотские стойбища и молодое веселье и крепкую дружбу. Беззаботная песня не

раз оглашала безмолвные снежные поля. Где-нибудь на труднейшем перевале кто-нибудь начинал дразнить эхо — и вот уже забыта усталость, и вот уже все начали перекликаться. Звуки несутся по ущельям, встречаясь, дробятся каскадом слов. Человеческий голос становится неузнаваемым. Многоголосые раскаты уходят вдаль и много времени спустя возвращаются чуть слышным отзвуком...

— Это Меньшиков шлет нам привет, — шутил Скляр.

Неписанный договор — кто сделает больше, заключенный им с Николаем, не давал никому успокоиться на достигнутом.

Так они шли через долины и горы, и там, где пролегал их путь, по белому пятну карты разбегались линии рек, вырастали очертания рельефа и условные геологические обозначения. Каждый прожитой день давал ощутимые результаты. И сами они — молодое советское племя — росли и крепили, как росла и крепла их уверенность в удачном исходе экспедиции.

Когда маршрут был закончен и Скляр со своим отрядом стоял на борту парохода, отходящего на Большую Землю, он сказал, вернее — подумал вслух:

— Я еще вернусь сюда!.. Скоро вернусь!..

В это время Меньшиков далеко в горах принял решение остаться еще на полтора года — его путь оказался вдвое длиннее...

Через несколько лет они вернулись оба — Скляр на северное побережье Чукотки, Меньшиков — в низовья Колымы. Как и в первый раз, расставаясь, заключили они неписанный договор дружбы и соревнования.

И снова зимовка, снова лицом к лицу с неизвестным стоял Скляр — Андрейч, как привыкли его называть окружающие. В который раз предстояло ему это неизвестное! Но он знал: ни он, ни его товарищи по работе не уйдут отсюда, пока не завершат порученного им дела.

Приближалась весна, а с нею выход на полевые работы. Все было готово, но Скляр внезапно заболел. Прошла неделя, другая — болезнь не выпускала его из постели; а за окном светило ослепительное мартовское солнце. Один за другим отряды расходились по своим районам. База опу-

стела и в ней томился больной, исхудавший, обессиленный человек. Не видно было конца этой болезни!

Скляр то принимался аккуратно глотать лекарства, то вставал, бродил от окна к окну, вызывал к себе завхоза и в который раз допрашивал его: куда какие грузы заброшены, как чувствуют себя рабочие, проверена ли обувь?

— Лежи, Андреич, смирно. Ну куда ты торопишься? Еще наверстаешь свое, — уговаривал его завхоз, хотя и он знал: пора, самая пора уходить в горы по санному пути.

Начнется распутица — просидишь до половины лета, ничего сделать не успеешь, а там уж и осень, и пароход придет.

Однажды вечером созвал Скляр свой отряд и объявил:

— Завтра выезжаем. Встать не позже пяти утра...

Выслушали, посмотрели на решительное, незнакомое в своей худобе лицо — смолчали. Не смея ослушаться, встали с рассветом. Глядят — Скляр одет по-дорожному, проверяет уязвленные нарты.

Тронулись в путь. Сначала не спешили, надеялись, жалея: авось одумается, повернет назад. Но когда Скляр пошел на своей нарте передовым — пришлось нагонять. На первом привале лежал он, закрыв глаза и стиснув зубы. Полежал, отошел и снова в путь! На другой день не смог встать. А на третий — опять шел передовым, торил дорогу по уброду.

Так и пошел в маршрут. Постепенно повеселел, стал снова тем Андреичем, которого так любили и ценили товарищи за самозабвенную работу, за драгоценное умение ладить с людьми, за веселый нрав, умение ориентироваться в любой обстановке, за большую его, почти детскую застенчивость.

План геологической съемки в то лето он выполнил на 140 процентов; а когда вернулся на базу, начальник увидел его забинтованные ноги:

— В чем дело?

— Да так, разболелись немного...

— А ну, покажи!..

Посмотрел и ахнул: как с такими ногами, покрытыми глубокими ранами, мог ходить человек? А вот ходит и работал, да еще не раз и певал у костра свою любимую:

«Распрягайте, хлопцы, кони...»

Годы шли. Наступил 1938 год, когда Ленинград готовился к выборам в Верховный Совет.

Арктический институт развернул работу на избирательном участке.

Здесь со всей полнотой открылась другая сторона деятельности натуры Скляра. Едва он появлялся в агитпункте — веселое оживление поднималось вокруг. С каждым он успевал поговорить, условиться по поводу очередной лекции или беседы, распределить поручения. Так разносторонняя и кипучая была плодотворная его деятельность, что нельзя было не порадоваться его успехам. Он организовывал культпоходы, поездки по загорсным достопримечательным местам, умело сочетал агитационную и культурно-массовую работу. Его избирательный участок был на лучшем счету в районе — все там было и ко времени и на месте...

В 1940 году он понял: вся его предыдущая жизнь, работа на Севере подряд в течение 12 лет — все это было подготовкой к тому незабываемому дню, когда за его принятие в кандидаты ВКП(б) единогласно проголосовала вся парторганизация Арктического института. Это было, итогом большого отрезка жизненного пути. Он оглядывался назад и в веренище прожитых лет почти не находил дней, не отданных им Родине сполна. Значит, не зря прожиты эти годы, значит, недаром одним из его поручителей был Николай Меньшиков: кто как не он знал трудности его пути...

Весна 1941 года была в Ленинграде дождливой и холодной. Зато утро воскресенья 22 июня выдалось на редкость теплым и солнечным. Скляр с друзьями поехал за город. Когда он садился в вагон, праздничное настроение ощущалось во всем: в веселых лицах, букетах на перроне, звонких ребячьих голосах и в потоках солнечного света, заливавших зеленеющие поля, по которым проносился петергофский поезд.

Не знал он, что в эти часы черная смерть уже вступила на солнечные земли Белоруссии и Украины, что Одесса, Киев, Минск, Вильнюс уже оплакивали первые свои утраты. Нет, он не знал этого, как не чувствовал и того, что и над

ним, и над царственной красотой Петергофа уже занесена вражеская рука...

Вечером он не узнал города. Лицо Ленинграда стало серьезным и торжественным, хотя так же светило вечернее солнце, так же цвела сирень в корзинах продавщиц, так же ярки были платья девушек. Но даже и дети притихли, вместе со взрослыми толпясь у репродукторов.

Иван Андреевич вошел в свою комнату. Вот письменный стол, который он вместе с женой купил с месяц назад. На столе — моржовый клык с Чукотки, кристаллы карельского граната. На стене — рога оленя из хибинских тундр. Все на своих местах. И все сразу утратило свое значение, стало ненужным... А ведь это была жизнь, вся его жизнь! Ее нельзя было вычеркнуть, пока он жив. И все кругом говорило: пока ты жив, дерись и за свою и за другие жизни, за солнечный свет, оплодотворяющий землю твоей Родины, дерись за Родину.

Первое время его оружием в борьбе с врагом была лопата и кирка. Во главе бригады землекопов он был послан на дальние подступы к Ленинграду — в район станции Батецкой. Там пришлось работать на переднем крае, рыть окопы и укрытия вместе с бойцами Красной Армии.

Кто из ленинградцев не помнит августовских дней 1941 года? Тогда каждый говорил себе:

— Враг не должен быть в Ленинграде — он не пройдет в Ленинград!..

В те дни для ленинградцев, привыкших чувствовать себя участниками мирного строительства, лопата стала символом борьбы и воли к победе.

Много ленинградцев погибло на оборонительных работах. Многих покалечило. Многие живые носят сейчас на груди эмблему непокоренного города — медаль за оборону Ленинграда. И сколько из них берегут ту лопату, с которой начинали свой страдный фронтной путь...

О том, как работал Скляр, как ободрял уставших, как учил беречься при налетах вражеских самолетов, рассказывали товарищи. Рассказали они и о том, как однажды он вывел свою бригаду из-под шрапнельного обстрела, как в другой раз ночью, руководя вверенным ему десятком смельчаков, по поручению командования одной из воинских частей он прошел через лес за линию боевого охранения и отрыл окопы под носом у врага.

Все это было, и все это было нужно. Но настало время, когда из недр Ленинграда поднялась новая могучая волна — народное ополчение. Рабочие от станка, сотрудники торговых и иных предприятий, служащие, научные работники, студенты — все шли в ополчение, на фронт, шли плохо вооруженные, плохо обученные. Мало времени оставалось для учебы. Но вместе с ними шагала несокрушимая боевая сила — с ними на фронт шагала ненависть!..

Эти плохо обученные, плохо вооруженные люди смогли задержать натиск вооруженного до зубов врага.

Равнодушному зрителю, владеющему лишь логикой рассуждений, не понять этого — для него это было чудом. Но нам, пережившим до конца боль страдающей Родины, в этой победе нет ни тайны, ни чуда. Мы сами провожали на фронт наших близких, мы сами говорили им нужные последние слова, сами слышали их воинскую клятву.

И мы знаем, что не силы небесные помогли им умирать, не сдаваясь и побеждая сильнейшего, а земная огромная, беспредельная любовь к свободе, к Родине и такая же безграничная ненависть к врагу.

Мы не звали немца воевать на нашей земле. Мы были счастливы, и дети наши, которых теперь уж нет с нами, жили беззаботно, вырастая, как цветы. Он пришел, незванный, проклятый до десятого поколения враг. Так получай сполна!..

Куйбышевский райком Ленинграда организовал ополченцев-коммунистов в особую часть. В пилотке, солдатском обмундировании Скляр чувствовал себя настоящим бойцом.

С трепетом он следил за тем, как сжималось кольцо блокады и на улицы города выходил страшный призрак голода. Все бледнее делались лица родных и все нетерпеливее становились они — вчерашние мирные граждане города Ленина. Скляр был, как все, он хотел поскорее воевать «по-настоящему». Ему мало было того, что во время бомбежек его часть тушила пожары, выносила раненых, разбирала завалы. Бомбежки повторялись изо дня в день и по многу раз в день. Работы было хоть отбавляй. Все это было нужно, но руки рвались к винтовке: нужно было видеть врага, убить его, зримого и ненавистного.

Уходя на фронт, Скляр оставил жену, ожидавшую

ребенка. Как он хотел и ждал его, обязательно мальчишку! И вот — война. В короткие побывки, оставаясь один в комнате, он тихонько открывал буфет. Пусто. В кухонном столе, он знал, лежит крупа. Но как ее мало! Входила жена, и он шутил с нею. Уходя, он всякий раз обещал скоро быть. А сам думал: скорее бы «туда»! Скорее прорвать блокаду — иначе... Страшно было подумать, что станет с городом, если будет «иначе».

Так и в последний раз, уходя, он обещал быть не позже воскресенья. Но в воскресенье, когда жена ждала его с минуты на минуту, радуясь каждому звонку и огорчаясь всякий раз, когда в двери входил не он, Скляр шагал в рядах колонны, которой назначено было с хода вступить в бой. Они дошли до места, к устью реки Тосны, и приняли бой — первый бой.

Это было седьмого — восьмого ноября 1941 года — дни и ночи жестоких бомбежек. Немцы устраивали «праздничную иллюминацию» и забрасывали город листовками, предлагая ленинградцам сдаться, и притом немедленно. Голубое пламя электронных зажигательных бомб освещало улицы, и даже пламя пожаров казалось бледным и немощным в этом ослепительном сверкании. На крышах и улицах дежурили ленинградские женщины и ребяташки. Соревнуясь, кто больше, они тушили этот блестящий фейерверк.

Жестокие бои шли за окраиной Ленинграда. Это были страшные, решающие дни... И в пламени пожаров и дыму сражений исчез без следа, будто растаял Иван Андреевич Скляр...

Только годом позже его семья получила извещение: «стрелок-красноармеец Скляр Иван Андреевич пропал без вести...».

«Пропал без вести»... Значит, можно ждать? И ждут на далекой Кубани бойца-ленинградца его жена и мать. Кто знает, может быть, и впрямь вернется он, как возвращаются из небытия другие, вернется опаленный пламенем боев, принявший полную меру страданий и непередаваемой радости побед?..

Он придет и созовет своих друзей, совсем так, как бывало раньше. Где вы, геологи, бойцы и командиры? Я жду вас, — скажет он. — Жду, чтобы вместе с вами поднять бокал

за настоящее, прошедшее и будущее. Нам есть о чем вспомнить, друзья!..

И придет Николай Меньшиков. Он расскажет о том, как с кинжалом в руке и наганом у пояса партизанил в лесах Ленинградской области, снимая вражеских часовых, о том, как взлетали на воздух мосты и склады с боеприпасами. Он расскажет о том, как позднее комиссаром на ледяной ладожской трассе он провожал каждую машину с продовольствием, идущую «туда», о том, как лежал на льду и лед крошился от взрывов фугасок. Он лежал и думал, что все равно выживет, должен выжить. И выжил!..

Придет, опираясь на костыли, Василий Прокофьевич Теньков, старший геолог, улыбнется своим друзьям, сядет молча у стола — он заново учится говорить после контузии.

Войдет шумный Борис Ткаченко, прошедший с боями от Ленинграда до Крыма. Может быть и Ваня Рыскуков придет, — тот, что пропал без вести под Ораниенбаумом...

Немало еще места за столом. Но уж не дожидаться им ни Бориса Чернышева — молодого, талантливого ученого, погибшего от вражеской мины, ни Коли Мутафи и его друга Войцеховского — голод унес их в раннюю могилу, ни Ильи Гатиева, принявшего смерть храбрых. За них, отсутствующих, поднимут собравшиеся второй свой бокал.

Недалек уж тот час, когда войне придет конец. Как нельзя смотреть на солнце, так не может сейчас издали человеческий разум ощутить сполна это грядущее торжество. Но гул последнего, победного салюта будет слышен по всей нашей земле, и, внимая ему, живые вспомнят о погибших без горечи — ибо давно уже наполнилась до краев чаша страдания, ни одной капли не может она более вместить. С благодарностью мы вспомним их имена — это они своею кровью вернули нам бессмертную радость человеческого бытия...

В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КОНТР-АДМИРАЛ ПАПАНИН

В ДНИ Отечественной войны Иван Дмитриевич Папанин награжден третьим и четвертым орденом Ленина. Ему присвоено военное звание контр-адмирала. На посту руководителя работ особой государственной важности «хозяин Северного полюса» неумоимо выполняет свой долг патриота и коммуниста.

Война застала Ивана Дмитриевича за деятельной подготовкой к очередной арктической навигации. Арктика не могла остаться и не осталась в стороне от войны. Привычные порядки мирных дней были сразу сданы в архив. Пришлось находку менять планы, заняться военным обеспечением арктических коммуникаций, военизировать, ледокольный флот, перестраивать предприятия Северного морского пути на обслуживание нужд фронта. Папанин работал почти без отдыха, не давая покоя ни себе, ни своим сотрудникам.

И, несмотря ни на что, корабли во-время вышли из портов. Продовольствие, машины и оборудование были доставлены по назначению. Осенью, как обычно, пароходы вернулись на Большую Землю с грузом игарского леса, арктического угля, рыбы и пушнины.

С первых дней войны в московском кабинете Папанина на одном из диванов была устроена походная постель. Дни

и ночи Папанин проводил на работе. Он позволял себе лишь передохнуть только на 2—3 часа, когда солнце уже восходило над Москвой.

По несколько часов в день он проводил на радиоцентре у ключа.

За годы, проведенные в Арктике на зимовках и в плаваниях, он в совершенстве изучил все коварство арктической природы. Это позволило с максимальной оперативностью руководить арктической навигацией. Не вмешиваясь в оперативные распоряжения штабов морских операций и не подменяя их, Иван Дмитриевич внимательно следил за тем, что делалось буквально в каждой точке Арктики, как шла работа в портах, как капитаны выполняли рейсовые задания, как работали в Арктике ледоколы. Папанин держал тесную связь с начальниками морских операций, начальниками портов, полярных станций, во время подбадривал их, во время замечал и исправлял их ошибки.

Вскоре Государственный Комитет Обороны назначил И. Д. Папанина своим уполномоченным по перевозкам на Севере.

К этому времени в Архангельск начали прибывать первые караваны торговых кораблей союзников с грузами вооружения для Красной Армии и стратегического сырья для нашей военной промышленности. Архангельский порт был плохо приспособлен для разгрузки большого числа кораблей. Потребовалось срочно приспособить порт к новому, невиданному объему разгрузочных работ.

В октябре 1941 года с группой своих ближайших сотрудников И. Д. Папанин выехал в Архангельск. Его мандат был подписан товарищем Сталиным. В Архангельске со всем размахом проявился организаторский талант Папанина и накопленный годами опыт. Иван Дмитриевич не ограничивался полумерами. Он «брал быка за рога», как говорит старая русская пословица. Люди, близко соприкасавшиеся с ним в эти дни, удивлялись только одному: откуда берется у него столько свежих сил и энергии, когда он успевает отдыхать. В любое время суток его видели в порту, на старых причалах, где шла выгрузка, на строительстве новых причалов, на заводах, в доках, где ремонтировались корабли, в общежитиях грузчиков, в воинских частях, в клубе иностранных моряков.

Моряки, побывавшие в Архангельске в 1941 году и затем в 1944 году, искренне поражаются огромным переменам,

*Начальник Главсевморпути,
дважды Герой Советского Союза контр-адмирал И. Д. Папанин.*

происшедшим в порту за три года войны. Сейчас с трудом верится, что тогда, в первые месяцы войны, порт мог производить выгрузку только на одном участке, на Бакарице, расположенной в нескольких десятках миль от устья Северной Двины. Сюда подходили транспорты с осадкой не более 23 футов. На побережье Двинского залива имелся еще один небольшой причал. И это все.

Фронт не мог ждать. И Папанин прежде всего организовал строительство нового порта. Землечерпалки углубляли канал, расчищали акватории. Несколько тысяч строительных рабочих на сооружении новых причалов работали и днем и ночью.

Но и этого было мало. На другом участке сразу же закипала такая же горячая работа. Речные буксиры подводили сюда плоты с гидротехническим лесом, паровые копры без отдыха вгоняли в илистый грунт длинные, толстые сваи. Ни на час не затихал перестук сотен топоров. Настилились причалы. Устанавливались огромные порталные краны.

Папанин прожил большую жизнь. Но впервые ему приходилось строить огромный порт, и строить быстро, выгладывая каждый день и каждый метр. Может быть в какой-то малой степени пригодился опыт полярных зимовож, умение в далеких, глухих углах нашей земли заново создавать человеческие поселения.

Но, конечно, все, что делалось там, в Арктике, было только подготовительным классом к экзамену, который приходилось держать сейчас.

И строили. Строили, ничего не упуская. Решив одну задачу, выдвигали новые, еще более сложные, и решали их.

Сразу же Папанин по-хозяйски обратил внимание на подъездные пути.

При его деятельном участии была срочно достроена и сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка, связывающая новый порт с основной магистралью. Небольшая станция превратилась в мощный сортировочный узел. Туда шли вагоны с грузами. Там формировались эшелоны. Оттуда днем и ночью уходили к фронту и в глубь страны составы, груженные танками, самолетами, орудиями, боеприпасами, продовольствием, сырьем для промышленности.

Для того, чтобы построить новую железнодорожную линию, ведущую к порту, в предательский, вязкий, болотистый грунт сбросили тысячи тонн баласта. По нему прошла

насыпь, проложили рельсы. Тундра отступила. Среди болот по новой железнодорожной линии паровоз повел первые составы с танками и пушками.

Но дорога упиралась в реку. Предстояло переправить грузы на другой берег, на главную железнодорожную линию.

Папанин собрал ученых гидрологов и гидротехников. В наиболее узком месте реки были поставлены непрерывные наблюдения за льдообразованием и упругостью речного льда. В морозные дни пожарные гидропомпы мощным потоком гнали воду по поверхности льда, чтобы быстрее увеличить его толщину.

И вот долгожданный день настал. Ученые-гидрологи, не раз и не два измерявшие толщину льда, доложили Папанину: «Можно пробовать». Папанин сказал: «Добро». По льду проложили рельсы. Иван Дмитриевич стоял на льду реки, наблюдая за проходившими мимо него первыми платформами с грузом. Машинист мотовоза осторожно спускал машину на лед и бережно вел ее по этой невиданной ледяной дороге. Под тяжестью многотонного груза лед подозрительно трещал. Из мелких трещин проступала вода. Но она уже не была опасной. Проезжая мимо Папанина, машинист приветливо помахал рукой. В ответ, широко улыбаясь, Иван Дмитриевич поднял вверх большой палец:

— Хорошо, браток!..

Суровые дни переживала тогда наша Родина. Фашистские полчища пробивались к Москве, охватывая ее полукольцом. Истекая кровью, сдерживали этот бешеный натиск полки и дивизии Красной Армии. Ни один рубеж, ни одну деревню они не оставляли без боя, изматывая врага, выигрывая время для развертывания главных сил Красной Армии и перестройки промышленности на военный лад.

В эти дни многие из иностранных моряков, дружески настроенные к нам, все же считали падение Москвы делом решенным. Они не знали и не могли знать, с каким великим напряжением советский народ кует победу своей любимой Красной Армии, какие силы собирает маршал Сталин для нанесения первого ответного удара по зарвавшимся немецко-фашистским бандам.

Папанин не упускал случая побеседовать с иностранными моряками. Он вселял в них веру в силу нашего духа и оружия, доказывал неизбежный провал людоедских планов гитлеровской шайки, возмнившей себя «властелинами вселенной». Папанин призывал их быстрее вести корабли

с грузами, помогать русским рабочим разгружать суда в портах.

Зима не балует Архангельск дневным светом. Уже к трем-четырем часам дня город окутывают хмурые сумерки. Они быстро переходят в ночную мглу. За плотно зашторенными окнами в домах рано зажигают огни.

В один из таких ранних декабрьских вечеров в кабинете Папанина происходило деловое совещание. За длинным столом, накрытым красным сукном, рядом с руководящими работниками штаба Папанина сидели руководители британской миссии: мистер Маклей — товарищ министра военного транспорта Великобритании и капитан Монд — старший офицер военно-транспортной службы, впоследствии награжденный Советским правительством орденом Красной Звезды. Шел оживленный обмен мнениями. Внезапно заседание прервал громкий голос из репродуктора: «Внимание! Говорит Москва! Передаем экстренный выпуск последних известий»... И затем диктор начал читать сообщение Совинформбюро о разгроме немецко-фашистских армий под Москвой. Все столпились у карты. Британские гости крепко жали руки Папанину и его помощникам, горячо поздравляли с первой крупной победой советских войск.

С этого дня произошел резкий перелом в настроениях иностранных моряков. До конца исчезло недоверие и почти прекратились разговоры о нецелесообразности военных поставок из Англии и Америки в Советский Союз. К тому же совместный труд бок-о-бок с русскими людьми в порту на разгрузке кораблей еще больше сблизил и сдружил русских, англичан и американцев. Русские заражали их своей кипучей энергией, самоотверженностью и непреклонной верой в победу над немцами.

Но вот уже возникли новые очередные осложнения в работе Архангельского порта. Папанин хорошо предвидел их. С каждым месяцем число иностранных транспортов увеличивалось. Нехватало причалов. Суровая зима усложняла проводку кораблей по Белому морю и Северной Двине. Лед становился все более мощным. Он мог оказаться не под силу нашим ледоколам, что грозило на 3—4 месяца закрыть Архангельский порт. Разве можно было допустить такой перерыв? Нет, конечно. Красная Армия требовала непрерывного пополнения вооружения и боеприпасов. Военная промышленность ждала новых и новых партий дефицитного

сырья для производства боевой техники. Надо было срочно искать выход, и выход был найден.

На самом северном фланге советско-германского фронта Красная Армия успешно отбивала ожесточенные атаки немцев, тщетно пытавшихся прорваться к незамерзающему Мурманскому порту. Хотя линия фронта проходила всего лишь в 40 километрах от города, Мурманск прочно находился в наших руках. Все предприятия его работали на полную мощность. По Кольскому заливу беспрепятственно ходили корабли.

Папанин направил в Мурманск группу своих ближайших помощников — Героя Советского Союза, выдающегося полярного летчика полковника Илью Мазурука, известного полярника, бывшего начальника зимовки на о. Врангеля, бесменного начальника морских операций в Арктике Арефа Минеева и уполномоченного Наркомвнешторга Василия Герасимова. В один из декабрьских дней 1941 года с заснеженного архангельского аэродрома оторвался «Дуглас». Самолет взял курс на северо-запад. За штурвалом чередовались Мазурук и известный полярный летчик, участник полета на Северный полюс Юрий Орлов. Через несколько дней «Дуглас» вернулся в Архангельск, а затем доставил Мазурука, Минеева и Герасимова в Москву. Они доложили Правительству о проекте Папанина и своих наблюдениях. Вопрос был решен положительно. Папанин получил разрешение организовать разгрузку кораблей с импортным вооружением в Мурманском порту.

Уже в первых числах января Иван Дмитриевич с группой оперативных работников выехал в Мурманск. Поезд осторожно полз по извилистой железнодорожной линии, проложенной незадолго до этого на болоте, среди густой тайги, подступающей к побережью Белого моря. Южный участок Кировской дороги находился в это время в руках врага. Новая железнодорожная линия являлась единственной артерией, по которой импортные грузы из Мурманского порта могли пойти на фронт и в глубь страны.

Нахмутив брови, Иван Дмитриевич напряженно следил в окно за пробегающим мимо зимним пейзажем. В его голове вереницей проходили деловые мысли. Надо позаботиться об охране этой линии. С наступлением весны не забыть укрепить мосты и произвести подсыпку баласта в наиболее заболоченных местах. Не забыть позвонить в Москву, чтобы

сюда добавили паровозов: через несколько недель грузооборот на этой линии возрастет в несколько раз.

От Беломорска вышли на главную магистраль Кировской дороги. Отсюда поезда двигались ночью. Близость фронта и частые налеты фашистских воздушных пиратов делали днем движение небезопасным. К счастью, в эту пору года над Карелией и Кольским полуостровом большую часть суток господствует тьма.

— Природа, и та за нас, — улыбаясь, шутил Папанин.

Но природа природой, а Иван Дмитриевич не забывал отметить в записной книжке: затребовать истребительную часть для прикрытия с воздуха движения поездов, позаботиться о зенитных установках на колесах для сопровождения железнодорожных составов.

Когда поезд прибыл в Мурманск, над городом сгустились сумерки. В темноту отступили снежные вершины окрестных холмов. Густой пар поднимался от теплых вод Кольского залива. Высоко над головой в ясном небе полыхало причудливое полярное сияние. Где-то вдали бухали зенитки, озаряя горизонт багровыми вспышками.

Ни одного огонька не было на пустынных улицах Мурманска. Всюду царилла настороженная тишина. Во всем чувствовалась близость фронта, готовность советских людей в любую минуту отразить яростные налеты врага.

В Мурманске неутомимая энергия и колоссальная работоспособность Папанина, так удивлявшие всех в Архангельске, удвоились. А спешить надо было. У причала в порту уже стоял первый советский пароход, пришедший из Англии с военными грузами. В пути из Исландии находился большой караван советских и иностранных судов. Требовалось за короткий срок переоборудовать огромный порт, привести в порядок механизмы, обеспечить бесперебойность работ по разгрузке, расселить, одеть, накормить огромную армию грузчиков, прибывших в Мурманск по запросу Папанина.

Папанин старался успеть везде. В кожаном пальто на бараньем меху, в глубоко надвинутой на уши меховой шапке, без перчаток (Иван Дмитриевич не любит носить перчатки, его руки привыкли к сильным морозам, а когда становится очень холодно, он отогревает руки в карманах пальто), на маленьком, юрком «Бантаме» он появлялся в самых немыслимых закоулках порта и железнодорожной станции. Он поднимался на борта кораблей, оживленно бесе-

довал с капитанами, заезжал по пути в столовые, в общежития для рабочих.

Причалов торгового порта могло нехватить для одновременной разгрузки больших караванов. Обнаружив это, Папанин объехал в пределах города побережье Кольского залива. К постановке пароходов стали готовиться причалы рыбного и военного портов.

От его глаз ничто не могло укрыться. В торговом порту железнодорожная линия оказалась проложенной слишком далеко от кромки причала. Расстояние превышало вынос стрелы, грузы из трюмов приходилось выгружать сначала на причалы, а с причалов уже в вагоны. Немедленно были вызваны инженеры-строители и путейцы. Тут же, в кабинете Папанина, в здании диспетчерской порта, у самых причалов (вскоре это здание было полностью разрушено прямым попаданием бомбы), инженеры разработали проект, и спустя два дня рельсы были передвинуты. Отныне грузы с кораблей выгружались непосредственно борт-вагон.

Врачи доложили Папанину о нескольких случаях цынгги среди рабочих. Немедленно в Москву полетела телеграмма. Через несколько дней из далекой Башкирии самолет доставил полмиллиона человеко-доз витамина С. Одновременно в глубь Кольского полуострова были направлены отряды таежных охотников для отстрела лося. В столовых появились свежие продукты.

Завершив работы первой очереди, Папанин уехал на несколько дней в Москву. Оттуда он вернулся с длинным составом товарных вагонов. Состав был доставлен в Мурманск со скоростью пассажирского экспресса. Чего только не было в этом поезде: зенитные установки с грозно наведенными в небо пушками и пулеметами, противогазы, валяные сапоги, свежее мясо, фруктовые консервы, рис, гречневая крупа, пшеничная мука, сахар, бочки со спиртом...

Несмотря на яростные налеты фашистских самолетов, работа в порту кипела днем и ночью. Собственно дня почти не было. Хмурое утро, затем три-четыре часа бессолнечных, предвечерних сумерек никак нельзя назвать настоящим днем. Люди в порту работали при электрическом свете. Как только раздавался тревожный вой сирены, свет выключался, причалы и корабли погружались в темноту. Но корабельные стрелы и лебедки ни на минуту не застывали в неподвижности. Грузы извлекались из огромных пароходных трюмов

и укладывались в вагоны. И лишь когда в воздухе угрожающе нарастал гул моторов, когда начинали рваться бомбы, люди уходили в щели и укрытия, чтобы с первым сигналом отбоя воздушной тревоги, а часто и до него, снова продолжать свою работу.

Героизм русских рабочих вызывал законное изумление у выдавших виды иностранных моряков. Любопытно свидетельство американского капитана Акселя Пирсона, побывавшего в Мурманске в начале 1942 года. Вот как описал он в газете «Манди Морнинг» свои мурманские впечатления:

«Нас бомбили утром, днем и ночью. В день бывало по четырнадцать бомбежек. Я подсчитывал налеты в течение тридцати восьми дней. Нас бомбили сто шестьдесят восемь раз. Потом мне надоело записывать подсчеты.

Каждый раз, как только выглянешь в окно, видишь приближающиеся бомбардировщики — один большой и четыре поменьше. К моменту, когда они становились величиной в ладонь, люди в городе уходили в убежища. Даже собаки и цыплята тоже направлялись в убежища. Но в порту привыкли продолжать работу до последнего сигнала тревоги. Многие работали и во время налетов.

Зенитки открывали огонь. Там было достаточно зениток, в этом вы можете не сомневаться. Бомбардировщики появлялись из-за облаков, но зенитки их рассеивали. Многие из этих бомбардировщиков никогда не вернулись домой.

Русские ненавидят фашистских летчиков. Это понимаешь тогда, когда видишь бомбардировщики, пролетающие над городом. Вы прячетесь за все, что может служить прикрытием, проклиная все на свете. Для русских появление вражеских самолетов означало перерыв в работе. Грузчики работали до тех пор, пока не начинались пожары. Многие работали до тех пор, пока дым от бомб становился настолько густым, что ничего не было видно.

Что это за люди? Независимо от того, как бы ни была опасна работа, они выполняют ее так же бодро. Я никогда не видел русских в подавленном настроении. «Боже мой, что за люди эти русские?» — говорил я каждый день. Они суровы, но гостеприимны. Они добры и счастливы. Они совершенно уверены, что выиграют войну.

Среди грузчиков есть солдаты, вернувшиеся с фронта в отпуск. Вместо того чтобы отдыхать, они пришли на разгрузку, чтобы послать боеприпасы своим товарищам.

Женщины — сильные, высокие, суровые женщины, выполняющие мужскую работу. Работая по одиннадцати часов в сутки, они живут на черном хлебе и супе. Ни на что не жалуются, кроме как на немцев. Мне нравятся русские: они знают, за что они борются».

Пусть простят нам читатели такое большое отступление в очерке о Папанине. Но оно вполне уместно. В дни войны Папанин являлся душою и главным организатором работ Архангельского и Мурманского портов. Он заражал людей своим оптимизмом, неистощимой энергией, увлекал за собой коллектив на выполнение работ, на первый взгляд не-

выполнимых. Его жизненный опыт, общительный характер, природный юмор, простота в обращении с людьми позволяли ему находить прямую дорогу к человеческим сердцам. И крепче стали делались эти сердца.

Конечно, работая в одиночку, Папанин не смог бы выполнить и сотой доли той колоссальной работы, которую он провел во время войны. Но вся сила его организаторского таланта в том и состоит, что в работе он всегда опирается на коллектив. И здесь, на необычном для него участке, как всегда, он умело выбирал себе достойных и энергичных помощников, поднимал людей на трудовые подвиги. В этом ярко выражен «папанинский» стиль работы. За это его ценят и любят все, кто близко соприкасается с ним. Люди считают за честь работать под его руководством.

Задолго до прибытия очередного каравана, разработав график разгрузки каждого корабля, Иван Дмитриевич отправлялся в порт к рабочим. Он ехал в воинскую часть, которая должна была помогать разгружать корабли, беседовал с красноармейцами, объяснял им, какое вооружение идет на кораблях, каково значение его для Красной Армии. Он созывал собрания железнодорожников, разъяснял, какая почетная ответственность ложится на них, рассказывал, какое значение для фронта имеет быстрая доставка вооружения и боеприпасов по железной дороге. Такие же собрания он проводил с рабочими, обслуживающими краны и механизмы в порту, со стивидорами и бригадами грузчиков, с работниками складского хозяйства.

Перед прибытием каравана Иван Дмитриевич созывал многотысячный митинг всех рабочих. Его горячие речи с призывом не жалеть сил для быстрой разгрузки кораблей глубоко западали в сердце каждого человека.

Неудивительно, что Папанина на Севере знает каждый рабочий, а его распоряжения являются законом. Рабочие знают, что Папанин всегда выполнит свои обещания, внимательно позаботится об их нуждах. Он не терпит лентяев и белоручек, безжалостно и сурово наказывает воров и жуликов. Ни одного часа простоя в работе; делать сегодня все, что возможно, не откладывая на завтра, — таков его девиз.

Весь 1942 год и начало 1943 года Папанин провел в Мурманске и Архангельске. В то же время он оставался

бессменным руководителем Главсевморпути. В нужный момент он находил время выехать в Москву для решения вопросов, связанных с дальнейшим развертыванием работ по освоению Арктики. Иван Дмитриевич внимательно следил за ходом арктической навигации, где бы он ни находился, устанавливал связь с арктическими портами и флагманскими ледоколами, твердой рукой направлял развитие арктической промышленности.

Наступило лето 1943 года. Очередную навигацию предстояло провести в особо сложных условиях. Развитие хозяйства Арктики и районов Крайнего Севера требовало увеличить завоз оборудования, материалов и продовольствия. Возросла потребность в тоннаже для вывоза продукции арктической промышленности. Выросла загрузка кораблей, ускорился грузооборот. Часть кораблей шла из-за границы. Следовательно, новые сложности возникли в работе арктических портов.

Папанин уехал на Дальний Восток. За несколько дней до выезда Совет Народных Комиссаров присвоил ему звание контр-адмирала. Вместе со своим штабом Папанин спешил в Арктику, чтобы непосредственно на месте руководить проводкой пароходов в сложных ледовых и метеорологических условиях лета 1943 года.

И здесь Ивану Дмитриевичу не сиделось на месте. Переходя с ледокола на транспорт, с транспорта на военный корабль, с военного корабля снова на ледокол, он старался побывать во всех уголках Арктики, заглянуть своим хозяйским оком в порты, на полярные станции, в арктические авиабазы.

За время навигации его по несколько раз видели у себя портовики бухты Провидения и Тикси, угольщики бухты Угольной, рыбаки Колымы. Он осмотрел нефтеносный район и соляные рудники в бухте Нордвик, внимательно познакомился с работой радицентра на мысе Шмидта, проверил работу полярной станции на острове Врангеля. С острова Врангеля ледокол увез маленького белого медвежонка. Этого медвежонка Папанин отослал с попутным рейсом транспорта «Тунгус» в подарок городу Сиэттлю.

На одном из островов в Чукотском море было решено срочно открыть новую радиостанцию. Иван Дмитриевич сам взялся организовать авральные работы силами команды ледокола и своего штаба. Матросы, кочегары, машинисты, артиллеристы, научные работники таскали на своих плечах на

высокий берег бревна, доски, кирпич, ящики с научным оборудованием и зимовочным запасом продовольствия. В нескольких метрах от крутого, скалистого берега, густо усеянного гнездами чаек, кайр и бакланов, сказочно быстро выросли стройные мачты радиостанций и небольшой домик. Уже в навигацию 1943 года новая радиостанция послала в эфир свои позывные.

Однажды радио принесло сигнал бедствия: у входа в одну бухту в тумане сел на камни большой пароход типа «Либерти» с грузом 10 000 тонн. Папанин перешел на борт первого встречного судна и поспешил в эту бухту. Для спасения парохода и груза Папанин поднял всех на ноги.

Он лично руководил спасательными работами. Его неиссякаемая энергия и природная русская сметка вызывали изумление даже опытных капитанов. Синоптики предсказывали усиление ветра, волна могла переломить корпус парохода. Папанин мобилизовал население арктического поселка, рабочих порта, военный гарнизон. Были созданы женские бригады, которые успешно соревновались с мужчинами. Два парохода, снятые с рейса, стали борт-о-борт с аварийным судном. Грузы с корабля, терпящего бедствие, были сняты.

Облегченный корабль высоко поднялся над водой. Крепкие стальные тросы, захваченные за носовые кнехты, были переброшены на корму другого парохода. Наступил самый ответственный момент. Папанин командовал с мостика аварийного парохода. Подан сигнал, буксир дает передний ход, стальные тросы натягиваются, как струна. Сотни людей затаили дыхание. Пароход делает рывок, вздрагивает всем корпусом и... плавно идет на буксире вперед. Раздается оглушительное «ура». К Папанину бросается капитан аварийного парохода и горячо, долго жмет ему руку...

Живительный воздух Арктики словно дал новые силы кипучей и непоседливой натуре Ивана Дмитриевича. Когда окружающие Папанина люди буквально на ходу засыпали от усталости, он бодро продолжал работу в своей каюте на флагманском ледоколе или шагал вместе с капитаном по верхнему мостику, напряженно всматриваясь вдаль, в разводья между ледяными полями, где надлежало провести пароходы, идущие за кормой ледокола.

Редкие часы передышки Иван Дмитриевич отдавал своей страсти — охоте и рыболовству. Лучшего отдыха для себя он не знал. Охваченный спортивным азартом, на несколько часов он целиком выключался из беспокойных дел. После

его охоты на камбузе ледокола для всей команды жарилась на огромных противнях дичь — гуси или утки. Еще на пути в Арктику, когда пароход принимал на Сахалине груз угля, Папанин с группой любителей-рыболовов на рассвете ушел на шлюпке в море. Отойдя на 4—5 миль от берега, они бросили якорь и там опустили на 80-футовую глубину лески с панизанными на крючки кусками только что пойманной сельди. Улов трески оказался настолько обильным, что на следующее утро корабельный кок буквально со страхом смотрел на приготовления рыболовов к новой экспедиции. Кок умолял рыбаков возвращаться без рыбы, так как корабельный холодильник и без того весь забит треской первого улова.

Осенью, на обратном пути из Арктики, Иван Дмитриевич задержался на месяц на Камчатке. Здесь закладывался новый порт. Папанин крепко помог камчатским работникам.

Зимние месяцы и начало весны 1944 года Папанин снова провел в Архангельске. В северные порты непрерывным потоком поступали от союзников военные грузы. Папанин организовал быструю разгрузку кораблей и отправку грузов по назначению. Его опять днем и ночью видели на причалах и кораблях.

Отдавая всего себя работе, Иван Дмитриевич ни на минуту не забывал об Арктике, о той армии советских людей, которые на полярных станциях, на кораблях, в портах, в экспедициях, на авиабазах; несмотря на все тяготы военного времени, с честью и славой выполняют свой гражданский долг покорения суровой северной природы. Используя мощную радиосвязь с Арктикой, он ни на минуту не выпускает из своих рук руля руководства работой советских полярников, попрежнему остается заботливым хозяином обширных арктических областей.

Несмотря на огромную занятость, много времени Папанин уделяет общественной работе, живо откликаясь на все текущие события как коммунист и депутат народа. Его статьи и горячие призывы к бойцам Красной Армии и военным морякам часто появляются как в центральной печати, так, еще чаще, во фронтовых и флотских газетах. Он не пропускает случая, чтобы запросто побывать у моряков, летчиков, зенитчиков, пехотинцев, артиллеристов, рабочих. И всегда его горячие и простые слова находят сердечный отклик. И уж, конечно, безотказно Папанин посещает школы и пионерские собрания, выступает для детей по радио. Наши де-

ти чувствуют и ценят любовь Папанина к ним. Неудивительно, что среди его многочисленных корреспондентов так много пионеров и школьников.

При активной помощи Папанина советские полярники организовали шефство над детскими домами и госпиталями. Это шефство приняло огромный размах. При самом деятельном участии Папанина полярники провели сбор средств на строительство боевой техники Красной Армии. В боях с немецкими захватчиками танковая часть «Советский полярник» и авиационная истребительная эскадрилья «Советский полярник» покрыли себя неувядаемой славой и завоевали гвардейские знамена. Танкисты и летчики хорошо помнят напутственные слова Папанина. Они регулярно сообщают руководителю советских полярников о своей боевой жизни, о героических схватках и подвигах.

На имя Папанина, как депутата Верховного Совета, ежедневно приходят многие десятки писем от избирателей. Ни одно из них не остается без ответа, ни одна просьба — без оказания помощи. Многие дети фронтовиков при содействии Папанина устроены на учебу в Суворовские, Нахимовские и другие военные школы. Много подростков овладевает специальностью моряка на кораблях арктического флота.

Народ не ошибся в выборе, доверив коммунисту и полярнику Ивану Папанину высокое звание депутата.

На улицах Москвы в ночное время красноармейцы комендантского патруля, осветив фонариком возвращающегося с работы Папанина, обычно широко улыбаются и, не требуя предъявления пропуска, отдают честь:

— Можете ехать дальше, товарищ Папанин.

Любовь народа — это самое драгоценное, что завоевал он, наш Иван Дмитриевич.

1 мая 1944 года Президиум Верховного Совета СССР подписал указ о награждении орденами и медалями грузчиков, моряков, железнодорожников, оперативных портовых работников за успешную работу по приемке и отправке на фронт импортного вооружения, продовольствия и других грузов, поступающих в Советский Союз через порты Севера. Папанин в третий раз награжден высшим отличием в Советском Союзе — орденом Ленина. Такая оценка Правительством его работы глубоко взволновала Ивана Дмитриевича. Получая через несколько дней в Кремле орден, Папанин произнес горячую речь, в которой благодарил Советское правительство за оказанное ему и руководимому им коллек-

тиву внимание и заверил Правительство и товарища Сталина, что он и его сотрудники постараются с честью оправдать оказанное доверие, будут работать еще лучше, еще энергичнее.

И это не пустые слова. Простой и мужественный русский человек, в тяжелые для Родины дни он не знает другой цели, другого дела для себя, как борьба в одном ряду со всем советским народом. Горячая любовь к Родине и безграничная ненависть к фашистским варварам — вот источник его сил, энергии, неутомимой и кипучей деятельности в годы войны.

Осенью 1944 года Папанину исполнилось 50 лет. Несмотря на частые сердечные припадки, он попрежнему полон энергии. Во имя Родины и общего дела победы над ненавистным врагом Иван Дмитриевич Папанин выполнит все, что от него требуют Родина, партия, товарищ Сталин.

ЛЮДИ АРКТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В ТЕ ГОРЯЧИЕ дни, когда над Ленинградом появились воюющие «мессершмидты» и с ночного неба посыпались на город фугасные и зажигательные бомбы, профессия научного работника многим показалась слишком мирной. Десятки сотрудников Арктического института ушли в армию, на флот, в партизанские отряды. Остальным предложили остаться на месте.

— Научная работа тоже необходима для войны, — сказали им.

Никогда не забыть утомительные дежурства на пунктах ПВО, бесчисленные тонны выкопанной из рвов и траншей земли, азартную борьбу с то и дело вспыхивавшими пожарами, холодные дни и ночи ленинградской блокады, смерть товарищей, эвакуацию. Но не в этом было главное. Главным, как и до войны, осталась работа. Только давалась эта работа тяжелее.

Наперекор испытаниям войны ни на минуту не прерывалась связь осажденного города с Арктикой. Там, на далекой

трассе, плыли корабли с продовольствием и машинами для глубокого тыла. Над просторами полярных морей и суши шумели самолеты, выискивая для кораблей путь сквозь льды. Там во мгле тумана и полярных сумерек настойчиво звенел тонкий голос радиотелеграфа, передающего на Большую Землю сводки, донесения, рапорты. Гудели машины, вгрызаясь в горные породы в поисках ценных ископаемых.

Будущее, которое до сих пор скрывалось за фразами о стратегическом значении Северного морского пути, стало теперь настоящим. Караваны судов должны были двигаться по морской трассе, хотя бы перед ними вставали тысячи препятствий. Научным работникам, как и в мирное время, надлежало обслужить эти морские операции так, чтобы капризные силы природы все время находились под контролем, чтобы они не мешали и не останавливали работу трассы, чтобы далекие северные окраины могли сполна внести свой вклад в борьбу за спасение Родины и культуры, разрушаемой врагом.

И ученые с честью справились со своими задачами, несмотря на блокаду, эвакуацию, утрату прежних устоев и привычек жизни, гибель своих товарищей.

Это было нечто новое в истории мира. Правда, Арктика нам никогда не представлялась убежищем, стоящим в стороне от усилий и крови, борьбы и побед Большой Земли. Советские люди заново открыли этот своеобразный мир, научили не бояться его льдов, бешеных штормов и призрачных воздушных миражей. Там, где ощупью пробирались одинокие экспедиционные суда, теперь смело шли караваны кораблей. Непрístupные льды уже не были китайской стеной, запирающей наши северные границы. Капитаны располагали картами ледовой обстановки, которые корректировали в пути ледовые разведчики. Но когда вспыхнула война, нельзя было ограничиваться достигнутым. Предстояло подняться на более высокую ступень оперативности и точности.

Как и в каждом большом деле, потребовалось соединить усилия многих людей — ученых, исследователей, полярных летчиков, моряков. Было бы несправедливо назвать только несколько имен. Но всех назвать трудно — их слишком много.

Хочется прежде всего отметить нынешних работников полярных станций, скромных помощников наших ученых. Своей бессменной вахтой и наблюдениями они питают науку и оперативную службу.

Пробыть бессменно несколько лет на полярной станции не легко. Каждый день одни и те же сводки, каждый день в положенные сроки прогулки по одной и той же дорожке к метеоплощадке, к наблюдательному пункту, к шумящему у черных камней прибору. Привычный глаз знает каждую кочку на бурой тундре. Ухо помнит все мелодии пурги в каждой растяжке радиомачты. Мысли и сердце рвутся на юг и запад, к фронту, к семьям. Но очередная телеграмма руководства выражает уверенность, что коллектив полярной станции еще на год продолжит свою работу и успешно справится с задачами новой зимовки. И коллектив остается.

Было время, когда стихами одного норвежского поэта зачитывалась вся Арктика:

*Я готов пешком, на коленях
Дохранять, доползти на юг...
Давит грудь, сторожа движенье,
Синим спрутом полярный круг.*

Теперь никто не вспоминает и не декламирует эти стихи. Там, где царствует пафос сознательного труда, направленного на благо Родины, нет и не может быть унылого воспеания грустных переживаний одиночества. Тяжело, но необходимо, — это решает.

Молодой метеоролог Варя Страдина и радист Басманов, когда потребовалось открыть выносной метеопункт, поселились в палатке в необжитой местности. Хлюпающая под ногами тундра, вечная сырость и холод, потоки воды на полу дырявой палатки не помешали полярникам провести весь цикл наблюдений.

Два полярника Лобан и Жирков использовали для устройства станции выброшенную штормом на берег небольшую шхуну, кончавшую свой век на низком мысу, среди отмелей и лагун. Часть продовольствия они привезли по снежному пути на собаках, часть добывали охотой. Одиночество и невзгоды робинзоновского существования не смутили их. Вернувшись через полгода на базу, они заявили, что, если потребуется, готовы выехать на станцию снова.

Наблюдателем станции быть нелегко. Военные события сказались, в частности, в резком увеличении спроса на сводки. Бывают случаи, когда рука радиста в ответ на запрос выстукивает: «Наблюдатель в обмороке после бессменного трехсуточного дежурства, разрешите отдохнуть часа два...».

Нехватает приборов, реактивов. Полярники изобретают свои конструкции, комбинируют, ремонтируют — и целый раздел научных наблюдений чудесным образом тянется и тянется, вопреки «плановым» опасениям о вынужденном их конце.

Научный работник, использующий сводки и наблюдения этих людей, не может не видеть за сухими донесениями и цифрами напряжения своих помощников. В нашей науке бьется пульс злободневности, которой частенько ей не хватало до войны. Ученые ближе познакомились с моряками и летчиками. Широкий размах ледовой авиационной разведки, неожиданные результаты зимних полетов, которые стали могучим средством для составления долгосрочных ледовых прогнозов, оказались возможными только в результате тесного содружества гидрологов с летчиками.

Сила полярной науки во время войны крепла в теснейшей связи с практикой.

Один из крупных мастеров ледовой разведки — штурман авиации Падалко — помог гидрологам разобраться в косвенных показателях льдов, что позволяет глазу отмечать сотни разнообразных деталей на безжизненной ледяной поверхности. Гидрологи, в свою очередь, помогли штурману понять законы изменения ледовой обстановки и значение различных элементов для анализа. В результате совместной работы уже создана новая система наблюдений, которая произвела революцию в прежних методах обработки материалов и обслуживании мореплавателей.

Изучение огромных районов Арктики подвинулось заметно вперед благодаря работам летчиков. Море Лаптевых, например, из наименее изученных арктических бассейнов в результате многолетних полетов пилота И. И. Черевичного, стало одним из наиболее изученных. Сейчас гидрологом Карелиным подведен итог изучения ледового режима этого моря в виде обширной монографии.

Подготавливаются монографии по Восточно-Сибирскому и Чукотскому морям. В основу их положены наблюдения летчиков Задкова, Крузе, Падалко, Козловского и др.

С начала войны гидрологи постоянно летают на самолетах ледовой разведки. Совместными усилиями со штурманами они научились распознавать с воздуха возраст льда, его происхождение, торосистость, цвет, что недавно казалось неосуществимой мечтой. Они доказали необходимость и ввели в обиход зимнюю ледовую разведку, давшую исключительно ценные результаты.

Посмотрите на ледовые карты последних лет. Вы увидите разноцветные полосы, зоны, десятки условных обозначений, заметок, чего не было до сих пор. Ледовая карта заговорила живым, сочным языком.

Не всегда работа на трассе идет гладко. Арктическая природа требует большого упорства и силы воли от людей, штурмующих ее. Мужеству и настойчивости полярники учатся у своих предшественников, не щадивших жизни своей ради чести науки и славы Родины. Лишения и жертвы не останавливают движения вперед.

Вот один маленький эпизод.

Мирный бот с научной экспедицией был потоплен вражеской подводной лодкой. Люди высадились на лед, но подводная лодка обстреляла их из пулеметов. Лед окрасился кровью моряков и научных работников. Выбравшись на берег, люди в течение нескольких дней, без пищи, падая от усталости, шли на юг. Они пересекали ледники и вброд переходили потоки, вода которых обдавала тело жгучим холодом. Их спасли, а вскоре они снова отправились в экспедицию. Мы обнажаем головы перед памятью научных работников, погибших на своем посту.

Могилой Овчинникова стало море, в изучение которого он вложил всю свою душу и мысль. Нет среди нас Золотова, еще недавно изучавшего район Северной Земли, Сарновского, впервые построившего карты течений пролива Лаптева, Лаврентьева, обработавшего колоссальный материал по проливам Карского моря, Сиверского, изучившего речной сток бассейна моря Лаптевых, и других.

В науке очень трудно заменить выбывших товарищей. Для этого надо проникнуть в сокровенный процесс их мышления. Но дела и мысли ушедших живут в работах, статьях, заметках. Коллектив Арктического института сохраняет и развивает идеи и мысли погибших товарищей.

Ученые-полярники в годы войны выполняют работы широкого научного размаха. Сомов, Дралкин, Волков и другие, сочетая научные исследования с оперативным обслуживанием трассы, подводят итоги изучения ледового режима арктических морей. На основе их работ развивается наука о ледовых прогнозах.

Профессор Визе написал интереснейшую книгу, посвященную проблеме долгосрочных ледовых прогнозов. Профессор Зубов написал объемистый труд «Льды Арктики». И. Максимов выявил связь приливо-отливных явлений

Два полярника Лобан и Жирков использовали для устройства станции выброшенную штормом на берег небольшую шхуну, кончавшую свой век на низком мысу (к стр. 214).

*На праздник к ребятишкам в Клязьминский детский дом приехали
шефы — полтрники с мыса Шмидта (к стр. 244).*

в арктических морях с состоянием ледяного покрова, что позволяет по-новому оценивать льды в море без непосредственных измерений. Дрогайцев разработал оригинальный метод долгосрочного прогноза ветрового режима в Карском море.

Трудно перечислить все работы. Их много. И это самое замечательное. В тяжелые годы войны наша наука, проклинаемая обезумевшими разрушителями культуры — немцами, крепнет и развивается.

Наши полярные бюро погоды, самые северные в мире, собрали уникальный материал о синоптических процессах в Арктике. К систематизации и обработке этого материала приступили, наряду со своей напряженной оперативной работой по обслуживанию флота и авиации, наши ведущие синоптики Фролов, Осипов, Толстиков.

За годы войны выросла научно-оперативная служба. Она создавалась уже давно, но война заставила закончить работу несколькими сильными ударами, не заботясь пока о тонкой отделке. Для того чтобы разумно управлять ходом арктической навигации, предусмотреть возможные варианты (не с помощью дилетантских предположений, а на основе строгих законов научного анализа), потребовалось заново пересмотреть огромное количество научных наблюдений, заметок, записей, выделить из игры случайных явлений стройную систему процессов.

Конечно, никакой кабинетный ученый, черпающий мудрость из пыльных листов архива, с такой задачей не смог бы справиться. Она легла на плечи молодых сотрудников Арктического института, горячих энтузиастов Арктики. Эта молодежь не только понимает, но и чувствует природу Севера. Она кропотливо собирает каждую крупицу живого опыта, изучает плавание судов во льдах, летает на самолетах, работает в штабах морских операций.

И самое главное — молодежь науки научилась быть пытливыми наблюдателями. Посмотрите на современные ледовые и гидрометеорологические материалы. В них, как в зеркале, отражены все изменения обстановки, найдены причины изменений и показаны последствия для плавания судов во льдах. Несколько лет назад мы удовлетворялись двумя-тремя картами состояния льда за лето. Теперь мы имеем десятки подробнейших карт.

Не нужно забывать, что вся эта перестройка на военный лад проходила в период эвакуации, когда Арктический

институт, переселившись в глубь Сибири, временно утратил связь со многими научными учреждениями.

С начала войны наша наука перестала получать данные с Северной Атлантики, с глубоководных разрезов зарубежных морей. Это грозило большими неприятностями, так как старая методика прогнозов исходила из анализа изменений гидрометеорологических процессов далеко за пределами арктических морей. Молодым ученым удалось решить и эту труднейшую проблему — построить службу ледовых прогнозов целиком на отечественных научных данных.

Гидрологи и синоптики нашли показатели, которые позволили давать прогнозы без зарубежных данных, по «обрезанной карте». Конечно, это усложнило работу. Но зато тем больше чести нашим ученым. Они не пошли, ссылаясь на отсутствие данных, по пути упрощения и снижения качества.

Совсем недавно наша наука пополнилась новым разделом о краткосрочных ледовых прогнозах. Приложение теоретических выводов к конкретным условиям полярных морей дает возможность понять многое из того, что считалось непостижимым. Несмотря на перегруженность срочными заданиями, создатели этого раздела науки Иванов, Назаров, Волков и другие молодые исследователи ухитряются развивать его и дальше. В тумане первых предположений уже вырисовываются черты научных гипотез и теорий, обещающих новые успехи в научно-оперативной службе. Наш Север не замер в войне. Он живет бурно, напряженно. Он борется и развивается. В этом не малая заслуга людей арктической науки.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

В ДНИ Великой отечественной войны крепкая боевая дружба связала полярников с войсковыми частями. Дружба эта возникла в тяжелые для Родины дни. Она окрепла, эта дружба, в дни замечательных побед Красной Армии.

Кто из советских людей забудет лютую зиму 1941 года, когда фашистские орды бешено рвались к Москве и Ленинграду. Фашисты нагло хвастали тогда, что они уже видят предместья Москвы.

В эти грозные дни небольшой коллектив полярников, работающих в Хатанге, крепко задумался над тем, как помочь Родине в часы ее тяжелых испытаний.

После тщательного обсуждения, коллектив Хатангской речной конторы Главсевморпути решил собрать деньги на строительство мощного танка.

Одновременно сбор средств на строительство танка начали полярники мыса Шелагского.

О решении полярников Хатанги и мыса Шелагского узнала вся Арктика. Предложение нашло живой отклик.

Вскоре коллектив бухты Кожевниково предложил построить на средства, собранные среди полярников, танковую колонну и назвать ее «Советский полярник».

«В это грозное время для нашей Родины мы стоим на полярной пахте, — писали полярники бухты Кожевниково. — Мы отдалены от фронта тысячами километров, но если мы лично не имеем возможности защищать с оружием в руках честь Советского Союза, независимость и свободу нашей Родины, так пусть же танковая колонна «Советский полярник», построенная на наши денежные средства, беспощадно громит врага до полного его уничтожения».

Первыми дружно откликнулись Тикси, Диксон, Малая Хета, Провидение. Плотник с Диксона Черкасов отчислил на строительство танков десятидневный заработок, слесарь Воробьев внес месячный оклад. Целые коллективы отчислили на строительство танковой колонны «Советский полярник» пяти-, десяти- и даже двадцатидневный заработок.

Полярники мыса Челюскин за несколько дней собрали 30 тысяч рублей, полярники Анадыря свыше 120 тысяч.

В выходные дни все население полярных станций, портов, авиабаз выходило на воскресники с тем, чтобы заработанные деньги отдать на боевую технику для родной и любимой Красной Армии.

В течение нескольких месяцев на счет танковой колонны «Советский полярник» поступило свыше 20 миллионов рублей.

В это время по заказу Главсевморпути на одном из крупнейших танковых заводов страны строилась колонна «К. В.».

И вот, 9 ноября 1942 года на обширной поляне среди леса выстроилась колонна могучих танков. На каждом свежая надпись — «Советский полярник».

Передавая танки гвардейцам, Иван Дмитриевич Папанин обратился к ним с небольшой речью:

— ... Родные браточки! Сильнее бейте врага, уничтожайте его беспощадно. Пусть каждый из вас, товарищи, — сын матери-Родины, воин Красной Армии, получивший от советского народа свое грозное оружие, станет беспощадным мстителем за кровавые злодеяния, творимые гитлеровцами на нашей родной земле, пусть каждый из вас думает только об одном — уничтожать, уничтожать и еще раз уничтожать кровавых палачей... Да здравствует наша победа!..

На поле находилось два Папанина: один — всем знакомый, простой и доступный, другой — молчаливый и строгий, суровый в своем железном величии — головной танк колонны «Иван Папанин».

Гвардейцы придиричиво, с пристрастием принимали машины.

От имени всего личного состава части лейтенант Шекун дал шефам клятву беспощадно уничтожать врага, бить его беспощадно, сполна отомстить ему за кровь отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей...

Первое боевое крещение танковый полк «Советский полярник» получил под Сталинградом.

4 декабря полк (им командовал тогда подполковник Шалыгин) получил боевое задание: очистить от немцев Казачий Курган северо-западнее Сталинграда.

Предварительная разведка установила, что вражеские позиции густо насыщены артиллерией, немцы оборудовали много дотов и дзотов, отрыли траншеи полного профиля.

В 12 часов дня танки «Советский полярник» ринулись в атаку.

Накануне боя многие танкисты подали заявления о принятии их в ряды большевистской партии. Все командиры и политработники шли в бой во главе своих подразделений. Заместители командира полка Грецкий и Тришков сражались в первых рядах.

Немцы сидели в ловушке и отбивались с яростью обреченных. Жестокый бой длился более четырех часов. Закончился он блестящей победой танкистов.

*9 ноября 1942 года. Передача танков „Советский полярник“
танкистам-гвардейцам.*

*Начальник Главсевморпути тов. И. Д. Папанин зачитывает наказ танкистам
от советских полярников.*

Танки „Советский полярник“ во время учебных занятий на танкодроме

Могучие сухопутные крепости давили огневые гнезда, пушки, пулеметы врага, стирали в пыль минометы, дзоты, мяли гусеницами фрицев.

Когда могучие «К. В.» ворвались на Казачий Курган, танкисты увидели, что вершина кургана буквально перепажена их снарядами и сплошь завалена вражескими трупами. Повсюду валялись разбитые немецкие пушки, обломки дзотов, исковерканные вражеские танки.

Уже в этом первом бою танкисты показали, что машины, построенные на трудовые сбережения полярников, попали в надежные руки.

Лейтенант Малоземов, впоследствии удостоенный высокого звания Героя Советского Союза, во время жестокой немецкой контратаки встретился с тремя немецкими тяжелыми танками.

Малоземцев не дрогнул и не уклонился от боя. Быстро оценив обстановку, он выбрал для себя надежное укрытие и отсюда метким огнем зажег все три немецких машины.

Так начался страдный боевой путь полка.

После одной жестокой схватки на корпусе танка командира роты старшего лейтенанта Курляндского было обнаружено семнадцать вмятин от вражеских снарядов. Броня советского танка блестяще выдержала испытание. Так же блестяще выдержали испытание и танкисты. В этом бою танк Курляндского уничтожил 6 немецких пушек, четыре дзота, много пулеметов и живой силы врага.

Правда, командир танка был ранен, что Курляндский тщательно скрывал. Подполковник Шалыгин узнал об этом и приказал ему лечь в госпиталь.

— Товарищ подполковник, — взмолился Курляндский, — если мы после семнадцати попаданий машину в ремонт не ставим, почему же человек от пустяковой царапины должен выбыть из строя? Разрешите, товарищ подполковник, выполнять боевую задачу до вторичного ранения.

В самый горячий момент боя танк лейтенанта Силаева повредило миной. Не прекращая огня, Силаев устранил повреждение и его танк вновь устремился в атаку. Четыре вражеских дзота, 9 пулеметов, 7 минометов и 50 немцев уничтожил Силаев в этом бою.

Не отставал в бою и головной танк «Иван Папанин». Танк то бешено мчался вперед, не давая немцам опомниться, то мгновенно сворачивал в стороны, выходя из-под плот-

ного огня и не позволяя врагу пристреляться. Не получив ни одного повреждения, танк ворвался в расположение немцев. Вот тут-то танкисты и отвели свою душу. Они мяли, давили, топтали, расстреливали в упор пушки, пулеметы, дзоты, живую силу ненавистного врага.

С каждым днем по Сталинградскому фронту ширилась слава о боевых успехах танкистов.

Командование полка докладывало И. Д. Папанину:

«Часть «Советский полярник» известна всему фронту. Каждый пехотинец знает, что, если на поле боя появились танки «Советский полярник», то победа обеспечена».

За доблесть и героизм, проявленное в дни боев за Сталинград, свыше 60 человек из личного состава полка были награждены орденами и медалями Советского Союза. В числе них и подполковник Шалыгин, награжденный орденом Красного Знамени.

После напряженных битв в донецких степях, танки потребовали ремонта. Их направили в тыл. В пути на марше неожиданно налетели «фокке-вульф». Осколком шальной бомбы был смертельно ранен Шалыгин. Не пришлось этому отважному и талантливому командиру вести свой полк в великом освободительном походе по полям Советской Украины. Его похоронили на сельском кладбище в попутном селе Алексеевка.

С глубокой скорбью узнали полярники о гибели подполковника Шалыгина. Золотые часы — именной подарок герою-командиру от советских полярников — Политуправление переслало его престарелым родителям.

Сердечные товарищеские письма поддержали стариков в тяжелую минуту, помогли им найти в себе мужество преодолеть личное горе, собрать силы для служения Родине.

«...Примите горячую благодарность материнского сердца, — писала начальнику Политуправления мать Шалыгина, — за Вашу чуткость к нашему огромному горю и за все то внимание, которое оказал ваш коллектив памяти моего сына Николая Сергеевича Шалыгина».

В период зимовки папанинцев на Северном полюсе с каким энтузиазмом слушал Коля каждую радиопередачу о них. «Какие это сильные волей, мужественные люди! Если бы мне выпало счастье быть с ними», — говорил он.

Прошли годы... Его заветное желание своеобразно выполнилось. Судьба свела его с советскими полярниками. В январе в Киргизии получила от сына письмо. Бодрое, радостное... Полк, в который он назначен, называется «Советский полярник». Теплые, восторженные строки об Иване Дмитриевиче Папанине. Все письмо звучало победным гимном. «Деремся все мы, как львы, и победим». И они победили. Но его нет уже среди нас. Мой мужественный, беззаветно любящий свою

Родину сын ушел в вечность. Не получу я больше дорогого конвертика с его теплыми, бодрящими строками.

...Может быть вам понадобятся некоторые данные о сыне. Сейчас, когда боль утраты остра, трудно собрать воспоминания о прожитой им короткой жизни, но все же я постараюсь вкратце рассказать о Николае.

Родился он в 1910 г. 23 января по старому стилю в г. Ялта в семье служащего.

Жили мы почти бедно, но Коля рос здоровым, бойким ребенком. Незаметно для нас в 4 года он по кубикам выучил буквы и тут же потянулся к букварю. В 1921 году семье пришлось в Ялте пережить тяжелый голод. Дети чуть не потеряли отца. Решили переехать в более «сытый край» — за Перекоп, в деревню.

Коля полюбил село, простор степей и за короткое время стал любимцем деревенской детворы, предводительствовал в играх. «Писарев» сын, как называли его взрослые, глядя на то, как обучаются красноармейцы, сам собирал десятки мальчишек и, шагая впереди, заставлял их маршировать и петь. Захваченных в деревню книг было не так-то много. Среди них Пушкин, Лермонтов, Сенкевич, Ожешко, Некрасов и Шевченко, а также «Князь Серебряный» Ал. Толстого. Несколько книг о путешествиях. Долгими зимними вечерами у нас в хате собирались любознательные крестьяне и при светильничке из-под сапожного крема слушали мое чтение. Коля жадно напрягал свое внимание, когда я читала исторические романы. Образы храбрых героев пленяли его ум, глазенки блестели. Любил «Мцыри», «Кавказского пленника».

Простор широких степей манил к себе ребенка. В весеннюю пору он уходил со мной и братом далеко в степи за тюльпанами. Услышав от меня о былых сражениях под Перекопом, Коля решил, что тюльпаны красного цвета от крови, которая пропитала здесь землю, и тут же сочинил об этом стихи.

Десятилетним мальчиком он научился пахать на лошадях, помогал крестьянам. С увлечением вместе с отцом полонил наши баштан. Иногда ночью отправлялся вместе с мальчишками пасти табуны лошадей в степи. Там, сидя у костра, он жадно слушал страшные рассказы ребят и потом передавал их брату.

Годы, прожитые в деревне, оставили у Коли яркие воспоминания.

В годы учебы Коля был одним из первых учеников. Больше всех предметов он любил математику и физику, а также черчение. Владел свободно сжатым, но выразительным языком. Его сочинение на тему: «Землетрясение в Ялте» признали лучшим и оставили в школе как образец хорошо выполненной ученической работы.

Однажды ученики последнего класса были приглашены с педагогами на военный корабль, стоявший на рейде. Колю заинтересовало машинное отделение. С тех пор он лелеял мечту стать инженером-механиком на флоте. В дальнейшие годы он вообще увлекался машинами и в часы отдыха всегда возился с чертежами, измерениями и вычислениями. Их можно было встретить и в блокноте, и на ободах брошюр, и на полях тетрадок.

По окончании школы Коля работал на очистке русла реки «Учан-Су», а затем на строительных работах чернорабочим. Хотелось ему попасть на завод: там машины, там много молодежи, живая общественная работа. Отец помог ему перебраться в Керчь. Коля поступил

на металлургический завод, а оттуда комсомольская ячейка выдвинула его на учебу в Инженерное училище в Москве.

Хочется рассказать о некоторых Колиных привычках. Будучи решительным, смелым по натуре и исключительно подвижным, он не упускал случая поплавать во время бури. На мои тревоги ласково уверял, что у него рассчитана каждая секунда. Уже 17-летним юношей он получил диплом на состязаниях по плаванию и легкому боксу. Лично я знаю о спасении им из моря пяти утопающих. Говорил об этом скромно, вскользь. С одним из спасенных потом сдружился. Это был славный юноша Павлик, не умевший плавать.

Любил он мчаться вихрем на велосипеде. Однажды на Кавказе, глядя с восторгом ему вслед, старик-кабардинец сказал мне: «Так не можно человеку скоро ехать, точно шайтан резал воздух».

Был он человеком исключительной находчивости. Очутившись впервые в Москве на Театральной площади, по неопытности Коля попал в водоворот движения. Тогда он вскочил на кузов наезжавшей на него легковой машины и, обняв кузов руками, выехал на безопасное место. Рассказывая, смеялся, что был оштрафован на остановке милиционером за нарушение уличного движения.

В конце ноября 1941 года, заехал он к нам по пути и рассказал, что, находясь на Западном фронте, выскочил из горящего танка, а затем зигзагами, под пулеметным огнем противника, пополз по земле и выбрался на безопасное место к своим».

Таким был командир танкистов. И подстать ему были его птенцы — танкисты славного гвардейского полка.

За теплой и солнечной весной пришло горячее боевое лето. Снова шли танки вперед — по полям Донбасса.

Летом 1943 года полк, вместе с другими частями, занял плацдарм на западном берегу Северного Донца в районе Изюма. Немцы пытались во чтобы то ни стало сбросить наши части в Северный Донец. В новых и необычных условиях танкисты опять демонстрировали свое геройство и мастерство.

И когда пришел приказ, они первыми ринулись на запад. Не было силы, способной их остановить. С открытых позиций танки вступали в единоборство с фашистскими пушками. Они ломали одну линию немецкой обороны за другой, расчищая путь пехоте. По несколько дней длились встречные танковые бои. Одна атака следовала за другой. Стволы пушек раскалялись от непрерывного огня.

Фронт двигался на запад. Уже позади остался Донбасс. Танковый полк «Советский полярник» под командованием подполковника Грецкого, приближался к Днепру. За участие в штурме г. Запорожье полк был удостоен благодарности Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина и получил наименование «Запорожского».

Славный, боевой путь был пройден за лето 1943 года.
В рапорте советским полярникам командование полка писало:

«С июня по ноябрь 1943 года часть прошла с тяжелыми боями сотни километров. В непрерывных боях противнику нанесен большой урон. Полк уничтожил 5392 немецких солдата и офицера, 40 танков, из которых 5 «тигров», 53 самоходных орудия, 138 противотанковых пушек, 235 пулеметов, 124 дзота, 13 бронеколпаков, 142 бронемашинны».

Каждый километр боевого пути отмечен героическими эпизодами.

В одном бою фашистам удалось поджечь танк лейтенанта Векшина. Герой-танкист не ушел с поля боя. На горящем танке он ринулся к немецкому дзоту, смял противотанковую пушку, навалился и разрушил вражеский блиндаж. Только после этого Векшин отвел свой горящий танк в сторону. Загасив огонь песком, он снова, не обращая внимания на полученные ожоги, ринулся в бой.

В другом бою, на танке, где водителем был младший воентехник Дроздов, снаряд разбил стекло-триплекс. Осколки ослепили Дроздова. Командир роты по радио приказал водителю покинуть машину и уйти в тыл. Полуслепой Дроздов продолжал вести танк. Он отправился в госпиталь, лишь когда исход боя был решен, когда немцы побежали, оставляя позиции, бросая технику, и наши танки проводили последнюю утку уже замолкшего поля битвы.

Много таких эпизодов записано в истории части.

Позади остался и широкий Днепр, и степные просторы правобережной Украины. Полк вместе с другими частями Красной Армии подошел к Бессарабии.

Проходил жаркий боевой день, и где-либо на привале или в походе запедали танкисты свою любимую песню:

*«Орленок, орленок, лети выше солнца
Собой зятми целый свет.
Не хочется думать о смерти, поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет».*

В апреле 1943 года личный состав полка направил своему шефу И. Д. Папанину новое письмо:

«Дорогой Иван Дмитриевич! Мы заверяем Вас и всех советских полярников и просим передать нашему вождю и полководцу товарищу Сталину, что танки «Советский полярник», громя врага, скоро дойдут до западных границ нашей Родины».

Когда обсуждалось это письмо, среди танкистов завязался спор.

— Что это мы себе путь укорачиваем — до западных границ? Чи мы дальше итти не можем? Мы на своих танках согласны скакать до Берлина.

— Ты сначала дойди до западных границ, — возражали другие.

— Чи вы себя мало знаете, товарищи? Мы же говорим вам наверхника. Разве советские гвардейцы кого-нибудь подвели.

— Будет приказ, дойдем и до Берлина.

— Очень нам интересно Берлин посмотреть. Що оно за город?..

Немного прошло времени, и гвардейцы-танкисты сдержали свое обещание.

С боями, громя и уничтожая ненавистного врага, они не только дошли до государственной границы СССР, но и перешагнули через нее, преследуя врага на территории Румынии.

Большим праздником для танкистов был день 23 февраля 1944 года. В этот день полк за боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени.

Ни похвалы командования, ни щедрые награды не кружили головы гвардейцам-танкистам. Как истые большевики, они не успокаивались на достигнутом, не зазнавались от успехов. Они отдавали себе ясный отчет в том, что победу над ненавистным врагом можно завоевать только в упорных и жестоких боях, ни на один день не ослабляя напряжения.

Летом 1944 года танковый полк «Советский полярник» участвовал в замечательной операции войск 3-го Украинского фронта по окружению и уничтожению немецко-румынской группировки в Яссо-Кишиневском районе. За выдающиеся успехи в этой операции полк награжден орденом Суворова III степени.

В рапорте на имя И. Д. Папанина танкисты-гвардейцы сообщили:

«Участвуя в боях на Яссо-Кишиневском направлении, наша часть еще раз показала силу и боевую выучку сталинских гвардейцев-танкистов. Выполняя боевой приказ командования 3-го Украинского фронта по прорыву обороны противника южнее гор. Бендеры, мы не жалели своих сил и жизни.

Только в последних боях на Яссо-Кишиневском направлении запоржцы сталинские гвардейцы-танкисты нашего полка уничтожили 1460 немецких солдат и офицеров. Кроме того, нами уничтожено: тан-

ков — 7, автомашин — 60, пушек — 75, огневых точек — 204, бронетранспортеров — 15, минометов — 15, повозок с лошадьми — 243, мотоциклов — 15.

Сегодня гвардейцы-танкисты нашего полка в своих выступлениях поклялись с еще большей силой и ненавистью мстить врагу за кровь наших боевых товарищей — добить фашистского зверя в его собственной берлоге.

В особо торжественный для нас день, получая высокую правительственную награду — орден Суворова III степени, мы заверяем Вас, Иван Дмитриевич, а через Вас и всех советских полярников, что под руководством Маршала Советского Союза — товарища Сталина, наша часть вместе со всей Красной Армией разгромит немецких захватчиков до полного их уничтожения».

Многих ветеранов уже нет в полку. Их сменила молодежь. Но живут и множатся в полку славные сталинградские традиции.

Вот, что рассказывают о славных августовских боях 1944 года участники этих боев — героические танкисты:

Рассказ комсорга

5-го гвардейского отдельного полка прорыва

Ш.лова Н. В.

В последних боях по окружению и уничтожению вражеской группировки в районе Кишинев—Яссы наш полк высоко держал знамя сталинских танкистов.

Я — участник этих горячих боев и свидетель замечательных боевых подвигов моих товарищей по полку.

9 августа наш полк получил на станции Веселый Кут новые танки, а 16 августа начал сосредоточиваться южнее Тирасполя.

Личный состав полка горел одним желанием — ринуться вперед на врага, отомстить фашистским извергам за все муки советских людей.

17 августа полк получил приказ: переправиться на правый берег Днестра и развернуться в лесу юго-восточнее высоты 136,6.

— Ну, будет горячее дело...

Так говорили в эти дни наши танкисты. Все они с огромным энтузиазмом готовились к бою, старательно выверяя материальную часть.

19 августа был получен приказ командующего фронтом: начать на следующий день прорыв обороны противника в районе высоты 154,7, а затем оседлать высоту 210, которая господствовала над окружающей местностью.

Командиры рот и танков произвели рекогносцировку местности; командир полка полковник Грецкий, получив точные сведения о характере местности и расположении противника, поставил задачи перед каждой ротой, а командиры рот — перед каждым танком.

Одновременно были проведены партийные и комсомольские собрания. Собрания эти прошли с огромным подъемом. Коммунисты и комсомольцы поклялись отдать все силы на выполнение задания.

Враг в этом районе имел сильные укрепления, глубоко эшелонированные, насыщенные боевой техникой. Каждый танкист ждал сильного сопротивления врага.

Днем 19 августа полк по замаскированным проходам скрытно сосредоточился на исходной позиции. В 8 часов утра 20 августа началась артиллерийская подготовка.

Я участник многих боев. Видел не раз артиллерийскую подготовку. Но такой, какая была на нашем участке 20 августа, я еще не видал. Небо и земля буквально горели. В воздухе стоял непрерывный гул, от которого даже в танке мы оглохли. Мы с улыбкой переглядывались друг с другом и бесконечно радовались этой артиллерийской музыке.

— На голову врага...

В 10 часов утра мгновенно наступила тишина. Раздалась команда:

— В атаку на врага!

Танки ринулись вперед. Через 20 минут полк выполнил свою первую задачу: он занял высоту 154,7, прорвал трехслойную оборону противника, преодолел два минных поля. Перевалившись через высоту, полк вышел во вторую балку, а к концу дня полк овладел еще одной высотой, в районе которой бой был особенно ожесточенным.

Первым пошел на штурм этой высоты танк капитана Рудь, за ним устремился вперед танк младшего лейтенанта Богомолова. Отличился в этом бою механик-водитель старший лейтенант Ермолаев, который прижал к балке большую группу немцев и многих фрицев раздавил гусеницами.

Старший лейтенант Михайлов заметил группу немцев, пытавшуюся отступить. Он догнал эту группу, перерезал ей дорогу и начал уничтожать немцев. Расстреляв до 30 немцев, он двух немецких офицеров с мотоциклами взял в плен. В этом жестоком бою погиб наш незабвенный товарищ капитан Рудь.

Его танк в лесной балке обнаружил артиллерийский

дивизион противника, который вел огонь по нашим наступающим частям.

— Атаковать дивизион врага!

И танк ринулся вперед, завязал бой с немецким артдивизионом. Рудь, лично управляя орудием, разбил три пушки противника. Во время боя танк загорелся от попадания снаряда. Рудь был тяжело ранен. Он мог бы выброситься из горящего танка, но кругом были немецкие автоматчики. Рудь, славный русский патриот, предпочел сгореть, но не сдать в плен.

Капитан Рудь посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

В этом бою особенно отличился гвардии лейтенант Машкевич. Его танк был подбит в расположении вражеской обороны. Но танкисты не покинули танка. Они продолжали вести бой. Вторичным попаданием вражеского снаряда заклинило башню. Танк окончательно вышел из строя. Тогда герои-танкисты, взяв с собой пулеметы и гранаты, вышли из танка и, прикрываясь его броней, продолжали вести бой с врагом.

Немцы орали:

— Рус, сдавайся!

И получали в ответ пулеметные очереди.

Был убит артиллерист, тяжело ранен заряжающий. Сам Машкевич, раненный в плечо, оставался на поле боя, не подпуская к танку немцев. Он отстоял танк до подхода наших частей.

На следующий день, 21 августа, в 6 часов утра бой возобновился с еще большим ожесточением.

Нам нужно было возможно скорее занять высоту 210, чтобы отрезать немцам все пути отступления. К 10 часам утра наше боевое знамя развевалось на высоте 210.

В это время западнее высоты 210 арtpолк противника продолжал обстреливать боевые порядки нашей пехоты, вошедшей в прорыв.

Мы получили приказ: разгромить арtpолк врага.

К пушкам врага вскоре подошло подкрепление — 5 «фердинандов» и «тигров». Однако и они не спасли немцев. К 12 часам дня все было покончено и с этой группой врага.

В бою за высоту 210 особенно отличился экипаж танка капитана Хромова. Танк Хромова был зажжен попаданием вражеского снаряда. Экипаж, по приказанию командира

полка Грецкого, забрав из танка пулеметы, продолжал вести бой с врагом. К 12 часам дня наши танки, артиллерия и пехота окончательно сломили сопротивление противника. Враг побежал. Наши войска начали преследование немцев и к вечеру 21 августа ворвались в село Опач, а затем заняли село Карпиняны, где соединились с войсками 2-го Украинского фронта.

Так наш полк «Советский полярник» участвовал в окружении и разгроме крупных сил врага на Кишиневско-Ясском направлении.

Рассказ старшего лейтенанта Михайлова

Мы, танкисты, все хорошо помним клятву, которую давал погибший командир нашего полка подполковник Шалыгин, принимая от И. Д. Папанина танковую колонну «Советский полярник». В знаменательные дни 19—30 августа 1944 года, когда мы вели бои на окружение и уничтожение вражеской группировки, мы особенно чувствовали теплое слово полярников, их заботу о нас, их помощь нам. Это воодушевляло нас в бою.

20 августа в 10 часов утра наши танки, в том числе и мой, ринулись на врага. В последнюю минуту мы слышали приказ командира полка:

— Только вперед! Помните, что танки «Советский полярник» идут только вперед!

Я прорвался первым на передний край обороны врага. Начал громить немцев. Когда мой танк прошел 700—800 метров, на него обрушился огонь четырех вражеских пушек. Я уничтожил две из них. Прислуга остальных двух пушек стала в панике разбегаться. Но ни одного из них мы не выпустили живыми — всех давили гусеницами, расстреливали пулеметом.

Нам была поставлена задача: оседлать высоту 210. К высоте был один проход — через лесок и балку. Когда мы двинулись в этот проход, до 500 немцев пошли на нас в атаку. Пехоту врага поддерживала артиллерия.

Завязался жестокий бой.

Я направил свой танк в самую гущу немцев, которые были от меня на расстоянии 50—70 метров. Врезаюсь во вражескую колонну, давя немцев гусеницами, расстреливаю из пулеметов.

Враг побежал. Я начал его преследовать. Мне прегра-

дили дорогу пушки врага. Я отвел свой танк в укрытие, уничтожил пушки и снова двинулся вперед. Ворвался на высоту 210. Вслед за моим танком на эту высоту ворвалась и наша пехота...

24 августа я получил задание: разведать на правом фланге вражеской обороны расположение сил и огневых точек.

В 10 часов утра я ворвался в деревню Сарата-Голбена, где находилось до 500 немцев. Я ринулся в атаку на врага, уничтожая немцев из пушки и пулеметов. Враг, не ожидая удара, стал в панике разбегаться. В этом бою я взял в плен 130 солдат и офицеров противника, остальных уничтожил.

Двинулся дальше. Подъехал к деревне Минжир, которая находится в 5 километрах от Прута. Вражеские солдаты и офицеры выбежали из деревни и укрылись в кукурузе. Мы атаковали врага в кукурузе. В это время группа врага начала забрасывать мой танк гранатами. Я дал команду:

— Поворот вправо на 30 градусов.

Открыл огонь из всех пулеметов. Уничтожил до 100 солдат и офицеров, 50 немцев взял в плен.

Мечтаю я только об одном: участвовать в атаке Берлина и вернуться домой с победой.

Уже пройдена опаленная жаркими боями, обгаренная кровью храбрецов, родная земля. Уже воюют танки «Советский полярник» на вражеской территории. Крепко верят в полку, что осуществится мечта танкистов: «скакать аж до Берлина».

Скоро-скоро они с честью выполнят приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина — добьют немецкого зверя в его собственной берлоге.

За боевыми успехами подшефных с огромным интересом и любовью следят советские полярники. Они искренне радуются каждой победе своих боевых товарищей, скорбят вместе с ними, если гибнет друг.

Полярники собирают специальные средства на подарки танкистам. Храбрейшие бойцы и офицеры полка награждаются ценными именными подарками.

Трижды за время войны подшефную танковую часть посещали делегации полярников, во главе с Начальником Политуправления В. Д. Новиковым.

Делегаты передали бесстрашным танкистам сердечную благодарность за их боевые дела и вручили наиболее отличившимся в боях с врагом подарки от полярников.

Приезд делегатов каждый раз является для танкистов большим праздником.

В июне 1943 года танкисты находились в районе Купянска. Когда прибыла делегация полярников, в густом, дремучем лесу был устроен общий обед. Встреча затянулась до глубокой ночи. Танкисты вместе со своими шефами дружно веселились.

Осенью 1943 года, накануне годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, делегация от полярников вновь посетила подшефную танковую часть уже на правом берегу Днепра, недалеко от Днепропетровска.

Делегаты увидели среди танкистов много новых молодых лиц.

Эта молодежь еще не была в боях, но у каждого достаточно мужества и решимости схватиться с врагом и победить его.

Накануне XXVII годовщины Октября делегация полярников побывала в танковом полку уже на территории врага.

В одной из бесед с делегатами группа танкистов выразила желание после войны поехать работать в Арктику.

«Добро пожаловать, дорогие товарищи, в Арктику после войны!» — заявили им представители полярников.

Забота полярников о пополнении боевой техники Красной Армии не ограничилась постройкой танковой колонны.

В декабре 1942 года коллектив полярников Усть-Порта выступил с предложением собрать средства на строительство боевой авиаэскадрильи.

Работники Усть-Порта писали:

«На средства советских полярников построена и передана Красной Армии танковая колонна «Советский полярник». В эти грозные боевые машины полярники воплотили всю свою ненависть к врагу, чувствомести к фашистским разбойникам, страстное желание помочь Красной Армии добить поскорее фашистского зверя.

Обсудив речь Ивана Дмитриевича Папанина на митинге по случаю передачи Красной Армии танковой колонны и горя желанием помочь фронтовикам быстрее разгромить врага, мы обращаемся ко всем полярникам с предложением усилить помощь Красной Армии и организовать сбор средств на строительство эскадрильи «Советский полярник».

Спустя несколько дней в Арктике уже не было ни одно-

го коллектива, который бы не отозвался на предложение усть-портовцев.

К середине мая 1943 года полярники собрали на строительство эскадрильи свыше 8 миллионов рублей.

26 мая на подмосковном аэродроме стройной шеренгой выстроились «Яковлевы». На фюзеляже каждого надпись — «Советский полярник». У каждого самолета стоял летчик, механик и оружейник.

Начальник Главсевморпути, контр-адмирал Иван Дмитриевич Папанин от имени полярников вручил боевые машины истребительному авиационному полку Героя Советского Союза подполковника Шинкаренко.

И. Д. Папанин обошел строй и для каждой славной тройки нашел теплое слово.

— Ну, браток, машину получил прекрасную. Громи же фашистов в воздухе, на земле и на воде.

В ответ дружно раздавалось:

— Есть, товарищ Папанин, громить фашистов!

После обхода строя в короткой проникновенной речи И. Д. Папанин призвал летчиков к беспощадной борьбе с гитлеровскими разбойниками.

Славные истребители поклялись:

— Будем высоко держать знамя сталинских соколов. Где бы враг ни встретился, его настигнет смерть. Будем бить врага до полного уничтожения!

У летчиков эскадрильи «Советский полярник» дело не расходится со словом.

Еще в дни первой военной осени и зимы 1941 года они крепко дрались за Тулу, Венев, Сталиногорск, очищая от фашистских орд землю подмосковной кочегарки. За первый год своей боевой работы — еще до получения новых самолетов — соколы-летчики уничтожили в воздухе и на земле 225 фашистских стервятников, более 200 автомашин с вражеской пехотой. За это время полк сделал 4312 боевых вылетов.

Через три месяца после вручения новой материальной части, закончив учебу, летчики вступили в бой за землю Белоруссии. Спустя четыре дня командование полка с законной гордостью рапортовало о боевых успехах.

«Уничтожено, — писали они, — 43 фашистских самолета, из них 20 бомбардировщиков и 23 истребителя. Будьте уверены, наши дорогие шефы, что ваши самолеты попали в надежные руки. Уже первые воздушные бои показали, что они являются грозой для фашистских бандитов.

На крыльях ваших самолетов мы с честью пронесем славу военно-воздушных сил нашего Красного Воздушного флота и в грозных боях завоеваем почетное звание сталинской гвардии.

В последующих боях авиаполк «Советский полярник» заслужил высокое звание гвардейского.

Высокие награды — ордена и медали Союза ССР — украсили мундиры 62 летчиков, техников и оружейников части. Героями части считались капитан Тихонов, сбивший 13 немецких самолетов, майор Берко и лейтенант Герман, уничтожившие по 11 фашистских стервятников.

На новой материальной части полк истребителей множит свои боевые традиции. Быстрые «Яковлевы» стремительно настигают врага в поднебесье. Трудовые сбережения советских полярников пошли на хорошее дело.

Полк истребителей и полярники крепко подружились. Делегации полярников регулярно посещают подшефный полк.

Ниже приводим выдержки из писем и рапортов героев-летчиков, адресованных коллективу Главсевморпути.

**Из письма заместителя командира полка
подполковника Стенченко
от 9 сентября 1943 года**

Личный состав части просит доложить нашим шефам краткие итоги боевой работы за последние 15 дней.

В период напряженной учебы много труда было потрачено на улучшение летного мастерства. Закончили мы подготовку с отличными результатами. Сейчас весь летный состав держит экзамен перед Вами и перед всем советским народом на современной отечественной материальной части.

За этот период произведено 455 самолетовылетов, проведено 23 групповых воздушных боя. Летчиками части сбито 43 самолета противника, из них 20 бомбардировщиков и 23 истребителя.

Счет сбитых самолетов противника будет расти и впредь.

...Все силы приложим к тому, чтобы отличной боевой работой завоевать почетное звание Сталинской гвардии.

Сейчас, когда я пишу эти строки, по сигналу один за другим уходят в воздух наши боевые самолеты. Мы все уверены, что поставленную перед ними задачу они выполняют с честью.

**Из письма комсомольцев части
комсомольцам Главсевморпути
от 10 сентября 1943 года**

... Мы не подведем Вас, дорогие друзья! На Ваших машинах мы впишем не одну яркую страницу в историю боев сталинских соколов. Поручкой тому — наше комсомольское слово. Мы, техники, оружейники, мотористы и работники спецслужб, обязались готовить машины так, чтобы они были безотказны в бою, и к этому мы прилагаем все свои силы и знания.

4 сентября у нас был первый боевой вылет. Технический состав работал не покладая рук. В этот день комсомолец Королев открыл счет сбитых фашистских стервятников. В первый день встречи с противником наши летчики уничтожили 9 фашистских самолетов.

За 4 дня счет сбитых фрицев дошел уже до 43. В воздушных боях пали смертью храбрых комсомольцы Беляев и Данилов. Мы жестоко отомстим врагу за наших товарищей.

Это только начало боев. Впереди еще много жарких схваток.

Мы уверены, что наша часть внесет не последний вклад в общее дело борьбы за уничтожение гитлеровской Германии.

**Из боевого рапорта командования полка
от 28 сентября 1943 года**

Рапортуем о боевой работе полка на Калининском фронте за период с 25 августа по 28 сентября 1943 года.

За это время полк произвел 802 боевых вылета и налетал 661 час 58 минут.

Произведено самолетовылетов:

На прикрытие наземных войск	217
На сопровождение штурмовиков	76
На сопровождение бомбардировщиков	26
На ПВО аэродрома	28
Свободный полет — «охота»	6
Разведка войск противника	132
Перехват бомбардировщиков противника	96
Штурмовка автоколонн противника	36
На прикрытие военных объектов	253

Во время 36 групповых боев сбито 54 самолета противника. По типам:

«Юнкерс-88»	11
«Хейнкель-111»	8

«Юнкерс-87»	2
«Дорнье-215»	1
«Фокке-Вульф-190» :	23
«Мессершмидт-109»	9

В воздушных боях отличились следующие летчики:

Мл. лейтенант Трунов сбил самолетов .	6
Капитан Бражнец	5
Ст. лейтенант Легчаков	5
Ст. лейтенант Герман	5
Ст. лейтенант Мацаков	4
Капитан Осипов	3
Капитан Зайцев	2

За мужество и героизм, проявленные в воздушных боях, ст. лейтенанту Герман Г. И. присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждены орденами и медалями Союза ССР 11 летчиков и 10 человек техсостава.

В воздушных боях против немецких захватчиков погибли гвардии майор Берко и капитан Тихонов.

Честь и слава павшим смертью храбрых в воздушных боях за свободу и независимость нашей Родины.

Командир части Герой Советского Союза
подполковник **Шинкаренко**.

Начальник штаба майор **Турчинский**.

Из рапорта командования полка от 27 апреля 1944 года

Личный состав подшефного Вам истребительного авиационного полка на материальной части, приобретенной советскими полярниками, отличился в боях под Духовщиной («Смоленские ворота») и в боях под Невелем. Враг извещал на своей шкуре силу и мощь наших ударов. Не один десяток фашистских стервятников мы навеки отучили летать под советским небом. Они вогнаны в землю сталинскими соколами полка «Советский полярник». Командование высоко оценило нашу боевую работу и преобразило наш полк в гвардейский.

Последние 1½ месяца перед нами поставлена задача — пополниться молодым летным составом и подготовить его к напряженной боевой работе. За этот период летным составом нашей части произведено 1 518 учебно-боевых полетов. Средний налет на одного летчика составляет 13 часов 42 минуты.

Программу обучения молодого летного состава мы закончили раньше срока на целый месяц. Молодой летный состав обучался на боевых традициях летного и технического состава нашей части. Ему передали наказ работников Главсевморпути, врученный нам при передаче боевых самолетов «Советский полярник».

Заверяем Вас, что в будущих боях с честью выполним Ваш наказ. Смелостью, мужеством, отвагой и героизмом добьемся, чтобы наше алое гвардейское знамя украсил орден Красного Знамени.

С гвардейским приветом

Командир части гвардии
полковник **Шинкаренко.**

Зам. командира части
гвардии подполковник **Стенченко.**

ШЕФСТВО НАД ДЕТСКИМИ ДОМАМИ

ЧЕРЕЗ тысячи километров, невидимыми нитями связаны далекие полярные зимовки с Большой Землей. Как никогда окрепла эта связь в дни войны. Завывает пурга. Черным пологом спустилась над льдами полярная ночь. Много у людей своих забот и волнений. А все же мыслями они на Большой Земле, там, где идет бой, где решается судьба народа, всей страны.

Сама жизнь подсказала — теперь, когда страна воюет, надо всем, чем только можно, помогать Родине, народу.

И помогают. Прежде всего помогают лю д ь м и.

Конечно, и в мирные годы каждый человек на полярной станции был на счету. Теперь счет особенно придирчив и строг.

На Врангеле зимовало 11 человек — осталось шесть. Уехали второй метеоролог, радист, механик, повар, служитель-каюр. Они пригодятся на других трудовых постах или пойдут воевать. А пока полтора года подряд изо дня в день

через каждые два часа единственный метеоролог станции, без всякой подмены, ведет свои наблюдения. Радиотехник одновременно работает механиком, кладовщик — счетоводом и каюром-служителем.

Начальник станции выполняет всю черную работу по станции, заменяя тем самым еще двух работников. Готовят обед по очереди. Объем научных работ не сократился, а выполняются они, как и требует того военное время, точно и при отличном качестве.

Помогают Большой Земле бережливым расходом снаряжения, продуктов, механизацией всех внутренних ресурсов. На том же Врангеле полярники занялись заготовкой моржей. Заготовку ведут по-хозяйски — с разделкой: снимают шкуру, сало укладывают в бочки. В прошлом году пять моржовых туш отправили в бухту Провидения, несколько штук на мыс Шмидта. Сала сняли 26 бочек, по 200 килограммов в каждой. Весной расконсервировали теплицу и в ней без отопления вырастили 7 килограммов салата, 22 килограмма свеклы, 3 с лишним килограмма капусты, 700 штук редисок, немного луку, петрушки, репы. Как ни мало, а все же меньше завозить с материка.

Помогают деньгами. Как только приходит весть о выпуске нового займа или всенародном сборе в фонд Красной Армии — каждая полярная станция горячо откликается на призыв Большой Земли. Подписываются на 200, 300 и даже 500 процентов зарплаты. «Пусть наши рубли стальным ударом обрушатся на головы проклятых фашистов», — пишут полярники Уэлена.

Помогают своим трудом. На Диксоне в декабрьские пуржливые дни, наперекор всем трудностям, план строительных работ выполняется вдвое быстрее довоенного. Сверх того, во внеурочное время строители утеплили большой жилой дом выполнив эту работу бесплатно, в подарок фронту. Летом, во время навигации, полярники порта Диксон на воскресниках заготавливали дрова, ремонтировали клуб, жилые и хозяйственные здания, грузили на суда уголь.

Бесперебойно работает великая северная морская магистраль. Она непосредственно примыкает к правому флангу нашего гигантского фронта. И люди за тысячи километров ощущают близость войны. В большом и в малом они работают на войну. В этом, прежде всего, и проявляется высокий патриотизм советских полярников.

Среди многих патриотических начинаний военных дней пожалуй одним из наиболее выдающихся является благородный почин, возникший в августовские дни 1942 года на далеком якутском севере — в небольшом коллективе полярников Тикси.

Было это 24 августа 1942 года. В Тикси состоялось собрание молодежи и комсомольцев. На собрании выступил приехавший из Москвы помощник начальника Политуправления. Он подробно говорил о жизни Большой Земли. И среди других дел он рассказал о том, что многие семьи по инициативе московских работниц с «Красного богатыря» усыновляют ребят, обездоленных немецкими варварами, оставшихся сиротами во время войны.

Рассказ взволновал молодежь. Но чем помочь маленьким жертвам войны? Многие полярники и своих детей не видят по два-три года. Вот тогда и родилось предложение взять шефство над одним из детских домов. На следующий день общее собрание сотрудников полярной станции одобрило почин молодежи. Решили ежемесячно отчислять однодневный заработок на воспитание осиротевших детей.

«В тяжелые дни, переживаемые нашей Родиной, — написали тиксинцы в своем обращении к полярникам, — много наших ребятишек, вывезенных из оккупированных немцами районов, лишились родителей, остались сиротами.

Партия и правительство организуют для них детские дома, воспитывают их. На помощь государству пришли советские граждане, которые берут на воспитание ребятишек-сирот и заменяют им родителей.

Мы, советские полярники, не имеем возможности взять на воспитание детей к себе в Арктику. Вот почему мы решили взять шефство над одним из детских домов. Мы будем ежемесячно отчислять деньги на воспитание детей, посылать им подарки, вести с ними регулярную переписку.

Призываем все коллективы Советской Арктики последовать нашему примеру».

Ответ не заставил себя ждать. Предложение тиксинцев поддержали остров Диксон, мыс Шмидта, бухта Кожевниково...

На Диксоне развернулась индивидуальная подписка. Полярники вносили в фонд помощи детям однодневный и двухдневный заработок. Домохозяйки для своего будущего подшефного детского дома собирали деньги отдельно — по подписному листу. Коллектив порта, кроме того, отчислил для детей десять месячных пайков. Работники полярной станции выделили три пайка.

Навигация 1942 года уже заканчивалась. До следующего лета, до прихода судов только немногие коллективы смогли послать свои посылки. Остальным пришлось пока ограничиться переводом денег и краткими радиogramмами.

Но все же уже тогда — осенью и зимой 1942 года — был заложен прочный фундамент замечательной дружбы.

Полярники мыса Шмидта приняли шефство над Клязьминским дошкольным детским домом. В доме 60—70 ребят. Запросили, в чем нуждаются детишки. Заведующая ответила: нужны теплая одежда, обувь. Полярники привлекли к шефской работе школу и факторию. Учителя и работники фактории приняли активное участие в сборе денег, чукотские ребята с огромным энтузиазмом шили меховые варежки и чулки для своих далеких маленьких друзей. С последним парходом в Клязьму ушли две большие посылки с теплой одеждой, мануфактурой и продуктами. А к 7 ноября детский дом получил первый денежный перевод — несколько тысяч рублей.

Весной на мысе Шмидта устроили лотерею. Работники фактории и полярной станции сдали для розыгрыша разные личные вещи. Чистый сбор дал более 7 тысяч рублей. Пять тысяч перевели детскому дому к 1 Мая, остальные пошли на покупку мануфактуры и шоколада. Из собранных среди сотрудников постельных и носильных вещей женщины-полярницы нашили ребятам белья и верхнего платья.

С детдомом завязалась оживленная переписка. Чукотские ребята писали на Клязьму о своих ярангах, оденях и собаках, о том, как они учатся и развлекаются. Полярники — о том, как они работают на далеком Севере. А работали они неплохо. В 1943 году научная группа полярной станции мыса Шмидта перевыполнила план по всем разделам. Метеорологи, аэрологи, гидрологи выполнили много сверхплановых работ.

С одним из ответных писем детишки прислали две групповых фотографии. Снимки очень заинтересовали чукотских ребят, и полярники охотно отдали обе фотографии в интернат. Воспитанники интерната, наконец, увидели маленьких своих товарищей, для которых они так старательно шили варежки и чулки.

За время шефства полярники мыса Шмидта передали в детский дом 33 тысячи рублей деньгами, 60 комплектов одежды и белья, много мануфактуры, обуви, десятки ки-

логаммов масла, сгущенного молока, какао, шоколада, сахара.

2 января 1944 года в Клязьминском детдоме была устроена большая елка. На праздник к ребятам приехали вернувшиеся в Москву начальник и парторг станции мыса Шмидта. По поручению коллектива полярников они внимательно ознакомились с жизнью дома. «Впечатление очень хорошее. Все ребята веселые, чистые и здоровые. Воспитатели заботливы и внимательны» — так рапортовали они на мыс Шмидта. Маленькие детдомовцы заявили, что когда они вырастут, то непременно станут полярниками, потому что у полярников много конфет и шоколада...

В студеной далекой Арктике живут и работают люди с горячим сердцем. Много детей, лишенных родного крова и родительской ласки, согревают они своей заботой. В 11 детских домах, подшефных полярникам, воспитывается 1 600 ребят.

Полярники бухты Провидения шефствуют над домом, где живут дети латвийских бойцов и партизан. Из пятисот ребят, выехавших с места, до Татарии доехало только двести. Остальные погибли в пути от сбстрела и бомбежек фашистских варваров. Много ужасов пришлось пережить малышам. На глазах у них гибли родные, матери, гибли их маленькие товарищи. Никогда в их детских сердцах не угаснет ненависть к немецким извергам, которые в своих злодеяниях не щадили даже детей.

Полярники бухты Провидения перечислили подшефному дому 155 тысяч рублей. Кроме того, детишки получили теплую одежду, мануфактуру и несколько больших посылок с шоколадом, какао, сахаром, мукой.

Полярники бухты Кожевниково шефствуют над Свияжским детским домом для детей фронтовиков.

За прошлый год они перевели 145 тысяч рублей, послали детишкам 160 пар валенок и много индивидуальных посылок.

Ребята подробно пишут шефам о том, как живут, учатся, работают на огородах, в колхозах и совхозах. В одном из писем они рассказали, куда расходуются деньги полярников.

«Нам очень нужна была слесарная и сапожная мастерская, но дело стояло из-за инструмента. У нас были верстаки, а нехватало мелкого столярного инструмента. И вот теперь Ольга Михайловна (директор) купит инструмент на ваши деньги.

Летом мы сажали и много кушали огурцов, моркови и других овощей. В этом году площадь огородов нам нужно увеличить вдвое.

особенно картошки. Сейчас у нас мало картошки, и Ольга Михайловна на ваши деньги купила нам картошку у колхозников.

И еще мы обзаводимся хозяйством. У нас свое хозяйство пока еще очень бедное: одна лошадь и пять свиней, а коров совсем нет. Нам на ваши деньги купят хороших коз, чтобы слабых ребят поить молоком.

Вот видите, дорогие товарищи, как хорошо, что вы взяли над нами шефство».

Наивное это детское письмо дороже всяких похвал и благодарностей.

Над одним из красноярских детских домов, где воспитываются дети доблестных защитников Ленинграда, шефствуют полярники Малой Хеты. Они перевели детдому 33 тысячи рублей и отправили 779 вещей. Среди подарков — костюмчики, детские платья, белье, обувь, галоши, меховые унты.

Полгода назад полярники мыса Челюскина взяли шефство над детским домом, находящимся в Ленинграде. Они перевели ребятам свою премию — 10 тысяч рублей, полученные за успехи в социалистическом соревновании, и послали 500 килограммов жиров. С последними пароходами отправлены различные подарки, вплоть до медвежьих шкур.

Полярники бухты Угольной послали своему подшефному детскому дому в Сталинграде 14 тысяч рублей и 5 тонн рыбы (21 бочку).

Недалеко от Тамбова находится Кардымовский краснознаменный детский дом. Все воспитанники дома — отличники учебы. Над этим детдомом шефствуют полярники острова Диксон. Они отправили своим подшефным 650 килограммов продовольственных посылок и 68 тысяч рублей.

Жизнь полярников очень интересует ребят. Письма из Арктики перечитываются по многу раз. Многие из ребят в мечтах представляют себя знаменитыми полярными исследователями, полярными моряками, радистами. И диксоновцы в своих письмах не забывают рассказать о примерах, которые учат упорству, находчивости, умению найти выход из самых трудных положений: пусть ребята подражают таким примерам и растут настоящими людьми.

Разве не достоин подражания радиотехник Новокрещенцев, который в кустарной диксоновской мастерской построил точный электроприбор — частотометр, ничем не отличающийся от заводского? Или радиотехник Максимов, который, работая по ночам, смонтировал запасный радиопередатчик? Или кузнец Яковлев, в невероятно сложных условиях наладивший штамповку гаек? Или шофер Долонин и его това-

рищи, которые привезли из тундры, за много километров, заброшенный трактор, восстановили его и теперь перевозят на нем сотни тонн грузов?

Недавно мы побывали в подшефном детском доме «Молодой рабочий» под Москвой. Над ним шефствуют инициаторы замечательного движения — тиксинцы. Здесь живут семьдесят ребят, пострадавшие от немецкой оккупации, побывавшие в самом горниле войны, раненые, потерявшие родителей. Несколько мальчиков старше 14 лет уже перешли из детдома в школу ФЗО.

В большом деревянном доме, красиво отделанном резьбой, громко разносятся веселые детские голоса.

Перерыв между занятиями. Ребята из младших классов собрались вокруг печки, они подкладывают дрова и тихонько напевают. За пианино девочка лет десяти наигрывает простенькие песенки. Вокруг нее тоже кучка ребят. Никто не толкается, ни дерется. Старшие мальчики деловито одеваются — они уходят работать в слесарную мастерскую.

Ребята в детдоме подобрались самые различные: здесь и деревенские, и москвичи, и жители небольших районных городков. «Материал», как говорят педагоги, очень трудный. Тем больше заслуга тех, кто за два года своим беззаветным трудом и любовью залечил у детей многие раны, нанесенные войной.

В школе, где учатся детдомовцы, их всегда ставят в пример, они — гордость школы. Успеваемость у всех стопроцентная, а поведению могут поучиться дети, живущие в семьях.

У некоторых из ребят отцы на фронте. Но матерей почти ни у кого нет. У многих родители погибли на их глазах или во время боев от рук немецких палачей. В детдоме есть альбом под заглавием «Мы обвиняем фашизм», в котором собраны рассказы ребят о пережитом. И от того, что написаны они, эти рассказы, очень просто, с детской наивностью, правда их звучит еще страшнее.

Вот запись Жени Савостьянова, 13 лет.

«...Немцы открыли по нашему дому огонь из танков. От снарядов дом загорелся. Мы выбежали на улицу. В это время один фашист вскинул винтовку и убил мою мать. Отец мой сейчас на фронте. А я пошел в детдом. Здесь нас хорошо кормят, одевают и обувают».

Или запись Веры Орловой:

«Я жила в городе Малоярославце. Когда пришли немцы, они издевались над нами: отбирали скот, одежду, мебель и все, что попадало под руку. Немцы выгнали на мороз всех детей без обуви и

одежды, а наш дом сожгли. Мы решили пробраться к своим. От Малоярославца мы успели отойти только 18 километров, как начались бои. Тогда убило моих родных, а меня ранило в щеку. 11 суток я пролежала в подвале. Меня подобрал бойцы и перевезли в госпиталь».

Фашистская пуля изуродовала лицо Веры. Выбито много зубов, разорвана губа. Крестообразными швами стянута правая щека. Теперь обо всем прошедшем Вера рассказывает спокойно: и о том, как отца ранило осколком в бок и он через несколько минут умер, и о том, как волной ударило братишку о стену дома и размозжило ему голову, и о том, как больно ей было после ранения и некому было ее перевязать... Но не надо быть психологом для того, чтобы понять: этот ребенок никогда не забудет того, что он видел своими глазами, никогда не простит фашистам потери родного крова, гибели своих родных.

Детдом занимает два больших дома в дачной местности Пушкино. Мы обходим дом, в котором находятся детские спальни — просторные светлые комнаты с рядами опрятных сеточных кроваток, с самодельными художественными ковриками на стенах. Одна комната отведена под швейно-рукодельную мастерскую. Старшие девочки шьют для детдома белье и носильные вещи, младшие — и девочки и мальчики с одинаковым увлечением — учатся вышивать. Во втором доме несколько комнат оборудовано для домашних занятий школьников. В большой столовой, в клубной комнате, кухне, кастилянской — всюду чисто, уютно и красиво. Вышитые салфеточки, коврики, диванные подушки как бы подчеркивают теплоту этого детского очага.

Отрадно также и то, что в детдоме нет и следа «казенного однообразия». Каждый ребенок даже внешне сохраняет свою индивидуальность. Все дети хорошо одеты: у девочек по несколько шерстяных платьев, у мальчиков различные костюмчики. У всех есть разноцветные джемперы и вязаные кофточки. Многие девочки носят косы.

Мы разговорились с ребятами. Что их занимает?

Захлебываясь, они говорят о своем подсобном хозяйстве. Уже есть корова, а кроме того 5 овец, штук 7 ягнят, 3 свиньи. Огород занимает 3 гектара. С него собрали 20 тонн картофеля, горох, капусту и другие овощи. Помимо общего огорода, у всех ребят были свои индивидуальные грядки. На них они сажали что хотели, соревновались в искусстве овощеводства и потом с наслаждением угощали друг друга

плодами своих рук. Обработывали землю завхоз с воспитателями. Иногда доставали лошадь. Часть земли вскапывали вручную. Сажать и убирать картошку и овощи выходили все ребята.

Каждую неделю в детдоме проводится клубный день. По очереди выступают два класса, остальные — зрители. В программе — стихи, басни, песни, пьески, физкультурные выступления. В антрактах — шарады и загадки.

С гордостью ребята показывают свои альбомы. В них собраны фотографии и цветные иллюстрации, вырезанные из журналов, а также собственные рисунки, заметки, стихи. Один альбом посвящен Ленину, другой — Красной Армии, третий — Северному полюсу.

Отлично оформлен очередной номер литературно-художественного журнала детей «За победу». В нем три отдела: первый — общеобразовательный (статьи о Суворове, Пушкине, Репине и Чайковском), второй — «Советская молодежь в дни Отечественной войны» (статьи о Матросове и Зое Космодемьянской), третий — «Наше творчество». Последний отдел самый интересный. Он состоит из стихов и нескольких заметок. Все они на тему о войне. Дети знают о ней не только по наслышке, не только из книг и газет. Они видели войну своими глазами, пережили ее, их близкие участвовали в ней, а у некоторых отцы и сейчас на фронте.

На деньги, получаемые от шефов-тиксинцев, ребята ездят в Москву в кино. На эти же средства приглашен физкультурный работник и куплен музыкальный ящик — «говорящая бумага» с большим репертуаром. Ребята научились его включать. Уютно рассевшись на диване, они подолгу слушают музыку.

Из Тикси в Пушкино часто приходят горячие приветы. Письма приходят и с самолетами и с кораблями.

«У нас наступило северное лето — писали полярники в одном из писем. — Правда, кругом еще на холмах лежит снег, и море покрыто льдом, но становится тепло. В хорошие, солнечные дни можно по улице ходить без теплой одежды. Появились северные цветы. Они не так пышны и красивы, как у вас, но мы тоже любим их.

Ловим рыбу. Поймали и засолили для вас три боченка омулей. Отправим с первым пароходом. Готовим вам подарки, письма и фотографии.

Скоро начинается третья военная навигация на трассе великого Северного морского пути.

Мы должны обслужить все проходящие корабли и пролетающие самолеты службой связи и погоды. Когда вы будете отдыхать после учебного года, у нас будет самая горячая работа. В прошлую нави-

гацию наша станция работала не плохо. В эту навигацию постараемся работать еще лучше.

Напишите, какие вы получили отметки. Учитесь, ребята, лучше. Знайте, что нашей стране нужны хорошие работники, знающие свое дело. Сейчас, как никогда, надо хорошо выполнять завет Ильича: «Учиться, учиться и учиться».

Пишут пушкинским ребятам не только взрослые, но и тиксинские ребята. И как интересно читать письмо Славы Козырева:

«...Живу я на барже и сейчас не приходится играть часто, потому что ходить по льду уже опасно».

А Стасик Новосельцев вот что написал своему незнакомому другу Сереже Викторову:

«У нас, на Севере, природа скудная, а климат суровый. Здесь растут карликовые стелющиеся березки и цветы. Я хожу на охоту, на рыбалку, за цветами. На Севере я живу уже четыре года».

И далекий Север становится дорогим и близким для тех, кому Родина стала новой большой семьей.

Тиксинцы перевели подшефному детскому дому «Молодой рабочий» 128 тысяч рублей и прислали много индивидуальных посылок. В детдоме часто бывают и возвращающиеся из Арктики полярники. Так, на примере одного этого дома наглядно видны плоды благородного начинания, возникшего в августовский вечер 1942 года.

Шефство над детскими домами ширится дальше. В январе 1944 года коллектив ледокола «И. Сталин» взял шефство над детским домом в Архангельске. В феврале Якутский политотдел оформил шефство над двумя домами — в Якутске и Кизляре. За 1943 год полярники собрали для детей 485 тысяч рублей, отправили 250 посылок с вещами и продовольствием.

В суровые годы войны гуманизм советских людей сумел преодолеть пространства и доказать еще раз, как высоко в Советской стране поднято имя человек.

НА БОРТУ „ЕРМАКА“

В ОЙНА застала «Ермак» в Ленинградском порту. Ледокол готовился к арктической навигации. Однако не пришлось ему на этот раз идти в северные моря, ломать лед по знакомым морским дорогам.

Новая страница открылась в биографии славного корабля — дедушки нашего ледокольного флота.

Мирный корабль вооружился. Все судовое снаряжение было заново пригнано, притерто, чтобы действовать согласованно и точно. Команда усиленно занялась военным обучением. Закаленная в ледовых плаваниях, она готовилась к тому, чтобы смело и самоотверженно встретить любые испытания.

И они — эти испытания — не заставили себя ждать.

10 сентября 1941 года в 23 часа ледокол впервые подвергся налету фашистских самолетов. Одна из тяжелых фугасных бомб упала на берегу, всего лишь в пятидесяти метрах от корабля. Взрывная волна разметала деревянный склад. Постройка эта закрыла «Ермак» и спасла его. Старый богатырь остался невредимым. Его корпус только содрогнулся, весь заскрипел, подался в сторону. Со зловещим шипением лопнули причальные тросы.

С той поры налеты стали обычными и ежедневными. При хорошей погоде немецкие стервятники налетали эшелонами и волнами по 16—20 штук. И одиночные самолеты, и целые группы то пикировали на ледокол, то бомбили его с бреющего полета. Ледокол срочно снимался с якоря и маневрировал по рейду, описывая циркуляцию и зигзаги. Вместе с береговыми батареями зенитки ледокола вели интенсивный заградительный огонь.

В один из налетов на «Ермак» было сброшено 36 бомб. Ни одна из них в ледокол не попала. Правда, 27 бомб упали в воду всего на расстоянии 20—50 метров, а 9 бомб у самого борта, охватив корабль со всех сторон и осыпая осколками палубу и надстройки. Видимо, лакомым кусочком казался «Ермак» гитлеровским пиратам. Близок локоть, да не укусишь!

Порою дым и взметы воды вовсе скрывали ледокол. Наблюдатели береговых пунктов несколько раз считали его погибшим. Но когда дым рассеивался, когда спадали водяные

взметы, на удивление всем «Ермак» оказывался целым и невредимым.

Послушный своему капитану М. Я. Сорокину, корабль совершал сложнейшие маневры. Спокойствие капитана, его решимость и уверенность передавались во все уголки судна — и палубным матросам, и машинистам, и кочегарам.

Высокие трубы «Ермака», его мачты и высокие борта хорошо усматривались из Лигова, Стрельны и Петергофа, где стояли немецкие батареи. С каждым днем усиливался артиллерийский обстрел. Пришлось менять места стоянок.

В 1941 году зима наступила необычайно рано и выдалась на редкость суровой. Нева стала 22 октября. Уже в середине ноября портовые ледоколы не могли справиться с проводкой судов. В действие был введен «Ермак».

Еще никем не описаны плавания «Ермака» в те дни. В кубриках ветераны-ермаковцы рассказывали молодежи о славных традициях корабля. Они вспоминали о легендарном «ледовом походе» 1918 года, когда под огнем вражеских батарей «Ермак» вывел из Гельсингфорса в Кронштадт сотни вымпелов Балтийского военного флота. Они вспоминали о плаваниях во льдах Белого моря в дни финской кампании. Но все, что выпадало на долю «Ермака», за все более чем сорок лет его плавания, было мелочью с тем, что пришлось преодолеть сейчас.

За полтора месяца «Ермак» совершил 16 рейсов Ленинград — Кронштадт и 6 рейсов из Кронштадта к фортам и маякам Финского залива. В исключительно трудной ледовой обстановке прошел рейс к о. Лавенсари.

Как правило, ходили под ожесточенным и прицельным

*Капитан 2 ранга
Михаил Сорокин.*

артиллерийским обстрелом. Немцы выпустили по ледоколу около 1000 снарядов, из которых 700 легло вблизи корабля.

Кое-когда при плохой видимости удавалось проскользнуть без обстрела, незамеченными хотя, немцы все время ощупывали местность мощными прожекторами.

Если не считать мелких пробоин, то за все время «Ермак» имел только одно более или менее серьезное повреждение по левому борту. Это повреждение заделали в течение пяти дней.

Взбешенные неуязвимостью ледокола и идущих с ним караванов, фашисты стали разбрасывать на его пути магнитные мины. Одна из них взорвалась под самым бортом так, что взмет грунта и воды обломал антенную рею на высоте 36 метров, почти под клокотком мачты.

«Ермак» двигался несмотря ни на что. Спасал опыт Михаила Яковлевича Сорокина. Немало перевидал он на своем веку, не раз выводил порученные ему корабли из самых сложных переплетов. И на этот раз с мостика шла четкая и уверенная команда. При подходе к о. Лавенсари М. Я. Сорокин выбрал проход, где никогда раньше не ходили большие и глубоко сидящие суда, так как проход считался в гидрографическом отношении не обследованным. Каким-то особым чутьем капитана, чутьем, которое дается только многими годами практики, даже в этом сверхсложном походе Сорокин сумел выбрать правильный и наиболее безопасный путь, прошел по нему, проскользнув буквально под носом у немцев и финнов.

Самой неприятной была часть открытого морского канала на протяжении 3—4 миль от конца дамб до Петергофского буя. Походы по этому участку совершались почти ежедневно, как только успевали подбункероваться. Шли даже при отличной видимости, при полном диске луны, когда ледокол ясно и отчетливо вырисовывался на фоне земли и казалось бы представлял собою идеальную цель. Двигались с караваном со скоростью не более 3—5 узлов.

Караван составлялся из самых различных средних и мелких судов — транспортов, эсминцев, тральщиков, буксиров, танкеров, пассажирских судов, барж. Немногие суда могли идти самостоятельно по следу ледокола. По мере утяжеления льда, то одно, то другое судно приходилось брать на буксир. Иногда на буксире «висело» до 3—4 судов. Все это сильно стесняло движение лидера, особенно при обходе или форсировании ледовых перемычек.

Некоторые из судов были совершенно неприспособлены для плавания во льдах. На них отсутствовало надлежащее оборудование и устройство для крепления буксиров. Темнота затрудняла определение характера льда, выбор наиболее проходимых льдов. Часто сам ледокол заклинивался в тяжелых и восторошенных льдах. Для освобождения приходилось «перешагивать» воду. Очень трудно было поддерживать связь с идущими сзади судами. Ограниченным был и запас угля.

Немцы сосредоточивали свой огонь на ледоколе. Стреляли залпами. Одновременно по 3—4 снаряда ложились в 50-метровом квадрате.

Маневрировать почти не приходилось, так как длина ледокола превышает ширину канала.

И все же шли. Единственная дорога к Кронштадту лежала по каналу, и выбора не было.

Всего по каналу «Ермак» провел 89 судов. При артиллерийском обстреле на его борту был убит 1 человек и 36 человек ранено.

Все задания военного командования были выполнены полностью.

Так наш славный «Ермак», его героическая команда внесли свою лепту в дело бессмертной обороны города Ленина.

РЕЙСЫ В ОСАЖДЕННЫЙ ЛЕНИНГРАД

В ФЕВРАЛЕ 1942 г. было решено эвакуировать из осажденного немцами и финнами Ленинграда работников и научное имущество Арктического института. Эвакуацию можно было осуществить только воздушным путем. Для полетов по маршруту Череповец — Ленинград — Череповец надо было назначить опытного и бесстрашного летчика. Выбор пал на Георгия Константиновича Орлова.

Трудно было найти пилота, более подходящего для таких необычайных грузопассажирских рейсов, связанных с ежеминутной смертельной опасностью.

Капитан Георгий Орлов.

Георгию Орлову исполнилось 40 лет. Мальчиком, участвуя в гражданской войне, он был боевым разведчиком-мотоциклистом в одном из бронеотрядов 9 армии, действовавшей на Северо-Кавказском фронте. После гражданской войны Орлов, не изменяя мотору, работал в автобазе Совнаркома Союза в команде связи. Через несколько лет, как активиста ячейки Осоавиахима, его направили в Ленинградскую военно-теоретическую летную школу. Окончив ее, он уехал в практическую школу летчиков в Оренбург. Так в строй военно-воздушных сил РККА вошел новый летчик-истребитель.

Несколько лет Орлов служил в одной из военных истребительных частей. После выхода в резерв, не изменяя мотору, он пошел работать в гражданскую авиацию. Летал в Средней Азии, в Западной Сибири, на линии Москва — Архангельск.

Где-то на воздушном полустанке между Архангельском, Котласом и Сыктывкаром судьба свела Орлова с летчиком Фарихом. Уже давно, сразу после челюскинской эпопеи, Орлова потянуло на Север, в Арктику. Теперь это стремление с помощью новых друзей стало возможным быстро осуществить. Вскоре Орлов перешел в полярную авиацию. Он бороздил воздух над Енисеем, перевозил грузы из Игарки и Дудинки в Норильск, летал на Хатангу, все более и более привыкал к Северу, к полетам в любую погоду, в пургу, в полярную ночь.

Ко времени знаменитой экспедиции на Северный полюс Орлов имел за плечами солидный опыт, он был назначен вторым пилотом на самолет Молокова. За самоотверженную работу в полярной экспедиции Орлов получил первую свою награду — орден Ленина.

Потом вместе с Молоковым, Алексеевым и Водопьяновым Орлов в ледяной пустыне центральной Арктики искал Леваневского. Вместе с Алексеевым и Головиным Орлов летал к дрейфовавшему во льдах на севере моря Лаптевых каравану ледокола «Седов». На острове Рудольфа Орлов нес «седовскую вахту».

Ему не сиделось дома. Да, собственно говоря, вся Арктика и была его домом. Одна экспедиция сложнее другой следовали друг за другом, он не гнушался и черновой работой. В Карском море Орлов вел преднавигационную разведку, потом работал на линии, летая на «ПС-84» по великому северному транс-сибирскому маршруту Москва—Чукотка. От Игарки ему приходилось долетать до Крестов Колымских.

На неизменном «ПС-84» Орлова застала Великая Отечественная война. Не меняя своей любимой машины, Орлов перебрасывал оружие и боеприпасы из Москвы в Мурманск. Потом по заданию Наркомата Военно-Морского Флота летал с грузом в осажденный Севастополь. И вот теперь предстояло лететь в осажденный Ленинград...

Таковы в самом что ни на есть сжатом очерке основные вехи биографии полярного летчика Орлова. Итак, он летел в Ленинград.

4 февраля 1942 года Орлов повел свой «ПС-84» из Москвы в Череповец. На борту самолета были нач. Политуправления Новиков, штурман Аккуратов, бортмеханик Кекушев, бортрадист Наместников, второй бортмеханик Бак, работник Главсевморпути Кузнецов. Перед вылетом из Москвы на самолет погрузили несколько тонн продуктов для организации питания в Ленинграде и Череповце.

Уже через несколько часов «ПС-84» приземлился в Череповце. Пока здесь оборудовали общежитие и столовую для ленинградцев, Орлов, не задерживаясь, вместе с московскими пассажирами вылетел в блокированный врагом город.

В Череповце Орлова предупредили о том, что наши транспортные самолеты — любимый объект для немецких истребителей. «У фрицев «охотников» до вашего брата много», — насмешливо сообщали ему военные летчики.

В первый рейс «ПС-84» шел в группе в сопровождении наших истребителей. Немецкие «охотники» могли только облизываться издали. Самолет благополучно миновал Ладожское озеро. И вот уже под лыжами ленинградский аэродром...

Это была тяжелейшая блокадная, голодная и холодная, для Ленинграда зима 1941/42 года. Прекрасный город, ок-

руженный со всех сторон, героически оборонялся. Изматывая людей непрерывными бомбежками, обстрелом, голодом, немецкие изверги ждали, что Ленинград станет на колени. Но с каждым днем крепла воля ленинградцев. Люди гибли под обстрелом, умирали от голода, но не сдавались. Они жили стиснув зубы, полные смертельной, яростной ненависти, жили, работали, боролись. Многие, вконец обессилив, боясь одиночества, переселялись к родственникам, друзьям, знакомым, жили на заводах и фабриках, в учреждениях. У многих были разрушены бомбардировкой дома. Другие просто искали более теплого угла или сэкономили силы и, чтобы не ходить на работу, прямо там и оставались жить.

Большинство адресов, полученных в ленинградских организациях Главсевморпути, оказались неверными. Новиков, Орлов, Кузнецов, подобно следопытам, шарили по всему Ленинграду. По одному адресу Орлов нашел в квартире только двух плачущих детей с бледными, восковыми лицами — мальчика и девочку 7—8 лет. Их родители умерли. Разыскивали каждого человека с огромнейшим трудом. Вначале непривычно было ходить по городу под артиллерийским обстрелом. Потом привыкли. Постепенно, один к одному, собралась первая группа полярников.

Орлов поспевал всюду. Он заботился о теплом помещении для прибывающих на аэродром; он сам следил за тем, чтобы каждый получил свою долю масла, сухарей и сахара; его видели на погрузке личных вещей эвакуируемых. Вместе с Новиковым, Орлов брал на руки детишек, не доверяя их матерям, с трудом стоявшим на ногах. Наиболее ослабевших он лично вносил в самолет, где усаживал, создавая возможные удобства. Все наличные теплые вещи, оказавшиеся в самолете, были пущены в ход.

Орлов бережно укутывал людей, потерявших способность двигаться. С молчаливым восхищением смотрели они на мужественную фигуру пилота, склонявшуюся поочередно над каждым из них.

Наконец все устроены. Можно лететь... Но нет! Еще не все! Орлов обошел пассажиров, оделяя их таблетками витамина С, сахаром, ободряя простыми задушевными словами. Он и сам был взволнован и потрясен всем, что довелось ему увидеть в осажденном городе.

В пути экипаж проверял самочувствие людей, оказывая им, в случае необходимости, помощь.

Нежнее и заботливее даже мать не могла бы отнестись к своему ребенку!

Орлов не знает имен спасенных им людей. Но его имя дорого каждому полярнику-ленинградцу. Они берегут в памяти образ, слова, жесты и улыбку человека, самозабвенно выполнявшего свой долг, олицетворявшего в тот момент заботу Родины о людях Ленинграда.

«ПС-84» пошел в обратный рейс — в Череповец. Машина была забита людьми доотказа. Чтобы взять как можно больше пассажиров, Орлов сократил до минимума запас горючего. Позднее это вошло в правило при каждом полете из Ленинграда в Череповец.

Самолет шел через Ладожское озеро бреющим полетом, почти прижимаясь ко льду. Миновав озеро, Орлов повел его лощинами между возвышенностями. Вот, наконец, и Тихвин. Посадка, и опять дальше — на Череповец.

В Череповце Орлов посадил людей в машины лишь после того, как убедился, что они в состоянии продолжать свой дальнейший путь к эвакуации.

Первый рейс в Ленинград и обратно прошел успешно. Но впереди — переброска еще нескольких сот людей и многих тонн груза...

«ПС-84» снова пошел в Ленинград. Для «зарядки» на этот раз Орлову рассказали о том, как немецкие охотники сбили «ТБ-3», который рискнул пойти без сопровождения. Собственно говоря, разговоры эти Орлова не особенно устроили. Он много видел на своем веку и верил в свою счастливую звезду. Но рисковать машиной он не мог, она нужна была для спасения сотен людей. Поэтому первое время Орлов все же старался вылетать в составе сборной группы под охраной истребителей. Потом ожидания ему надоели. Они путали его расчеты и график. К тому же портилась погода, в Череповце можно было засидеться. Тогда, выбирая самую облачную и снежную погоду, Орлов стал летать в Ленинград и обратно по 2—3 раза в день. В конце-концов трасса была совсем несложной, а что касается всего остального, то разве полярному летчику не приходится всегда прямо и смело смотреть в глаза опасности? Перелет из Ленинграда в Череповец с посадкой в Тихвине занимал у него точно, как по расписанию, один час пятьдесят минут.

Низкая облачность. Синеватый снегопад. Транспортные самолеты не летают. Да и фриц вряд ли сунется в эту адскую завируху, но все же надо быть настороже. «ПС-84»

идет через Ладожское озеро почти вслепую. Самый опасный район! На повышенной скорости самолет пробирается по узенькому коридору между Новой Ладогой и Волховом, выходит на маяк на одном берегу, потом берет курс на другой маяк. Изредка бортрадист Наместников передает Орлову и Аккуратову «успокаивающие» сведения: в таком-то квадрате самолеты противника. Все-таки вылезли, проклятые. «ПС-84» слегка уклоняется в сторону от привычного маршрута, чтобы обойти подальше неприятный квадрат...

Нередко при подходе к аэродрому в Ленинграде или в Тихвине выяснялось, что над аэродромом идет бой. Но внизу, как всегда, было аккуратно выложено посадочное «Т». Самолет садился спокойно, по всем правилам. Однажды на ленинградском аэродроме «Т» не оказалось. Людей тоже не видно. Погода была настолько нелетной, что никаких самолетов не ждали. И вдруг прямо из снегопада вырвался самолет. Это Орлов делал еще один, «дополнительный» вылет за оставшимися в Ленинграде людьми.

Иногда у штурвала вконец уставшего Орлова заменял Аккуратов. Бортмеханики Кекушев и Баек, едва машина приземлялась, буквально не отходили от нее до тех пор, пока они не могли рапортовать о полном порядке.

Вскоре самолет Орлова стал ведущим. К нему из Череповца присоединяли для перелета в Ленинград другие транспортные самолеты. Порой в соседних группах гибли хорошие боевые товарищи. Удача не изменяла Орлову. Право на эту удачу он завоевал всей своей долгой и суровой жизнью полярника.

Пришла весна. Аэродромы раскисали. Работать становилось все труднее. В апреле 1942 года эвакуация ленинградских полярников была закончена. Сотни людей, уникальные документы и труды — результат более 150 научно-исследовательских арктических экспедиций — были спасены.

Орлов снова сменил маршрут. Он стал возить десантников в тыл врага.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Контр-адмирал И. Д. Папанин — С именем Сталина!	1
---	---

ЛЮДИ, КОТОРЫМИ ГОРДИТСЯ АРКТИКА

Генерал Александр Капнтохин	19
Герой Советского Союза Пусэп	34
Герой Советского Союза Асямов	41
Александр Штененко, Герой Советского Союза	42
Начальник партизанского штаба Староверов	56
Партизан Леонид Громов	66
Гвардии майор Михаил Каминский	80
Политрук Петр Зуев	93
Партизан Юрий Чернявский	97
Военный хирург Павлович	100
Радист Анатолий Шмаринов	107
Гвардии лейтенант Калашникова	114
Штурман Аккуратов	119
Майор Сергей Осипов	124
Штурман морской авиации Званцев	128
Иван Белозерский	141
Капитан Афанасий Мелехов	147
Григорий Горбунов	152
Капитан Дмитрий Сергневский	156
Николай Мутафи	159
Иван Овчинников	162
Иван Кузовлев	165
Командир саперов Илья Гатнев	169
Медсестра Александра Зимовец	172
Капитан Борис Низовцев	175
Земля Павла Мегера	179
Босц народного ополчения Иван Скляр	187

В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Контр-адмирал Папанин	197
Люди арктической науки	212
Великая дружба	218
Шефство над детскими домами	240
На борту „Ермака“	250
Рейсы в осажденный Ленинград	253